

Годъ 12-й.

Кн. XLVI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1900, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Товарища Предсѣдателя Отдѣла

Н. А. ЯНЧУКА.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Трехпрудный пер., с. д.

Печатано съ разрѣшеніа Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, при Московскомъ университетѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Лирники Орловской губерніи, въ связи съ историческимъ очеркомъ инструмента „малороссійской лиры“. <i>А. Д. Маслова</i>	1
II. Отголоски сказки объ Ерусланѣ. <i>Гр. Потанинъ</i> . . .	14
III. Судъ аксакаловъ и судъ третейскій у киргизовъ Кустанайскаго уѣзда Тургайской области. <i>С. Сабатаева</i> .	66
IV. Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ <i>А. Маркова</i> .	73
V. Памяти Павла Васильевича Шейна († 14 августа, 1900 г.) Съ портретомъ. <i>Всеv. Миллера</i>	96
Прибавленіе: Списокъ трудовъ П. В. Шейна, составилъ <i>А. Е. Грузинскій</i>	113
VI. Памяти Григорія Аветовича Джаншіева и Ильи Лукича Бахтадзе. <i>А. Хазанова</i>	115
VII. Смѣсь:	
Матеріалы для исторіи народнаго театра. VII. „Машенька“. <i>Вл. Добровольскаго</i>	117
Къ былинѣ о сорока калыкахъ со калыкомъ. <i>Н. Мендельсона</i> .	124
Забытая старая записъ одной былины и начало стихотворной „повѣсти о Теодорѣ Тиринѣ“. <i>А. Маркова</i> . . .	130
Обычаи, обряды и повѣрья въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородск. г. (Продолженіе). <i>М. К. Герасимова</i>	133
Пѣсня про кончину императора Александра II. <i>Н. Кашина</i> .	137
VIII. Критика и библиографія.	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ.	
Keleti Szemle. Revue orientale pour les études ouralo-altaïques. Budapest. 1900. <i>А. Хазанова</i> . (140).—Д-ръ М. Габерландтъ. Народовѣдѣніе. Перев. съ нѣм. М. Э. Гюнсбурга, изд. В. И. Губинскаго. СПб. 1900. <i>А. Максимова</i> (141).—Д-ръ Леманнъ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней. Перев. съ нѣм. изд. д-ра Петерсена, подъ ред. В. Н. Ливдъ. Изд. маг. „Книжное Дѣло“. Москва 1899—1900. <i>Ею-же</i> . (142).—Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Сборникъ лекцій и статей иностранныхъ ученыхъ и публицистовъ. Перев. съ англ. В. А. Тимирязева. Дохристіанскія и нехристіанскія вѣрованія. Изд. Суворина. 1900. <i>В. Х.</i> (152).—Негmann L.	

- Strack. Das Blut im Glauben und Aberglauben der Menschheit, mit besonderer Berücksichtigung der Volksmedizin und des jüdischen Blutritus. München. 1900. *А. Максимова*. (143).—
 Е. И. Якушкинъ. Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для библиографіи обычнаго права. Москва. 1899. *Ею-же* (145).—
 П. Лупповъ. Народное образованіе среди вѣтяковъ времени первыхъ извѣстій о нихъ до 1840-хъ годовъ. Вятка, 1898. *Его-же* (146).—Сборникъ матерьяловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. Изд. Сыръ-Дарьинск. Обл. Стат. Комитета, подъ ред. И. И. Гейера. Т. VII. Ташкентъ, 1899. *А. М.* (147).—
 А. А. Диваевъ. О свадебномъ ритуалѣ киргизовъ Сыръ-Дарьинской области. Казань, 1900. *А. Максимова* (147).—Сборникъ киргизскихъ пословицъ. Матеріалы по этнографіи киргизъ. Изд. Тургайскаго Обл. Стат. Комитета. Оренбургъ, 1899. *Ею-же* (147).—
 Павелъ Симонович. Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій. Вып. I, съ прилож. таблицъ снимковъ съ рукописей. Изд. Отд. русс. яз. и слов. И. Акад. Наукъ. СПБ. 1899. *А. Маркова*. (148).—
 Описаніе Минусинскаго Музея. Вып. IV. Е. Б. Яковлевъ. Этнографическій обзоръ инородческаго населенія долины Южнаго Енисея и объяснительный каталогъ этнографическаго отдѣла музея. Издаю на средства В. А. Данилова. Минусинскъ, 1900. *В. Х.* (152).—
 Проф. Т. Флоринскій. Малорусскій языкъ и „украинско-русьскій“ литературный сепаратизмъ. СПБ. 1900. *А. М.* (154).
2. Обзоръ журналовъ и газетъ, ... 155
 3. Новости иностранной этнографической литературы. *А. М.* 161
 4. Дополненіе къ библиографіи о башкирахъ. *А. de Genner*. 163
- IX. Вопросы и отвѣты. Суевѣрія относительно животныхъ.
N. W. Thomas 164
- X. Корреспонденціи:
 I. Изъ Тверской губерніи. (Суевѣрныя средства предохраненія отъ болѣзней). *А. Максимова* 166
 II. Изъ Вологодской губ. (О чтеніи и книгахъ среди крестьянъ). *А. Д. Неуступова* 166
 III. Оттуда же (Народные толки о Китайской войнѣ).
Ею-же 168
- XI. Хроника. Увѣковѣченіе памяти П. В. Шейна.—Правила о преміи имени А. М. Сибирякова. 169
- XII. Объявленіе о новыхъ изданіяхъ Этнографическаго Отдѣла.

Лирники Орловской губерні,

въ связи съ историческимъ очеркомъ инструмента
„МАЛОРОССІЙСКОЙ ЛИРЫ“.

Во время пребыванія моего лѣтомъ въ Орловской губ., Ливенск. у., въ селѣ Шатиловѣ, мнѣ пришлось услышать пѣніе слѣпыхъ нищихъ: старика, старухи и мальчика поводыря. Пѣли они какой-то апокрифическій стихъ, и пѣніе ихъ сопровождалось игрой старика на невиданномъ мною дотогѣ инструментѣ. Этотъ инструментъ оказался такъ называемой у насъ теперь малороссійской лирой. Пѣніе нищихъ, признаюсь, меня поразило, когда я услышалъ оригинальный, характерный напѣвъ старца, контрапунктируемый голосомъ старухи, а также поводыря и сопровождаемый граммонически незатѣйливымъ аккомпаниментомъ, но изобилующимъ трудно уловимыми украшеніями.

Пѣвцы, и особенно ихъ инструментъ, меня такъ заинтересовали, что я рѣшилъ непременно поближе съ ними ознакомиться. Одинъ мой знакомый крестьянинъ Д. И. Студенниковъ сообщалъ, что въ ихнемъ селѣ (Ольшаномъ, того-же Ливенск. уѣзда) есть плотникъ, который дѣлаеть, между прочимъ, инструменты для слѣпыхъ. Я попросилъ заказать для меня такой инструментъ, и лѣтомъ прошлаго года лира была готова. Какъ настраивать ее, первоначально указалъ мнѣ Д. И. Студенниковъ, онъ же доставилъ мнѣ текстъ заздравнаго стиха, записаннаго имъ съ голоса слѣпца. Послѣ того я ждалъ появленія въ нашемъ селѣ какого-нибудь слѣпца и наконецъ издала услышалъ пѣніе стиха „Мати Дѣва Пресвятая“... Пѣніе нищаго на этотъ разъ сопровождалось голосомъ одного только мальчика поводыря, который пѣлъ октавой выше, а не контрапунктировалъ, какъ пришлось мнѣ слышать раньше.

Такъ какъ я былъ въ это время заинтересованъ больше самимъ инструментомъ, а также манерой и способомъ игры, то текстъ и напѣвъ стиха не записалъ тотчасъ же, а послѣ, по моей просьбѣ, слѣпой его не повторилъ и, когда налаживалъ мою лиру, какъ нарочно наигрывалъ плясовую. Ощупавъ пальцами мою лиру, онъ освѣдомился, кто ее дѣлалъ; я отвѣтилъ, что въ с. Ольшаномъ. Тамошнее производство этихъ инструментовъ ему оказалось извѣстнымъ, и онъ говорилъ, что тамъ дѣлаютъ хорошіе инструменты. Затѣмъ началъ играть на моей лирѣ: она оказалась звучнѣе его лиры, и я думаю, что та была изготовлена другимъ мастеромъ, судя по формѣ, и звучала слабѣе, но мягче. За свою лиру съ наборомъ струнъ я заплатилъ 2 р. 45 к., а слѣпой сообщилъ, что бываютъ и лучше инструменты: такъ у него была лира, которую онъ продалъ одному „барину“ изъ Ливенскаго же уѣзда за 12 рублей. Это чуть-ли не самая высокая цѣна на такіе инструменты ¹⁾.

Лира, о которой я говорю, состоитъ изъ скрипичнообразнаго корпуса, съ двумя плоскими деками. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ у скрипки прикрѣпляется грифъ, къ лирѣ прикрѣплена небольшая коробка, по бокамъ которой вставлены 3 колка, на которые навязаны 3 струны: первая веревочная и толстая, средняя жильная, третья-обвитая канителью; иногда всѣ три бываютъ жильными. Двѣ крайнія настроены въ квинту, а средняя въ октаву съ третьей (напр. до-соль-до: такъ настроилъ слѣпой мою лиру). А. Е. Грузинскій въ „Этнограф. Обзорніи“ 1891 г. ²⁾ говоритъ, что лира эта строится такъ: самая толстая струна—основная, средняя жильная даетъ къ ней октаву, а третья квинту. А г. Пѣтуховъ въ описаніи инструментовъ музея С.-П. Консерваторіи говоритъ, что всѣ три струны звучатъ въ унисонъ. Не могу судить, насколько правильны были эти сообщенія не специалистовъ музыкантовъ, но въ наблюдаемой мною мѣстности, повторяю, строй былъ таковъ: крайнія строились въ квинту, а средняя въ октаву съ болѣе тонкой изъ крайнихъ.

¹⁾ Общее понятіе о вѣншемъ видѣ лиры незнакомые съ нею читатели могутъ имѣть по изображеніямъ ея въ „Этногр. Обзорніи“ за 1891 годъ, кн. XI, при статьѣ г. Грузинскаго, поэтому здѣсь рисунокъ ея не прилагается. Описываемый авторомъ экземпляръ Орловской лиры пожертвованъ имъ въ Этнографическій Музей въ Москвѣ.
Ред.

²⁾ Кн. XI, стр. 156

Всѣ струны сразу приводятся въ колебаніе треніемъ вращающагося валика. Надъ средней струной укрѣпленъ продолговатый ящичекъ, въ концѣ, ближайшемъ къ валику, вырѣзано круглое отверстіе, чтобы средняя струна свободно могла вибрировать, съ другого же конца струна встрѣчаетъ препятствіе и область вибраціи прекращается. Всѣхъ клавишей 9, но употребительны изъ нихъ только шесть. Каждая клавиша устроена такъ, что можно измѣнить скалу, — послѣдовательность тоновъ и полутоновъ въ какомъ-нибудь порядкѣ, — средней струны, которая обыкновенно строится въ древне-іонійскомъ ладѣ: соль, ля, си, до, ре, ми, фа, соль, т. е. представляетъ послѣдовательность изъ 2-хъ цѣлыхъ тоновъ, полутона, 2-хъ цѣлыхъ тоновъ, полутона и опять 1-го цѣлаго тона. Подстраиванье достигается посредствомъ поворачиванія то въ право, то въ лѣво прикрѣпленныхъ къ клавишамъ топорикообразныхъ язычковъ, которые при нажиманіи клавишей прикасаются къ струнѣ.

Во время игры лира держится на ремнѣ, чрезъ правое плечо, въ наклонномъ положеніи. Правой рукой вращается валикъ, а лѣвой нажимаются клавиши, которыя свободно ходятъ въ отверстіяхъ ящика и сами опадаютъ внизъ, если пальцы перестанутъ ихъ нажимать. Ящичекъ имѣетъ крышку, толстая струна также, а иногда закрывается лубкомъ отъ дождя и валикъ.

Лира обладаетъ сильнымъ и пронзительнымъ звукомъ, хотя игроки такъ или иначе заботятся, чтобы онъ былъ мягче; для этого въ мѣстахъ прикасанія валика со струнами послѣднія обматываются мягкой шерстью. Диапазонъ лиры непостояненъ, это зависитъ отъ голоса игрока, также какъ въ классической „орфеевой лирѣ“.

Происхожденіе только что описаннаго инструмента восходитъ къ глубокой древности. Принадлежитъ онъ къ типу инструментовъ съ клавишами, первымъ же такого рода инструментомъ нужно считать греческій *монохордъ*, существовавшій еще до Пифагора. Онъ имѣлъ видъ продолговатаго корпуса съ одной или двумя, натянутыми на 2 высокихъ подставкахъ, струнами, между которыми была подвижная клавиша, служившая прототипомъ клавишей теперешней лиры. Клавиша на монохордѣ была одна и служила для установленія отношенія между частями струнъ. Передвиженіе подставки клавиши оказалось неудобнымъ, пришлося удѣлать по клавишѣ на

каждую ступень. Какъ на одинъ изъ первыхъ фазисовъ развитія клавишныхъ инструментовъ можно указать на индійскую *винну*, у которой было подъ струнами 19 выходящихъ подставокъ, на которыя нажимали пальцами; но эта вина не имѣла вліянія на развитіе европейскихъ инструментовъ и сама осталась безъ всякихъ усовершенствованій.

Свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ходѣ развитія клавишныхъ инструментовъ теряются вплоть до IX вѣка по Р. Х., когда мы видимъ уже весьма распространеннымъ въ Западной Европѣ инструментъ съ 3-мя струнами, называемый *органиструмъ*. Къ смычковому инструменту формы віолы примѣнили механизмъ, похожій на монохордъ, но только съ 8 клавишами (для измѣненія высоты тоновъ), поднимающимися и опускающимися по желанію музыканта, но вмѣсто смычка звукъ воспроизводился треніемъ вращающагося валика, обтянутаго кожей или просто накинутаго.

А такъ какъ въ первые времена на віолахъ не было усовершенствованныхъ кобылокъ, какъ теперь въ нашихъ скрипкахъ, то смычекъ долженъ былъ играть сразу по всѣмъ струнамъ. На одной струнѣ воспроизводилась мелодія, остальные же, настроенныя въ октаву или квинту, должны были держать органиный пунктъ. Тоже естественно получилось и на органиструмѣ: по одной струнѣ перебирали клавиши, а остальные двѣ упрямо звучали унисономъ, октавой или квинтой. Кстати замѣчу, что слѣдствіемъ подобной игры явилась первая многоголосная музыка, выразившаяся первоначально часто въ довольно нелѣпныхъ звуковыхъ сочетаніяхъ, фобурдона и органума. Отъ послѣдняго, быть можетъ, органиструмъ и получилъ свое названіе или обратно.

Первоначально этотъ органиструмъ съ гитарообразнымъ корпусомъ былъ такъ великъ, что на немъ приходилось играть двоимъ музыкантамъ, изъ которыхъ одинъ вертѣлъ колесо и главнымъ образомъ держалъ инструментъ у себя на колѣняхъ, а другой завѣдывалъ грифомъ и поворачивалъ на немъ клавиши. На сохранившемся барельефѣ съ капители XI вѣка изъ бошервильской церкви св. Георгія въ Нормандіи, можно видѣть группу средневѣковыхъ музыкантовъ, XI вѣка, и между ними двѣ женскія фигуры, играющія вдвоемъ на одномъ органиструмѣ ¹⁾. Когда размѣръ ин-

¹⁾ См. Науманъ. Исторія музыки., т. I, стр. 214.

струмента уменьшился, на немъ стало возможнымъ играть одному музыканту, при томъ не только сидя, но и стоя. Съ тѣхъ-то поръ, вѣроятно, и начали подобныя инструменты распространяться по сосѣднимъ странамъ. Во Франціи такой инструментъ называли *vielle, rubelle, rebelle* и т. д. Въ Германіи же, почти до XII вѣка, существовалъ подъ названіемъ органиструмъ. Поздѣе стали давать другія названія, какъ-то: „гармонія, симфонія, шифонія, при чемъ эти названія часто смѣшивались съ инструментами другого типа. Въ XV и XVI вѣкѣ были попытки видоизмѣнять этотъ инструментъ: то оставляли клавиатуру для лѣвой руки и играли смычкомъ, то клавиатуру уничтожали и оставляли валикъ для тренія струнъ (такимъ образомъ получились *Schlüsselfiedel, Schlassel-Fiddel*).¹⁾

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій инструментальныя мастера запада пытались совершенствовать клавесинъ и примѣнять къ нему колесо съ той же цѣлью, какъ въ органиструмѣ. Вотъ что объ этомъ писалъ Фетисъ: „тому уже болѣе 100 лѣтъ, какъ въ первый разъ попытались довести инструменты съ клавиромъ до возможности выдерживать звукъ по примѣру инструментовъ со смычками. Около 1717 года одинъ парижскій клавесинный мастеръ сдѣлалъ опытъ разрѣшить эту трудность въ инструментѣ, который онъ назвалъ „*clavesinvielle*“, потому что этотъ инструментъ походилъ на лежащую на столѣ виолю; вмѣсто смычка вертѣлось надъ нимъ колесо, и звукъ его имѣлъ сходство со звуками виолы“.

Далѣе онъ говоритъ, что на выставкѣ произведеній промышленности въ 1806 году парижскій фортепьянный мастеръ Шмидтъ показывалъ инструментъ, имѣвшій форму длиннаго четырехугольнаго ящика, на одномъ концѣ былъ клавиръ съ механизмомъ обыкновеннаго фортепьяно, а на другомъ еще клавиръ для приведенія въ движеніе большихъ цилиндрическихъ смычковъ, заставлявшихъ звучать кишечныя струны.

Въ такомъ же родѣ было еще нѣсколько изобрѣтеній, но всѣ они приближались болѣе или менѣе къ фортепьяно, съ органомъ же имѣли только общую идею непрерывнаго звучанія. Но по мѣрѣ усовершенствованія фортепьяно они вышли изъ

¹⁾ См. назв. соч. Наумана, т. I, табл. XXII (факсимиле изъ *Syntagma musicum* М. Преторія).

употребленія, а органиструмъ въ первобытной чистотѣ и съ незначительными только измѣненіями удержался и до сихъ поръ въ народѣ, а прежде онъ былъ весьма любимымъ инструментомъ миллетантовъ, знатныхъ французскихъ и провансальскихъ дѣвухъ, которыя обучались игрѣ на этомъ инструментѣ. Изъ двухъ женскихъ фигуръ, изображенныхъ на той же бошервильской капители, одна, судя по коронкѣ на головѣ, принадлежитъ къ знатнымъ и, быть можетъ, коронованнымъ особамъ, другая же, вертящая за ручку инструмента, по мнѣнію Амброса, есть ея служанка¹⁾).

Трубадуры, путешествуя, имѣли при себѣ жонглеровъ, которые должны были играть на нѣсколькихъ инструментахъ, въ томъ числѣ и на органиструмѣ. Но вскорѣ послѣ знаменитаго „мейстера“ Готтфрида Страсбургскаго (начало XIII вѣка) органиструмъ впалъ въ опалу, и его предоставили слѣпцамъ и нищимъ (откуда и получило потомъ названіе инструмента *Bettleier*). Однако во Франціи и позднѣе былъ въ модѣ этотъ инструментъ. Такъ въ 1330 г. въ Парижѣ образовалось музыкальное братство подъ названіемъ „*confrérie de St. Julien des ménestriers*“, члены котораго назывались: *compagnons, jongleurs, ménestrieux, menestrels*, главнымъ же инструментомъ ихъ былъ *Leuer*; въ XV вѣкѣ братство было преобразовано, и лиру замѣнили другіе инструменты: *rebec*, потомъ *viola*.

Съ тѣхъ поръ лира почти повсемѣстно сдѣлалась народнымъ инструментомъ. Во Франціи особенно распространилась въ провинціи Савойѣ. Занесена была даже въ Англію. На одной картинѣ, написанной въ 1733 г. Гогартомъ, изображена ярмарка въ Соутворкѣ, гдѣ вмѣстѣ съ мюзетомъ и волынкой мы встрѣчаемъ лиру, на которой играетъ, повидимому, зрячій. Фигура лирника изображена съ инструментомъ на спинѣ и смотрящей въ народный „Ракъ“.

Какъ западно-европейская лира попала къ намъ въ Россію, — ничего неизвѣстно.

Съ XV-го вѣка въ Россіи начинается западно-культурное вліяніе, начинаютъ изъ „нѣмечины“ вывозить такъ называемыхъ „мастеровъ“, игрецовъ органныхъ, пѣвцовъ къ царскому двору.

Іоанномъ III заведенъ былъ „потѣшный дворъ“; быть можетъ,

1) *Ambros, Geschichte der Musik. B. II, p. 244.*

въ числѣ приглашенныхъ „мастеровъ“ были также вызваны „игрецы“ на лирахъ, но въ памятникахъ письменности того времени нѣтъ никакихъ указаній на этотъ счетъ; если же лира и, была въ то время, то она не пользовалась, какъ гусли и домра такимъ почетомъ, особливо при дворѣ, и занесена, вѣроятно, была къ намъ путемъ естественнаго распространенія съ запада черезъ Малороссію или Бѣлоруссію; тотъ фактъ, что въ означенныхъ мѣстахъ лира наиболѣе распространена, говоритъ за выказанное мнѣніе.

Впервые упоминается про лиру въ Россіи въ замѣткахъ Маскѣвича, ¹⁾ который былъ польскимъ офицеромъ и находился въ Москвѣ съ Гонсѣвскимъ въ 1610—11 годахъ. Въ этихъ замѣткахъ онъ въ одномъ мѣстѣ описываетъ боярскій парадный обѣдъ, на который для потѣхи бояръ приглашаютъ шутовъ и скомороховъ; „иногда же, говоритъ Маскѣвичъ, въ подражаніе нашимъ обычаямъ, приказываютъ играть на *лирахъ*; этотъ инструментъ похожъ на скрипку, только вмѣсто смычка употребляютъ колесо, приправленное посрединѣ: одной рукой кружатъ колесо и трогаютъ имъ струны снизу, другою прижимаютъ клавиши, коихъ на шейкѣ инструмента около 10; каждый придавленный клавишъ сообщаетъ струнѣ звукъ тонѣе. Впрочемъ играютъ и припѣваютъ на одну только ноту“.

Изъ этого описанія видно, что инструментъ отличался отъ теперешней лиры присутствіемъ шейки, на которой устроенъ былъ ящичекъ съ клавишами и которой на теперешнихъ лирахъ не существуетъ. Еще упоминаетъ про лиру въ своихъ сочиненіяхъ Олеарій по поводу жестокостей Ивана Грознаго, совершенныхъ въ 1570 году въ Новгородѣ, когда архіепископу Пимену связали ноги, посадивъ на лошадь, и надѣли на шею скоморошья инструменты между прочимъ лиру, но была ли она такой, про которую мы теперь говоримъ, подвержено большому сомнѣнію.

При Петрѣ I, говорятъ, во время свадьбы Зотова въ процессіи участвовалъ шуточный оркестръ изъ 60 человекъ, въ составѣ котораго были „5 игры рылѣ“. Въ текущемъ же столѣтіи присутствіе лиры и лирниковъ уже не разъ констатированы собирателями русскаго народнаго творчества.

¹⁾ Устряловъ, часть V, стр. 61.

Наша лира есть не что иное, какъ „крестьянская лира“ (Baueleier), описанная М. Преторіусомъ, музыкальнымъ писателемъ и композиторомъ конца среднихъ вѣковъ.

Объ онѣ немного разнятся между собой. Корпусъ „крестьянской лиры“ имѣлъ гитарообразную форму, а корпусъ описываемой лиры имѣетъ форму скрипки съ вырѣзками, якобы для удобства игры смычкомъ и слѣд. совершенно лишними; затѣмъ у Преторія лира съ нѣкоторымъ удлинениемъ для грифа, на которомъ были устроены клавиши и потѣмъ уже головка съ колками, вставленными вертикально, въ нашей же лирѣ грифа вовсе нѣтъ, и механизмъ съ клавиатурой, совершенно такой же, какъ у „крестьянской лиры“, помѣщается на самомъ корпусѣ; головка, примыкающая непосредственно къ корпусу, состоитъ изъ ящичка, въ который съ боковъ вставлены горизонтально значительныхъ размѣровъ колки. (Назначеніе ящичка было другое, туда складывались запасныя струны, шерсть и канифоль). Затѣмъ на нѣкоторыхъ лирахъ бывають „голосники“, наподобіе скрипичныхъ Эсъ, но въ нашей ихъ вовсе нѣтъ.

На такой лирѣ у насъ теперь играютъ слѣпые нищіе, за рѣдкими исключеніями и зрячіе, особенно если они вышли изъ поводырей. Въ юго-западныхъ губерніяхъ лирниковъ, независимо отъ возраста, называютъ старцами. Въ свое время историческія обстоятельства заставили ихъ сыграть видную роль при возникновеніи и распространеніи духовнаго стиха. Духовенство издавна весьма недружелюбно относилось къ музыкантамъ и скоморохамъ, и своимъ притѣсненіемъ оказало большой толчекъ развитію духовнаго стиха. Въ 1647 г., по приказу патріарха Никона, всѣ музыкальные инструменты, которые находились въ Москвѣ даже у частныхъ лицъ, были собраны на возы, отвезены къ Москвѣ-рѣкѣ и тамъ сожжены. „Потѣшный дворъ“ съ тѣхъ поръ на время наполнился нищими, вмѣсто прежнихъ потѣшниковъ (скомороховъ, дударей и домрачеевъ). Эти нищіе создали цѣлый циклъ духовныхъ пѣсней и стиховъ, которые распѣвали, скитаясь по городамъ и селамъ. Подобные же духовные стихи и понынѣ еще распѣвають подъ аккомпаниментъ лары слѣпцы нищіе. Они, будучи исключены изъ обычныхъ условій жизни, развиваютъ свои мыслительныя способности, углубляются въ самихъ себя, живутъ какъ бы другой жизнью, чѣмъ обыкновенный крестьянинъ-работникъ. Всякія выдающіяся явленія

охлаждающую міра изъ настоящаго и прошлаго народа волнуютъ его и находятъ отклики въ его чувствительной натурѣ; особенно это видно на исчезающемъ типѣ малорусскаго лирника съ его думами. Кулишъ рассказываетъ (въ Запискахъ о Южн. Руси), какъ исполненіе одного слѣпцаго лирника сопровождалось размышленіемъ, киваніемъ головы и глубокими вздохами, иногда онъ бывалъ расстроганъ содержаніемъ пѣсни, голосъ его дрожалъ все болѣе и болѣе, и наконецъ рыданіе на нѣсколько минутъ прерывало пѣніе и музыку. Въ старину подобныя импровизаторы достигали большой извѣстности, и слава о нихъ разносилась далеко за предѣлы родины ихъ учениками.

Лира, на которой они играютъ, какъ я уже сказалъ выше, почти въ такомъ же видѣ существовала въ XV вѣкѣ на западѣ подъ назв. „крестьянской“, иногда только съ ббольшимъ числомъ струнъ, чѣмъ въ нашей. У насъ же она получила собственное названіе *Малороссійской*, вѣроятно, оттого, что употреблялась преимущественно въ Малороссіи. Несмотря на то, она встрѣчается, и даже довольно часто, не только въ южной Руси, но и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, насколько мнѣ извѣстно: въ западныхъ губерніяхъ, въ губ. Тульской, Орловской, Воронежской и на Кавказѣ, а называютъ ее иногда рыль или релъ, въ Малороссіи—рѣля.

Думаю, не безынтересно будетъ немного познакомиться съ общественно-экономическимъ бытомъ слѣпыхъ пѣвцовъ. Ихъ не всегда можно назвать профессиональными нищими. Отличаясь высокимъ настроеніемъ ума и служа религіозно-нравственнымъ потребностямъ простаго народа, они не производятъ жалкаго вида простаго нищаго. Одни изъ нихъ, крестьяне-общественники, живутъ въ деревняхъ семьями и изрѣдка выходятъ за милостыней. Другіе скитаются съ мѣста на мѣсто, подъ старость копятъ деньги и покупаютъ, если вѣтъ своей, хату, обзаводятся хозяйствомъ, а затѣмъ заводятъ школу пѣвцовъ. Скитаются они поодиночкѣ, иногда группами, при чемъ одинъ кто-нибудь изъ нихъ играетъ на лирѣ. А. Е. Грузинскій сообщаетъ, что на ярмаркахъ въ Могилевской губерніи слѣпые разбиваются на группы въ 3—4 человека съ однимъ поводыремъ и общей чашкой для собиранія денегъ, болѣе опытный изъ этихъ ходитъ „за старшого“. Также существуетъ братство слѣпыхъ съ старостой и другими должностными лицами, выбираемыми на большой районъ. Лирники же изо всѣхъ слѣпыхъ

составляютъ громадное меньшинство и представляютъ собою отдѣльный классъ въ народѣ и подраздѣленіе между остальными слѣпыми. Для вступленія въ такъ называемое „лирничество“, говорить г. Боржковский въ „Кіевской Старинѣ“¹⁾, требуются особые условія. Недостаточно нищему слѣпому купить лиру, чтобы быть лирникомъ, но онъ долженъ прежде приобрести право носить ее, долженъ вступить въ „лирничество“. За самовольное ношеніе лиры дѣды-лирники строго наказываютъ — бьютъ виновныхъ и уничтожаютъ лиру. Желаящій быть лирникомъ обязанъ итти въ науку къ старому лирнику, у котораго въ продолженіе 3-хъ лѣтъ и 3-хъ мѣсяцевъ изучаетъ лирницкій языкъ, молитвы, игру на лирѣ и пѣніе религіозно-нравственныхъ стиховъ и другихъ пѣсень. По окончаніи курса производятъ экзаменъ по особому церемоніалу въ присутствіи дѣдовъ. Выдержавшій испытаніе получаетъ такъ называемую „вызвалку“ и становится настоящимъ лирникомъ. Неправда ли, какъ это напоминаетъ намъ западныхъ мастерзингеровъ съ ихъ табулатурами? Учителя, однако, не всему выучиваютъ молодыхъ лирниковъ, а заставляютъ ихъ самихъ „доходить разуму“.

Лично мнѣ пришло наблюдать лирниковъ въ Ливенскомъ уѣздѣ Орловской губ., и, по словамъ старожиловъ, лирники тамъ существуютъ уже около 40 лѣтъ, имѣютъ и особый языкъ, отличающійся отъ языка юго-западныхъ лирниковъ, но про какую-нибудь организацію слѣпыхъ не слышно. Также они не всегда имѣютъ настоящее мѣсто жительства; такъ, напр., тотъ лирникъ, о которомъ я упоминалъ въ началѣ статьи, родомъ изъ Малоархангельскаго уѣзда, а самъ съ недавняго времени перекочевалъ на жительства верстъ за 50 отъ родины въ деревню Домогацкую, Ливенск. уѣзда, гдѣ живетъ на квартирѣ у крестьянина, и въ поводыри взялъ себѣ мальчика, сына хозяина. Мальчикъ, путешествуя съ нимъ, выучился пѣть его стихи и помогаетъ ему. Верстахъ въ 2-хъ отъ этого живетъ другой лирникъ, который года четыре какъ ослѣпъ окончательно, дотолѣ былъ хорошимъ плотникомъ, имѣетъ свою хату, надѣльную землю, женатъ, имѣетъ нѣсколькихъ дѣтей, а теперь принужденъ одѣлаться нищимъ и въ послѣдніе два года выучился играть на лирѣ.

Итакъ, лирники въ Орловской губ. есть не случайное явленіе, и нельзя думать, что они туда заходятъ изъ южныхъ губерній.

1) „Лирники“. Кіев. Стар. 1889, № 9.

Совсѣмъ обратное встрѣчается на Кавказѣ, гдѣ есть свои слѣпые пѣвцы-музыканты „ашуги“, наряду съ ними встрѣчаются также и лирники, *заходящіе* туда изъ нашихъ южныхъ губерній. Теперь лирники ходятъ по селамъ, особенно во время храмовыхъ праздниковъ, ярмарокъ. По окончаніи обѣдни у церкви или въ другомъ многолюдномъ мѣстѣ можно услышать, какъ они распѣваютъ духовные стихи: о Голубиной книгѣ, про Алексѣя Б. Ч., Лазаря, Егорія, поминальные, задравные и т. п. Эти стихи въ ихъ исполненіи принимаютъ особую окраску, и оригинальное, прочувствованное пѣніе ихъ не производитъ на слушателя столь утомительнаго впечатлѣнія, несмотря на повторяющійся напѣвъ, большое число стиховъ и бесконечно тянущійся звукъ. Многочисленная толпа слушателей изъ народа окружаетъ слѣпого и съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ до конца за повѣстью былыхъ временъ, или слушаетъ событія изъ церковной исторіи и подвиги святыхъ.

Эти апокрифическія произведенія появились въ Россіи въ первыя времена распространенія христіанства и письменности на Руси и явились они какъ примиряющее начало между язычествомъ и новой религіей. Заимствуя сюжеты изъ книгъ, они пополнялись у насъ языческими вѣрованіями старины, и слѣдовательно, содержали въ себѣ очень много чисто народнаго. И какъ на этихъ духовныхъ стихахъ, перешедшихъ къ намъ изъ Болгаріи и Византіи, отразился языческій элементъ, такъ и на напѣвахъ, въ сущности народныхъ, отразилось, только въ большей степени, вліяніе греческой музыки съ ея церковными гласами.

Прежде стихи эти распѣвались такъ называемыми „каликами пережими“, теперь же эти пѣвцы по большей части называются просто слѣпыми нищими или старцами, и съ относительно недавнихъ поръ нѣкоторые изъ нихъ пѣніе свое начали сопровождать игрой на лирѣ; послѣдніе называются большею частію лирниками, рѣдко ошибочно кобзарями. Кромѣ духовныхъ стиховъ, они поютъ въ Малороссіи думы, но это уже встрѣчается все рѣже и рѣже. Нѣтъ уже того интереса къ думамъ и историческимъ пѣснямъ у народа, занятаго матеріальными нуждами и оставившаго далеко за собою героическое прошлое, отражавшееся въ его подчасъ художественно-безыскусственныхъ думахъ. Отсюда явился упадокъ эпико-лирическаго творчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезновеніе

стариннаго типа лирниковъ. И такъ, репертуаръ лирниковъ сталъ теперь вращаться около духовнаго стиха и плясовой. Относительно послѣдней въ печати встрѣтилось много противорѣчій. Замѣчу лишь, что Кулишъ въ Запискахъ о Южной Руси свидѣтельствуетъ, что одинъ слѣпой кобзарь бросилъ свою бандуру и сталъ играть на лирѣ, потому что она сильнѣе голосить, а бандура при сравнительно слабомъ ея звукѣ бываетъ не слышна на шумныхъ свадьбахъ. Въ Ливенск. у. Орловск. губ. слѣпой при настройкѣ моей лиры наигрывалъ русскую, о чемъ я уже говорилъ ранѣе.

При свадебныхъ же обрядахъ мнѣ присутствовать не пришлось, но судя по тому, что въ тѣхъ мѣстахъ очень рѣдко встрѣчаются какіе-либо музыкальные инструменты, то на свадьбахъ фигурируетъ, вѣроятно, больше чисто-вокальная музыка. Развѣ только отставной солдатъ привезетъ съ собой гармонику и такимъ образомъ внесетъ нежелательный элементъ въ безыскусственную народную пѣсню, но и это встрѣчается рѣдко. На большомъ протяженіи уѣзда мнѣ пришлось наблюдать, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ съ населеніемъ крестьянъ государственныхъ и, такъ называемыхъ, однодворцевъ пѣсня менѣе уважается, чѣмъ въ деревняхъ бывшихъ крѣпостныхъ; въ послѣднихъ-то очень часто можно еще встрѣтить очень старыя пѣсни, не испорченныя никакимъ постороннимъ вліяніемъ, насколько это можно судить по чистотѣ напѣвовъ нѣсколькихъ пѣсней, записанныхъ мною и г. Евстратовымъ въ селѣ Шатиловѣ-Благовѣщенскомъ, кромѣ, какъ я сказалъ выше, духовнаго стиха, который повсемѣстно сложился подъ вліяніемъ церковныхъ ладовъ. Исполнители этихъ стиховъ въ народѣ встрѣчаются теперь все рѣже и рѣже и, какъ почти исчезли сказители, кобзари, бандуристы, такъ исчезнуть скоро и лирники, замѣнившіе послѣднихъ (т.-е. бандуристовъ) вслѣдствіе большей легкости выучиться играть на лирѣ. Культурный элементъ неудержимо вливается въ народныя массы, и народныя инструменты замѣняются болѣе совершенными. Также какъ исчезаетъ былина, исчезаетъ старая народная пѣсня и замѣняется новой съ явнымъ отгѣнкомъ такъ называемаго западнаго вліянія. вмѣстѣ съ старой пѣсней исчезаютъ ея спутники — музыкальные инструменты, исчезаетъ духовный стихъ — вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ и лира, и въ скоромъ времени ей суждено сдѣлаться только достояніемъ музея.

Нѣкоторыя мѣстности Россіи въ этнографическомъ отношеніи еще не въ достаточной степени обследованы и ждутъ только своихъ этнографовъ. Въ частности, упоминаемый мною Ливенскій уѣздъ въ музыкальномъ отношеніи мѣстами представляетъ еще много этнографическихъ цѣнностей, и, думаю, недалеко то время, когда эти цѣнности исчезнутъ. Поэтому будемъ спѣшить заготовить музыкально-этнографическимъ матеріаломъ въ надеждѣ впоследствии дать возможность тому же народу услышать произведенія русскихъ композиторовъ, вдохновившихся тою-же родною пѣней¹⁾.

А. Л. Масловъ.

---

¹⁾ Назвы лирическихъ стиховъ Ливенскаго уѣзда будутъ напечатаны впоследствии вмѣстѣ съ другими собранными мною пѣснями. *Лет.*

Отголоски сказки объ Ерусланѣ.

Въ своей книгѣ „Восточные мотивы въ средне-вѣковомъ европейскомъ эпосѣ“¹⁾ я посвятилъ отдѣльную главу сказкѣ объ Ерусланѣ Лазаревичѣ. Изъ матеріаловъ, собранныхъ мною, я сдѣлалъ такіе выводы. Сказка эта была принесена къ намъ не изъ Ирана, а изъ орды; она возникла въ ордѣ и оттуда попала въ одной редакціи къ намъ, а въ другой въ Иринѣ. Зародыши ея кроются въ животномъ эпосѣ орды. Одинъ изъ такихъ зародышей я указалъ въ тюрко-монгольскихъ разсказахъ о левѣ (арсланѣ), который старается узнать, кто сильнѣе, арсланъ, или человекъ. Въ болѣе древнихъ редакціяхъ вмѣсто льва, можетъ быть, стоялъ медвѣдь; сначала, подъ именемъ арслана понимали, можетъ быть, медвѣдя, потомъ стали понимать льва, а затѣмъ арсланъ превратилось въ имя богатыря Арслана (въ русской сказкѣ Ерусланъ или Урусланъ, который нѣсколько разъ задаетъ вопросы, есть ли кто его сильнѣе, и отъ одного сильнаго соперника переходитъ для состязанія къ другому).

Кромѣ этого мотива съ именемъ Арсланъ былъ соединенъ другой—бой отца съ сыномъ, сначала не узнающихъ другъ друга (или бой дяди съ племянникомъ, старшаго брата съ младшимъ). Этотъ мотивъ народная память сохранила въ дюрбютской сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ; въ одномъ мѣстѣ сказки племянникъ напускается на Иринѣ-Сайна, не зная, что это его дядя; въ другомъ Иринѣ-Сайнъ вступаетъ въ бой съ своимъ старшимъ братомъ Арсланомъ, но узнавъ его; здѣсь народная память удержала и имя Арсланъ. Въ той же главѣ я указалъ на отголоски сказки объ Ерусланѣ въ монгольскихъ сказаніяхъ о Чингизъ-ханѣ. Для облегченія этихъ сближеній я пересмотрѣлъ нѣсколько русскихъ сказокъ, объ Иванѣ-Пономаревичѣ и друг., въ которыхъ замѣчаются еруслановскіе мотивы. Въ настоящей статьѣ я хочу занять еще четырьмя сказками, въ которыхъ также есть инциденты, сходные съ сказкой объ Ерусланѣ, тремя русскими: о Бурзѣ

¹⁾ Восточные мотивы въ средне-вѣковомъ европейскомъ эпосѣ, М. 1899, стр. 826—347.

Воловичъ, о царѣ Каприкѣ, и о Каролѣ и одной французской: Jean de l'Ours.

Сказка „Бурза Воловичъ“, записанная Колосовымъ въ с. Шалгѣ Каргопольск. у. ¹⁾, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе эпизоды съ мотивами изъ сказки объ Ерусланѣ:

1) Въ царствѣ родились три мальчика, которые, подростки, обнаруживаютъ необыкновенную силу; играя на улицѣ, кого хватить за руку — рука прочь, кого за ногу — нога прочь. Жители просятъ царя выслать богатырей изъ царства; царь отсылаетъ ихъ. Бурза Воловичъ не нашель себѣ въ царскихъ конюшняхъ подходящаго коня и уходитъ пѣшкомъ. Дорогой онъ встрѣчаетъ старуху; она направляетъ его къ дубу, подъ которымъ находится погребъ въ 40 саженой; въ томъ погребѣ стоитъ конь. Бурза Воловичъ вывелъ его изъ погреба и поѣхалъ на немъ дальше.

Этотъ эпизодъ соотвѣтствуетъ началу сказки объ Ерусланѣ. Ерусланъ также оказался неудобнымъ для населенія вследствие своей необычайной силы (кого возьметъ за руку, у того руку вырветъ, кого за ногу, тому ногу выломить ²⁾), и царь высылаетъ его въ пустыню по настоянію жителей. Подобно Бурзѣ Воловичу онъ находитъ себѣ коня уже на пути въ изгнаніе, но на мѣстѣ старухи въ сказкѣ объ Ерусланѣ стоитъ царскій пастухъ.

2) Далѣе каргопольская сказка рассказываетъ, какъ три брата ѣдутъ вмѣстѣ и видятъ „дубъ полунутрой, накиданъ цѣловѣческихъ костей и лошадиныхъ“. Затѣмъ они встрѣчаютъ Издорище проклятое о трехъ головахъ. Бурза Воловичъ убиваетъ его; на другой день они наѣзжаютъ на два полунутрыхъ дуба съ человѣческими и лошадиными костями и Издорище съ шестью головами, на третій день три дуба и Издорище о девяти головахъ. Бурза Воловичъ убиваетъ и второго и третьяго Издорища. Приѣзжаютъ братья въ городъ; оказалось, что царь обѣщаль отдать дочь за того, кто убьетъ Издорищей. Бурза Воловичъ беретъ царевну и отдаетъ ее замужъ за старшаго своего брата Ивана Царевича.

Въ сказкѣ объ Ерусланѣ есть рассказъ о князѣ Иванѣ, русскомъ богатырѣ, который безуспѣшно бьется съ ратью Θεодулазмѣя, добываясь получить въ замужество его дочь. Ерусланъ убиваетъ змѣя и выдаетъ его дочь за князя Ивана. Повидимому, каргопольскій рассказъ объ Издорищахъ есть иначе редактированный эпизодъ съ Θεодуломъ змѣемъ; князь Иванъ въ каргопольской сказкѣ явился подъ именемъ Иванъ-царевича, а Ерусланъ подъ видомъ Бурзы Воловича; въ сказкѣ объ Ерусланѣ родственныхъ отношеній между Ерусланомъ и княземъ Иваномъ не существуетъ; въ каргопольской сказкѣ ихъ замѣстители, Иванъ царевичъ и Бурза Воловичъ братья. Въ каргопольской сказкѣ три Издорища,

¹⁾ Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и слов. Акад. Наукъ, т. XVII, стр. 190.

²⁾ *Афанасьевъ*, Народн. русскія сказки, М. 1897 г., т. II, стр. 441.

въ сказкѣ объ Ерусланѣ на ихъ мѣстѣ одинъ Феодуль-змѣй, но и здѣсь, кажется, число три участвовало въ тектоникѣ сказки; Ерусланъ, прежде чѣмъ доѣхать до князя Ивана, минуетъ сначала одно поле съ побитою ратью, потомъ другое; въ своей книгѣ „Восточные мотивы“ я высказалъ предположеніе, что Ерусланъ проѣхалъ не двѣ, а три побитыя рати, одну на третьемъ шаломянѣ (горномъ перевалѣ), другую на шестомъ и третью на девятомъ. Вмѣсто побитыхъ ратей или вмѣсто полей съ костями въ каргопольской сказкѣ явились три калиновыхъ моста и при нихъ полунутрые дубы (сначала одинъ дубъ, потомъ два, потомъ три), закиданные человѣческими костями, а также и лошадиными, потому лошадиными, конечно, что рати были конныя.

3) Въ дальнѣйшемъ разсказѣ Бурза Воловичъ видитъ богатырскіе слѣды, поѣхалъ по нимъ и догналъ богатыря; стали биться сначала копьями, потомъ тесаками, потомъ палицами. Сбилъ Бурза Воловичъ противника съ лошади, уперся ему колѣнями въ грудь и спрашиваетъ, какого онъ рода, какого города, чей сынъ. „Побѣжденный богатырь отвѣчалъ ему такъ, какъ Сокольникъ Ильѣ Муромцу“. Оказалось, что это Василій Нянькинъ сынъ.

О рожденіи Бурзы Воловича каргопольская сказка разсказываетъ: поймали щуку и изжарили, а кишки выбросили. Рыбу поѣли царица и нянька, а кишки съѣла корова. Всѣ трое забеременѣли и родили трехъ мальчиковъ; сына царицы назвали Иванъ-царевичъ, сына няньки Василій Нянькинъ сынъ, а сына коровы Бурза Воловичъ. Слѣдовательно, Бурза если по матери и не братъ Ивану царевичу и Василю Нянькину сыну, то братъ по сѣденной щукѣ, и бой Бурзы Воловича и Василя есть поединокъ между двумя братьями. Это эпизодъ въ каргопольской сказкѣ, отвѣчающій разсказу о боѣ Уруслана Залазаревича съ своимъ сыномъ Урусланомъ Уруслановичемъ. Въ дюрбютской сказкѣ объ Иринъ-Сайнѣ это или разсказъ о боѣ Иринъ-Сайна съ своимъ племянникомъ или разсказъ о боѣ съ братомъ Арсланомъ ²⁾. Здѣсь кстати замѣтить, что въ дюрбютской сказкѣ также три брата: Иринъ-Сайнъ, Китынъ-Зеби и Китынъ-Арсланъ.

4) Бурза Воловичъ и Василій Нянькинъ сынъ ѣдутъ и видятъ, идетъ на нихъ облако; это идетъ на нихъ сила Бабы-яги. Богатыри перебили эту силу; сама Яга-баба ушла подъ *блую плиту*, въ нижній свѣтъ. Василій спускаетъ Бурзу Воловича въ нижній свѣтъ на ремнѣ; Бурза Воловичъ, спустившись, находитъ тамъ сначала дѣвицу, которая ткеть; бросить утокъ, выскочить богатырь; Бурза убилъ и богатыря и дѣвицу; потомъ онъ находитъ

1) Сказка упоминаетъ только третій и девятый шаломянь; я думаю, шестой пропущенъ. (Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейск. эпосѣ. М. 1899, стр. 305).

2) См. Восточн. мотивы, 288, 290.

дѣвицу, которая вышивается на пятахъ; взмахнетъ иголкой, выскочить богатырь; Бурза убиваетъ и дѣвицу и богатыря; далѣе кузница и въ ней наковальня; взмахнетъ кузнецъ молотомъ, выскочить богатырь; Бурза убиваетъ и кузнеца и богатыря. Послѣ того Бурза Воловичъ приходитъ въ хрустальное царство, гдѣ живетъ сама Яга-баба; у ней находилась въ плѣну царская дочь, унесенная съ верхняго свѣта и посаженная на цѣпь. Бурза Воловичъ разбилъ цѣпи и убилъ Ягу-бабу; Василій Нянькинъ сынъ вытащилъ ихъ на ремнѣ на верхъ; Бурза Воловичъ отдалъ спасенную царевну за Михайла царевича, брата Марии царевны, жены Ивана царевича.

Эта вставка опять напоминаетъ эпизодъ о Θεодулѣ-Змѣѣ, какъ и вставка, приведенная выше подъ № 2. Ерусланъ гонится за Θεодуломъ, Θεодулъ утекаетъ отъ него въ каменные городскія ворота; тутъ Ерусланъ разсѣкаетъ его надвое, беретъ его дочь и отдаетъ замужъ за князя Ивана. Какъ въ сказкѣ объ Ерусланѣ, такъ и въ каргопольской сказкѣ главный герой убиваетъ злое существо, и найденную около него дѣвицу дѣлаетъ женой своего товарища; Θεодулъ-Змѣѣ въ каргопольской сказкѣ обратился въ Ягу-бабу, дочь его въ царевну-плѣнницу; Яга-баба скрывается въ отверстіе подъ бѣлой плитой; въ сказкѣ объ Ерусланѣ какъ будто на мѣстѣ бѣлой плиты каменные ворота, въ которыя утекаетъ Θεодулъ-Змѣѣ. Освобожденная царевна, выданная за Михайла царевича (который тутъ на мѣстѣ князя Ивана), замѣтитъ, что онъ не налюбуется на ея красоту, говоритъ ему: „Какая у меня красота, какая у меня лѣпотъ! Вотъ у царя Ахрамею есть дочь Марья царевна,—то красавица!“ Бурза Воловичъ услышалъ эту рѣчь и побѣхалъ къ царю Ахрамею. Эпизодъ каргопольской сказки закончился совершенно такъ же, какъ эпизодъ о князѣ Иванѣ; князь Иванъ, только что женившійся на дочери Θεодула-Змѣѣ, задаетъ ей вопросъ, есть ли кто ея краше? на что та отвѣчаетъ, что краше ея двѣ дѣвицы, кочующія въ полѣ, и Ерусланъ, слышавшій эти рѣчи, ѣдетъ искать этихъ дѣвицъ. Въ каргопольской сказкѣ Бурза Воловичъ на пути къ хрустальному царству Яги-бабы встрѣчаетъ двухъ дѣвицъ, и обѣихъ убиваетъ. Это можетъ быть тѣ дѣвицы, которыхъ ѣдетъ искать Ерусланъ и которыя кочуютъ въ полѣ; Ерусланъ, подобно Бурзѣ Воловичу, убиваетъ ихъ; разница однако въ томъ, что въ каргопольской сказкѣ дѣвицы встрѣчены на пути къ Ягѣ-бабѣ, а Ерусланъ ѣдетъ искать ихъ послѣ того, какъ убилъ Θεодула-Змѣѣ, и кромѣ того Ерусланъ убиваетъ ихъ по другой причинѣ: онъ спрашиваетъ одну дѣвицу, потомъ другую, есть ли кто его сильнѣе, и обѣ отвѣчаютъ, что Ивашка, сгорожъ индѣйскаго царства, сильнѣе его; это показалось Еруслану обиднымъ, и онъ убиваетъ ихъ одну за другой; затѣмъ онъ спрашиваетъ третью дѣвицу, и та даетъ ему такой отвѣтъ, что онъ оставляетъ ее въ живыхъ. И здѣсь, какъ

въ каргопольской сказкѣ, число три завершено, только третій членъ совершенно въ иномъ родѣ; въ сказкѣ объ Ерусланѣ это третья дѣвица, въ каргопольской—кузнецъ.

б) Бурза Воловичъ перелетѣлъ черезъ непроходимыя топи въ царство Ахрамея на птицѣ Погуѣ; царство было одержимо змѣемъ-людоѣдомъ, который ежедневно выходилъ изъ моря; люди стали уже кидать жребій, кому итти на съѣденіе къ змѣю; царь объявилъ, что отдастъ свою дочь за того, кто убьетъ змѣя; Бурза Воловичъ пошелъ за царевну ночь спать на берегъ; всколыбалось море и вышелъ змѣй; Бурза Воловичъ сталъ бить его оловяннымъ прутомъ; змѣй сталъ просить пощады и пообѣщавъ богатую драгоценный камень о семи стахъ ставкахъ, который дѣлаетъ человѣка невидимымъ. Бурза Воловичъ взялъ камень, змѣя все таки убилъ и женился на дочери царя Ахрамея.

Этотъ послѣдній эпизодъ каргопольской сказки почти вполне совпадаетъ съ предпослѣднимъ эпизодомъ сказки объ Ерусланѣ. Въ списокѣ Ундольскаго дѣло происходитъ въ индѣйскомъ царствѣ, въ лубочномъ—въ царствѣ Вахрамея, въ которомъ нельзя не узнать каргопольскаго Ахрамея. Царство индѣйское или царство Вахрамея также одержимо змѣемъ, который скрывается въ озерѣ; по жребію очередь итти на съѣденіе пала на дочь царя, она уже отрезана на берегъ, Ерусланъ бьется съ змѣемъ, уходитъ съ нимъ на дно озера, убиваетъ змѣя и выходитъ изъ воды съ самоцвѣтнымъ камнемъ.

Далѣе въ сказкѣ объ Ерусланѣ идетъ рассказъ о его поѣздкѣ въ Солнечное царство, о женитьбѣ на Солнечной царицѣ и о поединкѣ съ сыномъ. Каргопольская сказка не знаетъ этого эпизода, но слѣдъ существованія его въ первоначальной редакціи сохранился въ рассказѣ о поединкѣ Бурзы Воловича съ братомъ Васильемъ Нинькинымъ сыномъ; поединокъ отца съ сыномъ здѣсь замѣненъ поединкомъ между братьями; тема эта изъ конца сказки перенесена въ середину ея, и лишена той обстановки, которую она могла бы удержать, если бы явилась на своемъ мѣстѣ, послѣ освобожденія обреченной змѣю царевны; вслѣдствіе такого переноса поединка въ другое мѣсто сказки, драгоценный камень, добытый Бурзой Воловичемъ на днѣ моря, явился въ сказкѣ праздною подробностью.

Не на своемъ мѣстѣ въ каргопольской сказкѣ также и Погуй-птица. Въ сказкѣ объ Ерусланѣ, въ списокѣ Ундольскаго, птица Хохотунъ переноситъ Еруслана, но не въ царство индѣйское, которое въ этомъ списокѣ стоитъ на мѣстѣ царства Ахрамея, а въ царство Зеленаго царя Огненный Щитъ, рассказа о которомъ и о добываніи желчи изъ его печени въ каргопольской сказкѣ совсѣмъ нѣтъ.

Сдѣланное сравненіе каргопольской сказки съ сказкой объ Ерусланѣ убѣждаетъ, что это одна и та же сказка. Тутъ мы нахо-

димъ сходство и въ сюжетахъ отдѣльныхъ эпизодовъ (удаленіе богатыря изъ царства вслѣдствіе его невыносимой силы, умерщвленіе злого существа и отдача найденной подлѣ него дѣвицы замужъ за товарища, поединокъ съ близкимъ родственникомъ по недоразумѣнію, освобожденіе царевны, обреченной змѣю), и сходство въ деталяхъ (вопросъ, есть ли дѣвица еще краше, птица переносица богатыря на себѣ въ другое царство, драгоценный камень, отнятый у змѣя), и даже сходство въ послѣдовательности эпизодовъ, хотя и не полное, сходство только до нѣкоторой степени. Наконецъ мы находимъ тутъ и нѣкоторыя сходныя имена: Ахрамей въ каргопольской сказкѣ стоитъ на мѣстѣ Вахрамея, Иванъ-царевичъ на мѣстѣ князя Ивана; Ерусланъ явился подлѣ именованъ Бурзы Воловича. Если въ имени Бурзы откинуть инициалъ, то это имя близко подойдетъ къ первой половинѣ имени Ерусланъ (или Урусланъ, какъ въ спискѣ Ундольскаго). Второй членъ, Воловичъ, конечно, можетъ намекать на происхожденіе богатыря отъ коровы, но ему приличнѣе было бы называться „коровымъ сыномъ“; Воловичъ не совсѣмъ основательно; зачатъ онъ отъ съѣденной щуки, слѣдовательно волъ не былъ его отцомъ. Въ виду такой сомнительности этого имени можно думать, что оно получило настоящій свой видъ только въ позднее время, что за нимъ скрывается другое имя архаическое и можетъ быть варварское ¹⁾.

Чтобы не нарушить цѣльности сравненія каргопольской сказки со сказкой объ Ерусланѣ, я при обзорѣ эпизодовъ каргопольской сказки нѣкоторыя детали опустилъ. Теперь я возвращаюсь къ первому ея эпизоду, чтобы изложить его въ его полнотѣ.

Сказка начинается разсказомъ о царѣ, который молить Бога о дарованіи ему дѣтей; во снѣ онъ получилъ указаніе, что онъ долженъ закинуть въ океанъ неводъ и, что поймаетъ, тѣмъ покормить царицу. Попалась щука; изжарили ее, и царица съѣла рыбу; часть рыбы съѣла нянька, а выброшенные кишки съѣла корова. Родилось три мальчика: Иванъ царевичъ, Василій Нянькинъ сынъ и Бурза Воловичъ. Такъ какъ зачатіе ихъ было отъ одной причины, то сказка называетъ ихъ братьями. Три брата ѣдутъ до калиноваго моста; тутъ они ночуютъ; ночью по мосту ѣдетъ Издорище трехголовое; Бурза Воловичъ выскакиваетъ изъ-подъ моста и убиваетъ его. На вторую ночь онъ тоже на мосту убиваетъ другое Издорище, на третью убиваетъ третье Издорище. Тому, кто убьетъ Издорищей, обѣщана Марья царевна. Бурза Воловичъ беретъ ее и женить на ней Ивана царевича. Марья царевна оказалась въ родѣ Брунигильды: это было поленица. Она положила ночью на Ивана царевича свою руку и едва его не задушила. На слѣдующую ночь вмѣсто Ивана царевича въ ея

¹⁾ Впрочемъ въ русской сказкѣ „Иванъ Быковичъ“ тоже сынъ не была, а родился у коровы отъ съѣденной ухи.

спальню идетъ Бурза Воловичъ и бьетъ ее сначала желѣзными прутьями, потомъ мѣдными, потомъ оловянными; царевна взмолилась, но когда Бурза Воловичъ пришелъ къ ней на другую ночь, она обрубила ему ноги, а мужа заставила коровъ пасти. Бурза Воловичъ подружился съ братомъ Марьи царевны, Михайломъ цавеничемъ, которому злая сестра обрубила руки и выколола глаза. Михайло царевичъ сталъ вовать на себѣ Бурзу Воловича. Нашли богатыри колодезь съ живой водой, искупались въ его водѣ, и исцѣлились; напильсь воды, и у нихъ силы прибыло. Далѣе идетъ разсказъ о поединкѣ съ Василиемъ Нянъкинъмъ сыномъ, объ освобожденіи царевны, находившейся въ плѣну у Яги-бабы, и о царствѣ Ахрамея. Въ концѣ сказки сказано, что Бурза Воловичъ далъ Ивану царевичу живой воды, и онъ сталъ сильнѣе своей жены.

Въ этомъ эпизодѣ каргопольской сказки мы находимъ мотивы русской сказки „Буря-богатырь, коровій сынъ“¹⁾. Царица, кухарка и корова зачинаютъ отъ уха изъ щуки; рождаются царевичъ, кухаревичъ и Буря-богатырь, коровій сынъ. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о боѣ Бури-богатыря съ тремя змѣями на мосту въ то время, какъ братья спятъ. Далѣе идетъ разсказъ, которому нѣтъ ничего отвѣчающаго въ каргопольской сказкѣ, разсказъ о погонѣ за братьями змѣи, матери убитыхъ змѣевъ, и о кузницѣ, въ которую братья спасаются. За этимъ эпизодомъ опять начинается совпаденіе съ каргопольской сказкой. Буря богатырь ѣдетъ въ индѣйское царство добывать для царевича невѣсту, индѣйскую царевну. Царевна выходитъ за царевича, кладетъ на него руку и начинаетъ его душить; Буря-богатырь идетъ на мѣсто царевича и укрощаетъ царевну, подобно Бурзѣ Воловичу. Тотъ же сюжетъ въ русской сказкѣ о Никитѣ Колтомѣ, который помогаетъ царю жениться на Еленѣ прекрасной²⁾. Елена кладетъ руку на своего мужа и тотъ едва выноситъ ея тяжесть; Колтома замѣняетъ царя и укрощаетъ богатыршу; разобитая Елена мститъ Колтомѣ и велитъ обрубить ему ноги, а мужа дѣлаетъ пастухомъ коровъ. Безногаго Никиту Колтому носить на себѣ Тимофей Колтома, его братъ, которому Елена приказала выколоть глаза. Баба-яга указала имъ колодезь съ живой водой, и богатыри исцѣлили одинъ свои глаза, другой ноги. У Колтомы была шапка-невидимка, которую онъ надѣваетъ, когда онъ долженъ былъ натянуть лукъ; судя по другому варианту, лукъ долженъ былъ натянуть самъ царь, но въ дѣйствительности это дѣлаетъ его товарищъ, и шапка-невидимка должна была скрыть обманъ. Въ каргопольской сказкѣ нѣтъ шапки-невидимки, но въ послѣднемъ эпизодѣ о царствѣ Ахрамея

¹⁾ *Афанасьевъ*, т. I, № 76, стр. 154.

²⁾ *Афанасьевъ*, I, № 116, 6, стр. 343.

Бурза Воловичъ овладѣваетъ камнемъ - невидимкой, который однако ему ни къ чему не служить.

Такое же чудесное зачатіе, какъ въ каргопольской сказкѣ, и въ бѣлорусской у Шейна „Сучкинъ сынъ“¹⁾. Три брата зачаты отъ рыбной ухи; одинъ родился отъ царицы, другой отъ кухарки, третій отъ суки. Три брата поселяются въ пустой избѣ въ полѣ; каждый день въ избу приходитъ чудовище Самъ Скокыць, борода зъ локовы, а носъ съ сажень и избиваетъ сначала царевича, потомъ кухаркина сына, но отъ Сучкина сына чудовище само терпитъ побои и уходитъ въ подземный міръ; братья спускаютъ Сучкина сына въ подземелье, гдѣ онъ освобождаетъ трехъ царевенъ²⁾.

Эту сказку мы находимъ вставленной въ каргопольскую въ видѣ эпизода о Ягѣ-бабѣ, послѣдняя на мѣстѣ чудовища Самъ-Скокыца. Эти отношенія яснѣе выступаютъ при сравненіи каргопольской сказки съ малорусской о двухъ братьяхъ Иванѣ Сухобродзенко и Васильѣ Сухобродзенко. Иванъ занимаетъ мѣсто Еруслана и Бурзы Воловича, на мѣстѣ князя Ивана и можетъ быть Василья Нянькина сына; Василь бьется семь лѣтъ съ бабой, которая здѣсь на мѣстѣ Θεодула змѣя; Иванъ Сухобродзенко наѣзжаетъ въ полѣ на Василя и сначала бьется съ нимъ (въ каргопольской сказкѣ это поединокъ Бурзы Воловича съ Васильемъ Нянькинымъ сыномъ); потомъ они братаются и ѣдутъ вмѣстѣ противъ бабы; баба утекаетъ въ нору. Иванъ спускается за ней на канатѣ убиваетъ бабу, выноситъ ея дочку на верхъ и отдаетъ за брата Василя. Жена Василя говоритъ ему, что ея сестра краше ея; Иванъ Сухобродзенко подслушалъ и ѣдетъ отыскивать ея³⁾.

Большое сходство приведенныхъ устныхъ сказокъ о дающей чадородіе ухѣ съ книжною объ Еруславѣ вызываетъ вопросъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Каргопольская сказка о Бурзѣ Воловичѣ занимаетъ середину между сказкой объ Еруславѣ и другими устными сказками, какъ напр. „Буря богатырь“, „Сучкинъ

1) Сборн. отд. словесн. Акад. наукъ, т. LVII, Спб., 1893, стр. 102.

2) Тотъ же сюжетъ у Худякова, в. II: № 42, „Усыня“ (подземное чудовище назыв. Усыня, самъ съ ногу, борода съ локоть, усы по землѣ тащется; это—змѣя о 12 головахъ; изъ подземнаго царства Ивана царевича выносятся баба птица, стр. 14), № 43 „Ариадъ царевичъ“ (вмѣсто подземелья—гора, куда царевичъ занесъ Вихоръ; царевичъ схватился за тросточку, которую держалъ Вихоръ и съ которою полетѣлъ подъ облака), № 45 „Иванъ Кобылячъ сынъ“, и № 46 „Иванъ Кошкинъ, Иванъ Двѣинъ и Иванъ Царицынъ“; у Манжуры (Славян. пословицы и т. п. запис. въ Екатериносл. и Харьк. губ., Харьковъ 1880 г.; помѣщ. во II томѣ Сборника Харьк. истор.-этнологич. Общества): „Марко Сучченко“ (стр. 24), „Иванъ Царевичъ та Иванъ Кухаревичъ“ (стр. 28), и „Кырякъ, Кобылячій сынъ, Верыдубъ, Верыгора та Прутывусъ“ (стр. 43—45); Кырякъ ухватился за дубъ, съ которымъ летѣлъ змѣй и тотъ такимъ образомъ вынесъ его изъ подземелья наверхъ.

3) Чубинскій, II, № 80, стр. 308.

сынъ“ и „Сухобродзенко“. Она представляется составленною изъ этихъ сказокъ, и въ то же время эта комбинація очень напоминаетъ комбинацію Еруслана. И „Бурза Воловичъ“ и „Ерусланъ“ — своды изъ однѣхъ и тѣхъ же сказокъ, и именно изъ трехъ сказокъ: 1) сказки о коровьемъ сынѣ, убивающемъ змѣя или трехъ змѣевъ и добывающемъ дѣвицу (Буря богатырь), 2) сказки о коровьемъ сынѣ, спускающемся въ подземный міръ и освобождающемъ царевну (Сучкинъ сынъ, монгольск. сказка о Масангѣ), и 3) о богатырѣ, освобождающемъ царевну, обреченную на сѣдленіе. Въ „Бурзѣ Воловичѣ“ эпизоды еще сохранили ясныя черты сказокъ, отъ которыхъ они произошли; въ „Ерусланѣ“ эти черты болѣе стерты.

Такъ, безъ посредства „Бурзы Воловича“ трудно было бы догадаться, что эпизодъ о Феодулѣ-змѣѣ въ Ерусланѣ имѣетъ отношеніе къ сказкѣ о коровьемъ сынѣ, спускавшемся въ подземный міръ. Последовательность нужно установить такую: сначала отдѣльная сказка, потомъ своды въ родѣ „Еруслана“ или „Бурзы Воловича“. Въ сказкахъ, послужившихъ матеріаломъ для этихъ сводовъ и сохранившихся еще въ устахъ народа, мы ясно замѣчаемъ тектоническую гармонію; въ сводѣ „Бурза-Воловичъ“ эта гармонія уже разрушается, а въ „Ерусланѣ“ ее еще менѣе замѣтно. Если вѣрно наше представленіе, что сказки: „Буря-богатырь“, „Сучкинъ сынъ“, „Сухобродзенко“ если не тѣ самыя сказки, изъ которыхъ построены своды „Ерусланъ“ и „Бурза Воловичъ“, то варианты тѣхъ сказокъ, — то въ сказкѣ объ Ерусланѣ нельзя будетъ видѣть заимствованіе отдѣльнаго памятника изъ какой-то чуждописьменности. Она припла къ намъ вмѣстѣ съ цѣлымъ комплектомъ сказокъ и ихъ вариантовъ.

Въ другой сказкѣ „Царь Каприкъ“, записанной Колосовымъ тамъ же, ¹⁾ два эпизода изъ сказки объ Ерусланѣ: 1) поѣздка за средствомъ для исцѣленія отца и 2) освобожденіе обреченной змѣю дѣвицы. У царя Каприка три сына; младшій Иванъ-царевичъ. Царю захотѣлось помолодѣть; онъ посылаетъ старшаго сына къ Царю-дѣвицѣ за живой водой и „морожливой“ яблоней (Колосовъ поправляетъ можавай, молодящей). Сынъ ѣдетъ, встрѣчаетъ „огненное пламя“ и ложится тутъ спать. Ёдетъ второй сынъ, доѣзжаетъ до огненнаго пламени и не узнаетъ брата. Враждебное между ними столкновеніе; второй братъ вышибъ изъ сѣдла перваго; вопросъ о родѣ-племени. Оба брата ложатся спать у огненнаго пламени. Третій сынъ доѣзжаетъ до пламени и не узнаетъ братьевъ; бой между ними; младшій побѣждаетъ. Вопросъ объ имени. Отвѣтъ: когда-бъ... (и пр., какъ въ былинахъ). ²⁾ Иванъ-

¹⁾ Сборникъ отдѣленія русск. яз. и словеса. И. Академія Наукъ, т. XVII, Спб. 1877, стр. 205.

²⁾ Такое краткое изложеніе сказки дано самимъ Колосовымъ.

царевичъ перескочилъ черезъ пламя. На той сторонѣ онъ встрѣчаетъ одну послѣ другой трехъ старухъ; одна дарить ему щетку, другая кремень, третья ширинку, крынку масла и крестикъ. Далѣе онъ встрѣчаетъ заставы: кота-вахиря и богатыря въ шесть сажень высоты. Коту отдаетъ масло, богатырю крестикъ и получаетъ пропускъ. Доѣзжаетъ до Царь-дѣвицы, достаетъ живой воды и яблокъ, спитъ съ дѣвицей и отѣзжаетъ; Царь-дѣвица съ 33 дѣвицами-богатырями гонится за нимъ; онъ бросаетъ щетку, становится лѣсъ, брошенный кремень обращается въ каменную стѣну, ширинка въ огненную рѣку. Спасшись отъ погони, онъ ложится отдохнуть на берегу моря; братья кладутъ его спящаго въ осину и бросаютъ въ море. Осину прибило къ острову; здѣсь дочь царя обречена на съѣденіе змѣю. Иванъ-царевичъ засыпаетъ около нея, но когда змѣй вышелъ, пробуждается отъ горячей слезы царевны и убиваетъ змѣя. Слѣпой и безногій зарѣзали Ивана-царевича и выдали себя за спасителей царевны; царевна нашла тѣло убитаго царевича и подлѣ него живую воду и оживила его. Иванъ-царевичъ возвращается къ отцу и находитъ тамъ Царь-дѣвицу съ двумя сыновьями.

Ерусланъ въ этой сказкѣ выступаетъ подъ именемъ Иванъ-царевича, который, какъ и Бурза Воловичъ, имѣетъ двухъ старшихъ братьевъ. Эпизодъ о Царь-дѣвицѣ—это поѣздка Еруслана къ Зеленому царю, Огненный Щитъ-Пламенное Копье; живая вода и молодильныя яблоки, то есть средства противъ старости, на мѣстѣ желчи изъ печени царя Огненный Щитъ, которая возвращаетъ потухшее зрѣніе, т. е. служитъ противъ одной изъ немощей старости. Царь-дѣвица на мѣстѣ царя Огненный Щитъ; „огненное пламя“ каргопольской сказки, конечно, отголосокъ имени царя; Огненный Щитъ жжетъ своими лучами приближающихся къ нему; въ каргопольской сказкѣ Царь-дѣвицѣ такого свойства не приписано, но въ сходной смоленской сказкѣ объ Игрѣ,¹⁾ добывающемъ живую воду, Царь-дѣвица имѣетъ въ рукахъ щитъ, который жжетъ своими лучами. Въ каргопольской сказкѣ „огненное пламя“ явилось въ видѣ огражденія царства Царь-дѣвицы; богатыри доѣзжаютъ до него и далѣе, повидимому, ѣхать не рѣшаются, только Иванъ-царевичъ сумѣлъ перелетѣть черезъ него²⁾.

Ерусланъ на дорогѣ къ царю Огненный-Щитъ встрѣчаетъ стадо птицъ хохотуней, и одна изъ нихъ переноситъ его въ царство Огненнаго-Щита. Объ Иванѣ-царевичѣ только глухо сказано, что онъ перелетѣлъ черезъ пламя, а на чемъ, на конѣ или на птицѣ, не объяснено. Въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“ есть птица; Бурза

¹⁾ *Добросольскій*, Смоленскій Сборникъ, Спб., 1891, ч. I, стр. 505.

²⁾ Жилище валькирии Брунигальды было окружено со всѣхъ сторонъ пламенемъ. Конь Гуннара (Гуатера) неидетъ. Сигурдъ принялъ видъ Гуннара и на козѣ Грани промчался черезъ пламя.

летитъ на Ногуй-птицѣ, но этотъ мотивъ помѣщенъ не въ отвѣчающемъ эпизодѣ, а именно, онъ вставленъ въ поѣздку Бурзы въ царство Ахрамея, т. е. въ эпизодъ о царевнѣ, обреченной на сѣдненіе змѣю. Связь этого мотива—летаніе на птицѣ или конѣ—со сказкой о заточенной царевнѣ пользуется большимъ распространеніемъ, и потому появленіе птицы, несущей богатыря, въ эпизодѣ объ обреченной змѣю царевнѣ имѣло столько же шансовъ, какъ и въ эпизодѣ о Царь-дѣвицѣ.

Въ смоленской сказкѣ живую воду привозитъ Игръ; у царя три сына, Игръ изъ нихъ младшій; они поочередно объѣзжаютъ царство, но объѣхать удается только младшему. Игръ совершаетъ объѣздъ на конѣ, котораго ему указалъ встрѣтившійся ему человекъ; Игръ самъ поймалъ коня, когда тотъ приближалъ къ криницѣ пить. Ловля коня описывается и во всѣхъ вариантахъ сказки объ Ерусланѣ; Ерусланъ тоже самъ ловитъ, чѣмъ онъ отличается отъ монгольскаго богатыря Иринъ-Сайна, для котораго коня ловитъ царскій пастухъ; въ русской сказкѣ царскій пастухъ только указываетъ, гдѣ и котораго поймать коня. Пастухъ по большей части называется Ивашкой; въ смоленской сказкѣ въ эпизодѣ съ конемъ также упоминается „Ивашка, сѣрая сирымяжка“, но онъ въ ловлѣ коня не участвуетъ ни дѣйствіемъ, ни совѣтомъ. Вѣроятно, сказка забыла значеніе Ивашки; вѣроятно, онъ-то, а не другой какой-то человекъ, какъ рассказано въ сказкѣ, указалъ Игру, гдѣ добыть коня. Игръ ловитъ коня у криницы; и Ерусланъ также ловитъ своего коня, когда тотъ пришелъ на водопой. Этотъ эпизодъ уже даетъ поводъ подозревать, что Игръ одно лицо съ Ерусланомъ.

На пойманномъ конѣ Игръ ѣдетъ въ „Царь-городъ“; дорогой онъ проѣзжаетъ мимо трехъ дѣвицъ, которыя даютъ ему совѣтъ взять въ Царь-городѣ живой и мертвой воды. Въ Царь-городѣ онъ находитъ спящую царевну и оставляетъ на ея груди надпись: „былъ чужеземецъ“. На обратномъ пути, перескакивая черезъ стѣну, конь задѣлъ ногой за протянутыя струны; въ городѣ поднялась тревога, дѣвица пробудилась и погналась за Игромъ съ огненнымъ щитомъ въ рукѣ, который за двѣнадцать верстъ печетъ. Игръ махнулъ полотенцемъ, даннымъ ему одной изъ придорожныхъ дѣвицъ, и явилась рѣка. Послѣ того братья нашли Игру спящимъ и столкнули въ подземное царство. Здѣсь царевна обречена на сѣдненіе Чуду; Игръ засыпаетъ около царевны, пробуждается отъ ея горячей слезы и убиваетъ Чуду; но Ванька бросаетъ соннаго Игру въ воду и присвоиваетъ его подвигъ себѣ; царевна выневодила тѣло Игру, нашла на немъ пузырьки съ живой и мертвой водой и оживила богатыря.

Сказка „Царь Каприкъ“ и сказка объ Игрѣ почти тождественны; обѣ онѣ состоятъ изъ двухъ одинаковыхъ эпизодовъ: 1) поѣздка къ Царь-дѣвицѣ и 2) освобожденіе обреченной змѣю царевны.

Оба эпизода въ обѣихъ сказкахъ въ деталяхъ почти вполнѣ совпадаютъ. Обѣ сказки начинаются съ того, что у царя три сына, только въ сказкѣ объ Игрѣ царь не отдастъ приказанія добыть живой воды; вода все таки тутъ есть; она нужна была редакціи, потому что потомъ она пригодится для спасенія самого Игра.

Тѣ же два эпизода находятся и въ сказкѣ объ Ерусланѣ. Эпизоду о Царь-дѣвицѣ въ Ерусланѣ отвѣчаетъ поѣздка Еруслана за цѣлительной желчью Зеленаго царя-Огненный Щитъ; второй эпизодъ еще яснѣе усматривается въ рассказѣ объ индѣйскомъ царствѣ. У приведенныхъ выше сказокъ съ Ерусланомъ есть много общихъ деталей, и не только деталей, которыя имѣютъ большое распространеніе, каковы напримѣръ сонъ богатыря около царевны, обреченной на съѣденіе змѣю, пробужденіе отъ ея горячей слезы, упавшей спящему на щеку; эти подробности повсюду сопутствуютъ сюжету о царевнѣ, обреченной змѣю. Но есть детали, имѣющія ограниченное распространеніе, а нѣкоторыя даже какъ бы ограниченное вариантами Еруслана, однако и такія встрѣчаются въ сказкѣ „Царь Каприкъ“ и въ сказкѣ объ Игрѣ. Огненный жгуціи щитъ не принадлежитъ къ образамъ распространеннымъ; въ Ерусланѣ мы имѣемъ царя-Огненный Щитъ, который жжетъ, и въ сказкѣ объ Игрѣ также мы имѣемъ жгуціи огненный щитъ; это указываетъ на особенную близость этихъ сказокъ.

Другая подробность въ сказкѣ объ Игрѣ, постоянно встрѣчающаяся въ вариантахъ сказки объ Ерусланѣ—это ловля коня, о которой уже было сказано выше.

Въ сказкѣ „Царь Каприкъ“ вмѣсто огненнаго щита огненное пламя; ловля коня нѣтъ, но за то есть другія черты, сильно намекающія на Еруслана; младшій братъ навѣзжаетъ на спящаго въ степи старшаго, не узнаетъ его, ложится возлѣ него спать, а пробудившись, богатыри вступаютъ въ бой. Этотъ мотивъ, не знаю, встрѣчающійся ли внѣ сказки объ Ерусланѣ, тѣсно придвигаетъ сказку „Царь Каприкъ“ къ сказкѣ объ Ерусланѣ¹⁾.

Послѣ сдѣланнаго обзора и сравненія приведенныхъ сказокъ можно составить себѣ такое мнѣніе о составѣ сказки о Ерусланѣ; въ составъ ея вошли три сказки: 1) о Царь-дѣвицѣ и добываніи цѣлебнаго средства, 2) о царевнѣ, заточенной чудовищемъ въ подземномъ мірѣ, и богатырѣ коровьемъ сынѣ, освобождающемъ ее, и 3) о царевнѣ, обреченной на съѣденіе змѣю. Сказки эти живутъ и доселѣ въ памяти народа въ отдѣльныхъ редакціяхъ, и эти отдѣльныя редакціи цѣлнѣе и полнѣе деталями, чѣмъ эпизоды

¹⁾ Богатырь, навѣзжающій на спящаго другого богатыря, вступающій въ поединокъ съ нимъ и потомъ узнающій въ немъ своего сына, находится въ монгольской сказкѣ о Дзалуга-мэргэнѣ (Очерки с.-в. Монг., IV, 508, 509); въ этой сказкѣ я еще вернусь ниже при разборѣ французской сказки: Jean de l'Ours.

сказки объ Ерусланѣ. По этимъ отдѣльнымъ сказкамъ можно не то чтобы возстановить самую древнюю редакцію сказки объ Ерусланѣ—можетъ быть вынѣ существующая редакція и есть древнѣйшая,—а составить новую редакцію, такъ сказать „исправленную и дополненную по источникамъ“. Такъ, на примѣръ, во всѣхъ сказкахъ, перебранныхъ нами выше, въ „Царѣ Каприкѣ“, въ „Бурзѣ Воловичѣ“, въ „Бурѣ богатырѣ“, въ „Игрѣ“—говорится о трехъ братьяхъ; въ сказкѣ объ Ерусланѣ братьевъ у Еруслана нѣтъ. Согласно съ этими сказками исправленную и дополненную сказку объ Ерусланѣ также можно было бы начать рассказомъ о рожденіи трехъ братьевъ; Ерусланъ изъ нихъ младшій. Что это очень древнее представленіе, объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что въ дюрбютской сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ, въ которой содержатся намеки на Еруслана¹⁾, у Иринѣ-Сайна есть два брата. Сказка, правда, не начинается рассказомъ о рожденіи трехъ сыновей у царя; напротивъ, она рассказываетъ, что у царя родился одинъ сынъ Иринѣ-Сайнѣ, но въ дальнѣйшемъ текстѣ сообщается, что было три брата: Китынѣ-Зеби, Китынѣ-Арсланѣ и Иринѣ-Сайнѣ. Иначе въ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ; она начинается рассказомъ о трехъ сыновьяхъ царя, но не земного царя, а царя неба; младшій изъ нихъ спускается на землю и здѣсь воплощается, родится чудеснымъ образомъ отъ дѣвицы; это и есть Гэсэръ; собственно, исторія самого Гэсэра начинается рассказомъ о рожденіи только его одного, какъ и сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ²⁾. Можетъ быть и эта послѣдняя имѣла подобную подставку, въ которой былъ рассказъ о трехъ небесныхъ братьяхъ, но эта подставка отвалилась. Такую же судьбу можно подозрѣвать и у сказки объ Ерусланѣ; она также, можетъ быть, начиналась рассказомъ о трехъ небесныхъ братьяхъ, изъ которыхъ младшій родился на землѣ (сыномъ Лазаря или царя Каприка).

Это кажется мнѣ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что сказка объ Игрѣ, на взаимныя отношенія которой со сказкой объ Ерусланѣ только что было указано, представляетъ пересказъ одной главы изъ повѣсти о Гэсэрѣ, именно главы о Гумэнь-ханѣ. Повѣсть о Гэсэрѣ начинается съ того, что царь неба посылаетъ поочередно трехъ своихъ сыновей объѣхать землю; два старшихъ не могутъ этого исполнить, можетъ только младшій, который ниже въ повѣсти будетъ дѣйствовать подъ именемъ Гэсэра. Въ смоленской сказкѣ царь посылаетъ трехъ своихъ сыновей объѣхать царство, два старшихъ не могутъ, удается это только младшему Игру; слѣдовательно, Игрѣ—это Гэсэръ. Далѣе, въ отдѣльной главѣ о Гэсэрѣ говорится, что онъ призванъ исцѣлить царя Гумэнь-хана,

¹⁾ См. Вост. мотивы, 288 и 292.

²⁾ Младшій изъ трехъ небесныхъ братьевъ, явившійся на землѣ подъ именемъ Гэсэра, и имя носить особое.

который впалъ въ немощь; Гэсэръ поднимается по лѣстницѣ на небо, подпавываетъ небожительницу, у которой хранились талисманы (эрдени), и во время ея сна похищаетъ эти талисманы. Небожительница просыпается, замѣчаетъ покражу, сердится и въ сердцахъ разливаетъ по небу молоко изъ своихъ грудей; образовался Млечный путь. Въ смоленской сказкѣ Игръ ѣдетъ въ Царь-городъ, гдѣ находятъ спящую дѣвицу; о городской стѣнѣ въ передній путь ничего не сказано, но на обратномъ пути онъ долженъ былъ перескочить черезъ стѣну; конечно, и въ передній путь онъ долженъ былъ перескочить или перелѣзть черезъ нее. Пользуясь тѣмъ, что дѣвица спитъ, онъ взялъ у ней живой и мертвой воды ¹⁾. Когда онъ сталъ удаляться, царевна проснулась и бросилась вслѣдъ за нимъ; Игръ взмахнулъ полотенцемъ, образовалась рѣка; тогда дѣвица взмахнула полотенцемъ, сдѣлалась мостъ ²⁾; Игръ проѣхалъ по нему, а дѣвица не могла. Тутъ путаница: вовсе не въ интересахъ погони было устраивать мостъ черезъ рѣку, напротивъ, ей было нужно задержать бѣглеца; рѣка, повидимому, возникла впереди Игра, потому что онъ долженъ по мосту переѣзжать черезъ нее въ дальнѣйшемъ своемъ бѣгствѣ; редакция не сообразила, что для Игра было бы выгодиѣе, если бъ рѣка возникла сзади его. Можетъ быть, это мѣсто должно быть

¹⁾ Въ трансильванской сказкѣ (Covquin, II, 71) герой проникаетъ въ жилище спящей принцессы черезъ нору, которую дѣлаютъ его товарищи и три гиганта; въ покоѣ принцессы онъ пьетъ три раза изъ «юла» вино, беретъ кольцо съ руки принцессы, закалываетъ шпагой одного за другимъ трехъ гигантовъ въ то время, какъ они лѣзли по той же норѣ. Разсказъ напоминаетъ сверную сагу о Сутгунговомъ винѣ: Одинъ проникаетъ въ жилище Гуляды черезъ нору, просверленную Бѣйгемъ, и выпиваетъ три глотка вина; въ сагѣ нѣтъ смерти трехъ гигантовъ, но есть смерть девяти козловъ; Бѣйгию приписано памфреніе заколотъ Одина сверломъ въ то время, когда онъ будетъ лѣзть по норѣ (см. Вост. мотивы, 266). Въ кельтскомъ романѣ Парсиваль навязываетъ на замокъ спящей дѣвицы, снимаетъ съ ея руки кольцо и беретъ себя, а свое ей оставляетъ. Для изучающаго сказку объ Еруславѣ въ ряду темъ, связанныхъ съ именемъ Парсиваль, кромѣ эпизода съ кольцами, могутъ имѣть интересъ 1) разсказъ о пріобрѣтеніи чаши Граля и 2) разсказъ о кузнецѣ, который куетъ для Парсивала мечъ, необходимый для совершенія подвига. Въ сказкахъ, которыми я займусь ниже, Медвѣжий сынъ (Jean de l' Ours французскихъ сказокъ) прежде, чѣмъ начать свои подвиги, заказываетъ кузнецу палицу, *железную baguette*. Еруславъ, какъ и Парсиваль, имѣетъ палицы имѣть мечъ. Въ преданіяхъ упоминаются мечи, всаженыя въ землю (мечъ сифовъ) или въ тѣло звѣря (мечъ Аролбай—Эго-хана въ монхъ Очеркахъ с.-в. Монг., IV, 615, мечъ Медвѣжьяго сына въ аварской сказкѣ, всаженный въ тѣло змѣи Сармыгъ, *ibid.*, 782), или замурованныя въ стѣну, или всаженыя въ скалу (мечъ Аролбай—Эго-хана, Очерки с.-в. Монг., IV, 606; мечъ въ славянской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ); силачи не могутъ вытянуть засаженный мечъ, и только герою сказки удается это сдѣлать. Въ тангутской легендѣ человѣкъ пытается высвободить изъ земли врытый въ нее камень, по тѣту, потому что это былъ высунувшійся конецъ оси земли (Танг.-тиб. окраина Китая, II, 241)—образъ, имѣя кажется, внутреннѣйшія представленія о неподвижно стоящей Полярной звездѣ.

²⁾ Смоленск. Сборн., 505.

исправлено такъ: дѣвица взмахнула платкомъ или полотенцемъ, явилась рѣка (Млечный путь монгольской небожительницы?) впереди Игры, чтобы задержать его; но онъ взмахнулъ полотенцемъ, даннымъ ему его покровительницей, придорожной дѣвицей, и на рѣкѣ возникъ мостъ, по которому онъ и пробѣжалъ ¹⁾). Царь-городъ смоленской сказки—это небо монгольской; дѣвица въ городѣ—это монгольская небожительница. И у той и у другой что то похищается въ то время, какъ онѣ спятъ; и къ той и къ другой, чтобы добратся, нужно или перелазить черезъ стѣну или подняться по лѣстницѣ; обѣ онѣ пробуждаются и гонятся за похитителемъ; внезапно появляется рѣка, въ одномъ случаѣ водяная, въ другомъ молочная. Похищенные вещи потомъ пригодились самому похитителю; Игрѣ убить, но его оживляютъ той живой водой, которую онъ похитилъ въ Царь-городѣ; Гэсеру нѣсколько разъ угрожаютъ погибелью, слѣдуетъ рядъ казней, но похищенные на небѣ талисманы спасаютъ его отъ смерти.

Эти совпаденія устанавливаютъ тожество персонажей Гэсера, Иринь-Сайна, Игра и Еруслана; Гэсеръ, Иринь-Сайнъ и Игрѣ имѣютъ братьевъ; я думаю, какъ объ этомъ уже заявлено выше, что и Ерусланъ имѣлъ двухъ братьевъ, хотя русская сказка теперь ихъ и не знаетъ. Въ дюрбютской сказкѣ три брата: Китынь-Зеби, Китынь-Арсланъ и Иринь-Сайнъ; послѣдній два раза вступаетъ по недоразумѣнію въ поединокъ съ своими родственниками; сначала съ племянникомъ, сыномъ Китына-Зеби, потомъ съ братомъ Арсланомъ, оба поединка кончаются примиреніемъ. Въ русской сказкѣ также два поединка, кончающіеся примиреніемъ; сначала Ерусланъ бьется съ княземъ Иваномъ, русскимъ богатыремъ; потомъ съ своимъ сыномъ Ерусланомъ (Еруслановичемъ); въ русской сказкѣ только въ одномъ случаѣ поединки родня, относительно же князя Ивана, родство его съ Ерусланомъ не установлено; только примирившись послѣ боя, они называются „названными братьями“. Исходя изъ параллелей съ сказкой объ Иринь-Сайнѣ, я думаю, что они были настоящими братьями; въ поединкѣ Иринь-Сайна съ племянникомъ Иринь-Сайнъ является богатыремъ старшаго возраста; слѣдовательно, этому поединку въ русской сказкѣ будетъ параллелью поединокъ Еруслана отца съ Ерусланомъ сыномъ; въ поединкѣ же Иринь-Сайна съ Арсланомъ

¹⁾ Что такъ и было, объ этомъ въ нѣкоторой степени свидѣтельствуетъ сказка у Асаняева, № 60, „Баба-яга и Заморышекъ“. Изъ сорока одного яйца родится сорокъ мальчиковъ и сорокъ первый Заморышекъ. Братья странствуютъ и находятъ замокъ, въ которомъ живетъ Баба-яга и съ нею сорокъ ея дочерей. Вслѣдствіе хитрости Заморышка сорокъ дочерей Бабы-яги обезглавлены; братья убѣгаютъ изъ замка; Баба-яга гонится за ними съ *огненнымъ щитомъ*, который „падаетъ на всѣ четыре стороны“. Братья прибѣгаютъ въ синему морю, Заморышекъ взмахнулъ платкомъ, сталъ мостъ черезъ море; когда братья перешли по нему, Заморышекъ вновь взмахнулъ, моста не стало (т. I., стр. 88).

Иринъ-Сайнъ является младшимъ родственникомъ; вѣроятно этому то поединку и отвѣчаетъ бой Еруслана съ княземъ Иваномъ; какъ въ русской сказкѣ, такъ и въ дюрбютской поединкомъ кончается мировой, послѣ которой одинъ богатырь помогаетъ другому въ приобрѣтеніи невѣсты, въ одной личнымъ участіемъ и силой, въ другой совѣтами. На родство Ивана съ Ерусланомъ указываютъ и нѣкоторыя русскія сказки, приведенныя выше; въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“ на мѣстѣ князя Ивана повидимому стоитъ Василій Нянькинъ сынъ; сказка называетъ его братомъ Бурзы Воловича на томъ основаніи, что оба зачаты отъ сѣжденной щуки. Въ сказкѣ „Царь Каприкъ“ эпизоду о князѣ Иванѣ отвѣчаетъ рассказъ о богатыряхъ, съ которыми Иванъ царевичъ бьется около огненнаго пламени. Молодой богатырь, наѣхавъ на спящаго старшаго, ложится рядомъ спать, то-есть поступаетъ такъ же, какъ Ерусланъ, наѣхавъ на спящаго князя Ивана. Родство, которое тутъ установлено между поединщиками, не можетъ быть выведено изъ сказки объ Ерусланѣ; судя по такой детали, какъ сонъ богатырей, это бой Еруслана съ княземъ Иваномъ, а они не названы братьями. Это родство поединщиковъ ведетъ свое начало отъ какой-то древней редакціи, которая древнѣе нынѣшней редакціи сказки объ Ерусланѣ. Побочныя къ Еруслану сказки, какъ „Бурза Воловичъ“, „Царь Каприкъ“ и „Буря богатырь“ сохранили въ себѣ нѣкоторыя болѣе древнія черты, чѣмъ сказка объ Ерусланѣ. Существованіе этихъ побочныхъ сказокъ, сохранившихъ болѣе древнія черты, показываетъ, что сказка объ Ерусланѣ не можетъ считаться литературнымъ заимствованіемъ. Если-бъ мы получили Еруслана изъ Ирана въ видѣ книги, или если-бъ народъ посредникъ, между нами и Ираномъ, передавшій намъ Еруслана устно, самъ все-таки получилъ его въ видѣ книги, сказка была бы у насъ одинокимъ явленіемъ, не окруженнымъ такими побочными сказками, которыя представляли бы въ себѣ эпизоды въ болѣе цѣльномъ и стройномъ изложеніи, чѣмъ въ сказкѣ объ Ерусланѣ, и которыя помогали бы установить связь этой сказки съ монгольскими сказками объ Иринѣ-Сайнѣ и Гэсарѣ.

Третій сводъ еруслановскихъ томъ представляетъ угро-русская сказка „За одного мясорошского сына“¹⁾. Я передамъ ее здѣсь не въ полномъ переводѣ, а въ вольномъ изложеніи, но въ полномъ составѣ ея эпизодовъ и деталей.

У одного мясороша (мясника) былъ сынъ по имени Кáроль. Этотъ Кáроль отправляется странствовать; отецъ далъ ему запасъ и тарканистаго (geschekt) пса.

Пришелъ Кáроль къ лѣсу; его предупреждаютъ, что внутри лѣса живутъ черти (пропасники); шесть дней идетъ онъ безъ ѣды,

¹⁾ Записки наукового товариства імени Шевченка, під ред. Мих. Грушевського, Т. XXIX (1899, т. III). У Львові. Стр. 138—145.

запасъ вышелъ; на седьмой догоняетъ нишаго и даетъ ему взъ остатковъ милостыню (алмужну); тотъ уходитъ своею дорогою. Кáроль догоняетъ другого, даетъ и ему, и тотъ уходитъ. Догоняетъ третьяго, даетъ милостыню; тотъ палашомъ отрубаетъ тарканистому псу голову. Кáроль лѣвой рукой отъ себя ножомъ хочетъ ударить нишаго ¹⁾; нищій говоритъ ему: бей дважды и трижды. Кáроль догадался, что это чортъ и не сталъ его бить, а помоллся; тотъ издохъ. Кáроль выкопалъ двѣ ямы, въ одной похоронилъ пса и воткнулъ въ могилу вербу, въ другой нишаго. Пошелъ далѣе, дошелъ до хижины; въ ней старшій, сѣдой человекъ молится Богу. Прожилъ тутъ сутки. У старца ружникъ; постелеть его, на немъ появляется всякая пища ²⁾; старецъ даетъ Кáролю трехъ псовъ: Дунай, Драву и Тису, шкатулку мази (масти) и мѣдный пруть. Пошелъ Кáроль и дошелъ до крѣпости; въ ней до 600 разбойниковъ, песьюглавцы Кутя-татаре. Они посадили его за столъ ѣсть; Кáроль плеснулъ одну ложку псу, тотъ помахалъ головой; это служило указаніемъ, что не слѣдуетъ ѣсть. Песьюглавцы говорятъ: эти псы не могутъ быть среди насъ; ихъ нужно запереть. Заперли ихъ и повели Кáроля по „хижамъ“, а въ нихъ кучами золото и серебро; ступилъ Кáроль черезъ послѣднюю дверь и очутился въ глубокой и темной пивницѣ. Онъ вспомнилъ про своихъ трехъ псовъ; они учуяли это, стали искать свободы, вырвались, пришли къ той хижѣ, въ которой Кáроль самъ себя похоронилъ; отворили дверь, вынули Кáроля. Дунай посовѣтовалъ ему расплестъ мѣдный пруть и бить имъ песьюглавцевъ; собаки схватили ихъ за ноги, а Кáроль бьетъ ихъ прутомъ; всѣхъ 600 перебили. Побросали тѣла въ ту пивницу, гдѣ сидѣлъ Кáроль; набралъ онъ золота и серебра и наложилъ на остальное печать.

Пришелъ Кáроль въ одно селеніе; на каждомъ домѣ черная

¹⁾ Русско-сибирское повѣрье рекомендуетъ бить нечистую силу на-отмашъ, лѣвой рукой на лѣво, правой направо.

²⁾ Старецъ-отшельникъ не даетъ этотъ ружникъ Кáролю, но когда потомъ отшельникъ въ видѣ голубя вознесся къ небу, Кáроль взялъ его книжку и этотъ ружникъ и унесъ домой. Не было ли въ этомъ мѣстѣ разсказа о трехъ диковинкахъ, въ числѣ которыхъ часто встрѣчается скатерть самобраная? Въ самарской сказкѣ Борма Ярыжка ѣдетъ въ Вавилонское царство, населенное змѣями, чтобы привести оттуда корону, скипетръ и книжку (Садовниковъ. Сказки и пред. Самарск. края, Спб., 1884, стр. 22—27). Въ вариантѣ этой сказки Иванъ Туртыгинъ получаетъ подарки: коверъ-самолетъ и шапку-невидимку (ibid., стр. 21). Въ другомъ вариантѣ (у Барсова) Борма, герой преданія, на пути въ Вавилонъ встрѣчаетъ перевозчика Правду, который перевозитъ его червь море и даетъ ему необходимые совѣты (И. Н. Ждановъ, Русск. былевой эпосъ, стр. 11). Въ разсказѣ Генриха von Neustat Аполонію на пути въ Вавилонъ встрѣчается баснословный звѣрь инокорогъ Milgot и слабжаетъ его зельемъ или кореньемъ, которое чудесно питаетъ человека и возвращаетъ ему силу (А. Н. Веселовскій, Повѣсть о Вавилонск. царствѣ, въ Славянск. Сборникѣ, III, стр. 162).

завѣса. Семнадцать лѣтъ назадъ была война; пришли черти къ „царю“, говорятъ, если дашь то, что не знаешь, что его имѣешь, то поможемъ докончить войну. Взяли съ него запись кровью съ печатью, что онъ черезъ семнадцать лѣтъ отдастъ имъ общающее. Вернулся царь, окончивъ войну, домой, увидѣлъ беременную жену и заплакалъ. Родилась царевна. Кáроль по совѣту псовъ берется освободить царевну. Взявъ съ собой Христово распятіе и двѣ свѣчки, и пошелъ туда, гдѣ будутъ отдавать царевну „штану“; онъ вынулъ „масть“ изъ шкатулки, положилъ на столѣикъ, приказалъ царевнѣ раздѣться до нага, помазалъ ее мазью, далъ ей книжку въ руки, велѣлъ молиться Богу и засвѣтилъ свѣчки. Въ 11 часу пришли шатаны; не могутъ до нея достигнуть. Кáроль велѣлъ имъ принести запись, данную царемъ. Шатаны послали одного; остальные прилипли на стульяхъ, потому что онъ на каждомъ стулѣ положилъ мази ¹⁾. Самъ сатана принесъ письмо; Кáроль выхватилъ письмо, положилъ подлѣ свѣчки и началъ бить мѣднымъ прутомъ шатановъ; собаки помогаютъ ему, а шатаны не могутъ оборониться, потому что прилипли. Кáроль побилъ всѣхъ, взялъ 12 кадей золота, 12 кадей серебра, собралъ мазь въ шкатулку, вымылъ царевну и одѣлъ ее. Она сняла съ себя гранатки и привязала одинъ шнуръ Дунаю, другой Дравѣ, третій Тисѣ, разломила пополамъ перстень и дала половину Кáролю; зоветъ его идти вмѣстѣ, чтобы пережениться. Кáроль говоритъ, что ему еще нужно странствовать годъ, три мѣсяца, шесть дней. Если не вернусь, говоритъ, можешь идти за кого хочешь. Поѣхали; кучеръ взялъ пистолеть и велитъ ей идти за него за мужъ и сказать отцу, будто онъ, кучеръ, освободилъ ее. Царевна заперлась въ своей кижѣ и говорить, что будетъ ждать годъ 3 мѣсяца и 6 дней, а ранѣе не пойдетъ за кучера. Кáроль посылаетъ ей письмо съ Тисой. Пришли въ церковь; царевна взяла Кáроля, подвела къ владыкѣ и говорить, что она съ этимъ будетъ вѣнчаться. Повѣнчавшись, пришла домой. Она спрашиваетъ кучера: что слѣдуетъ сдѣлать тому, кто насъ разлучить? Тотъ говорить: привязать за руки къ двумъ конямъ и разорвать. Тогда она вывязала изъ платка половину перстня, и Кáроль вынулъ свою. Кáроля короновали. Онъ поѣхалъ за родителями. Везетъ ихъ черезъ лѣсъ и показываетъ, гдѣ верба, что тутъ тарко зарытъ; потомъ показываетъ хижу, въ которой старецъ живетъ. Старецъ говорить ему: „Теперь освободи псовъ; это не псы; отруби имъ головы“. Кáроль отрубилъ имъ головы; они стали

¹⁾ Ср. у Афанасьева, Народн. русск. легенды, Лондонъ, 1859 г., стр. 199 съ сказкой „Коваль Захарко“, перепечатанной изъ Москвитинна, 1843 г., № 1, стр. 132—140; Захарко имѣлъ силу заклясть чертей, такъ что они не могли сдвинуться съ мѣста, а самого сатану посадилъ въ кошель и разбилъ молотомъ на наковальѣ.

тремъ голубями и полетѣли къ небу. Кáроль зоветъ старца съ собой; тотъ говоритъ: „Не могу идти; меня Богъ покаралъ. Освободи и меня, отруби мнѣ голову“. Кáроль отрубилъ; вылетѣлъ золотой голубь, поблагодарилъ Кáроля и улетѣлъ въ небо. Взяли книжку старца, рушникъ, что давалъ ему пищу, пошли къ кладовымъ песиглавцевъ, забрали все золото и пошли домой въ свое царство.

Въ этой угро-русской сказкѣ два эпизода: 1) хожденіе въ страну песиглавцевъ и 2) освобожденіе царевны, обреченной черту, подобно тому, какъ и въ сказкѣ „Царь Каприкъ“, въ которой также два эпизода; второй эпизодъ одной сказки совпадаетъ со вторымъ эпизодомъ другой; тутъ также освобожденіе обреченной змѣю царевны, присвоенія подвига другимъ лицомъ и разоблаченіе. На мѣстѣ перваго эпизода, т. е. на мѣстѣ хожденія къ песиглавцамъ, съ сказкѣ „Царь Каприкъ“ стоятъ поѣздка къ царь-дѣвицѣ. Угросорускій эпизодъ не походитъ на каргопольскій, но здѣсь есть одна деталь, напоминающая Еруслана. Когда Кáроль замахнулся на чорта, бывшаго въ образѣ нишаго, чортъ сталъ просить его бить дважды и трижды, но Кáроль догадался, что это чортъ, и не послушался. Это напоминаетъ совѣтъ Расла-нея, данный Еруслану, бить царя Огненный-Щить только разъ, и не бить два раза ¹⁾. По мѣсту въ былинѣ и по этой детали песиглавцы какъ будто стоятъ на мѣстѣ царя Огненный-Щить (или царь-дѣвицы), но въ ихъ странѣ герой сказки находитъ не цѣлительную желчь или не живую воду, а золото и серебро. На какое-то отношеніе этихъ песиглавцевъ къ царю Огненный-Щить указываетъ и другой мотивъ; въ одной сказкѣ у Афанасьева, № 219, мать Ивана царевича живетъ съ Огненнымъ царемъ и хочетъ отравить сына ядовитыми лепешками; Иванъ-царевич беретъ лепешку отъ матери, но собака вырываетъ ее; въ угросоруской собака махаетъ головой, т. е. учитъ не ѣсть. Изъ сравненія этихъ деталей можно сдѣлать заключеніе, что персонажъ Еруслана въ нѣкоторыхъ вариантахъ назывался именемъ Кáроль, что въ числѣ сюжетовъ, связанныхъ съ именемъ Кáроль, былъ также сюжетъ о матери-измѣнницѣ (или сестрѣ-измѣнницѣ), завязавшей любовную связь съ богатыремъ, врагомъ сына, и пытающійся извести сына, и что этотъ сюжетъ не вошелъ въ сводъ объ Ерусланѣ, можетъ быть, потому, что былъ соединенъ только съ именемъ Кáроль или Иванъ-царевичъ, и не рассказывался съ именемъ Еруслана (по крайней мѣрѣ въ той средѣ, въ которой составилъ сводъ о Ерусланѣ).

¹⁾ Тотъ же совѣтъ въ сказкѣ № 71 у Афанасьева, стр. 128: царевна даетъ наставленіе Ивану Царевичу рубить Вахра (зѣва?) только разъ; свади будутъ кричать: руби еще! но Иванъ-царевичъ долженъ сказать: богатырская рука два раза не бьетъ.

Въ угрорусской сказкѣ три ¹⁾ собаки являются покровителями Кароля какъ въ эпизодѣ о песиглавцахъ, такъ и въ эпизодѣ о женщинѣ, обреченной чертямъ. Собаки являются и въ отдѣльныхъ сказкахъ, излагающихъ съ большей цѣльностью тѣ же темы, какъ тему о женщинѣ измѣнницѣ, такъ и тему о женщинѣ, обреченной змѣю ²⁾. У Афанасьева въ № 119, т. е. въ той самой сказкѣ, въ которой описывается любовь матери Ивана-царевича къ Огненному царю и измѣна сыну, послѣдняго выручаютъ изъ бѣды двѣ собаки.

Собаки угрорусской сказки не простые собаки, а обращенные люди повидимому. Окончивъ свою покровительственную миссію, онѣ обращаются въ трехъ голубей, которые улетаютъ къ небу. Тутъ мы, кажется, имѣемъ дѣло съ образомъ, распространеннымъ въ тюркомонгольскихъ сказкахъ, именно съ образомъ дѣвицъ, такъ называемыхъ въ монгольскихъ сказкахъ небесныхъ дѣвъ, которыя летаютъ чаще всего въ числѣ трехъ и въ видѣ лебедей или голубей. Три дѣвицы покровительницы, предупреждающія опасности, которыя угрожаютъ богатырю, или спасающія его отъ смерти, часто попадаютъ въ сказкахъ и составляютъ обычное явленіе въ монгольскихъ сказкахъ съ сюжетомъ о женщинѣ измѣнницѣ, въ союзѣ съ любовникомъ убивающей своего сына или брата. Богатырь обыкновенно находитъ ихъ въ степи въ то время, какъ ѣдетъ по порученію матери въ опасную поѣздку за цѣлебнымъ средствомъ отъ ея мнимой болѣзни. Ерусланъ на пути къ царю Огненный-Щитъ встрѣчаетъ трехъ дѣвицъ, которыя кочуютъ въ полѣ въ шатрахъ. Покровительственной роли дѣвицамъ не приписано. Ерусланъ спрашиваетъ ихъ, есть ли богатырь его сильнѣе, и, недовольный ихъ отвѣтомъ, убиваетъ ихъ. Эта излишняя жестокость, приписанная богатырю, дѣлаетъ эпизодъ сомнительнымъ, и дѣйствительно, по сравненію съ тѣмъ, что сказано выше по повѣду сказки о Каролѣ, надо думать, что тутъ большой пропускъ и искаженіе. Вѣроятно эти три дѣвицы—остатокъ отъ сюжета объ измѣнѣ матери, который тутъ прежде находился, т. е. отъ сказки Афанасьева № 119 объ Иванѣ-царевичѣ (на мѣстѣ Еруслана) и Огненномъ царѣ. Три небесныя дѣвы стоятъ и въ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ; онѣ неоднократно оказываютъ ему свое покровительство; повѣсть выдаетъ ихъ за небесныхъ сестеръ Гэсэра ³⁾; въ концѣ повѣсти сестры Гэсэра улетаютъ на

¹⁾ Число три и еще разъ встрѣчается въ этой сказкѣ: три встрѣчи съ ничимъ. Въ сказкѣ о Ерусланѣ оно также встрѣчается часто: три побитыхъ рати, три дуба съ востями, три меча, три кочующія въ полѣ дѣвицы.

²⁾ У Савкина три собаки съ именами Brise-Vent, Brise-Fer и Brise помогаютъ герою освободить принцессу, обреченную на съѣденіе чудовищу съ семью головами (1, 57).

³⁾ У Гэсэра кромѣ родни на землѣ была еще небесная родня, такъ какъ онъ сынъ небеснаго царя, воплотившійся на землѣ. Кромѣ небесныхъ сестеръ,

небо ¹⁾. Собакъ Кáролю даетъ старецъ отшельникъ, встрѣченный Кáролемъ на пути къ псаглавцамъ; кромя собакъ старецъ даетъ богатырю мастяку и мѣдный пруть. Въ верхоянской сказкѣ, представляющей вариантъ ко второму эпизоду сказки о Кáролѣ, т. е. ижьющему своимъ содержаніемъ рассказъ о женщинѣ, обреченной змѣю (собственно выдаваемой замужъ за многоголовое чудовище ²⁾ и спасенной богатыремъ, подвигъ котораго присвоиваетъ себѣ коварный челоуѣкъ, однако потомъ изобличенный ³⁾, покровительство герою оказываетъ челоуѣкъ, который называется Пилигримомъ, и который передъ тѣмъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ смоленской сказкѣ сходный персонажъ со сходнымъ именемъ, Палугримъ, сидящій на дубѣ на границѣ царства, помогаетъ Игру съѣздить къ царь-дѣвицѣ (собственно къ дѣвицѣ Иринѣ, дочери муружскаго царя ⁴⁾), даетъ ему коня; три дѣвицы, которыхъ Игръ встрѣчаетъ вслѣдъ за тѣмъ, даютъ ему три подарка, которые превращаясь въ лѣсъ, въ болото, и въ рѣку, спасаютъ его отъ погони. Въ смоленской сказкѣ съ сюжетомъ, соответствующимъ второму эпизоду сказки о Кáролѣ, мѣсто старца покровителя, дѣлающаго подарки, занимаетъ Дивный мужикъ или Дивный старикъ; онъ сидитъ въ столбѣ ⁵⁾; въ вологодской сказкѣ того же содержания это Дивій мужикъ, сидящій на дубѣ ⁶⁾. Старикъ, покровительствующій Кáролю, своимъ отшельничествомъ напоминаетъ эти персонажи, уединенные въ столбѣ, въ тюрьмѣ или на дубѣ.

Въ сказкѣ у Афанасьева № 119 собакъ Ивану царевичу даетъ царевна, на которой онъ потомъ женится. Можетъ быть, и въ сказкѣ, послужившей матеріаломъ для перваго эпизода сказки о Кáролѣ, тутъ тоже стояла женщина, но при слияніи со вторымъ эпизодомъ, подъ вліяніемъ сказокъ о Пилигримѣ или Дивномъ старикѣ, женщина исчезла. Въ монгольской повѣсти Гэсэру кромя трехъ сестеръ покровительствуетъ постоянно еще небесная мать или небесная бабушка. Вариантъ повѣсти, переведенный Шмидтомъ, кончается тѣмъ, что Гэсэръ освобождаетъ мать изъ царства мертвыхъ (изъ зачарованнаго состоянія?) и отпращиваетъ ее на небо съ помощью трехъ небесныхъ сестеръ. Угросская сказка кончается тѣмъ, что Кароль отрубаетъ головы тремъ собакамъ, а потомъ и старцу покровителю; собаки обращаются

повѣсть называется еще небесную мать его (въ вариантѣ небесную бабушку) и небесныхъ братьевъ.

¹⁾ Die Thaten Bogdo-Gesser chan's, übers. v. Schmidt, St. Ptb., 1839, T. 286.

²⁾ Во французской сказкѣ у Коскюна (Cosquin, II, 257) принцесса, освобожденіе которой присвоиваетъ самозванецъ, была не просватана, а обречена на съѣденіе чудовищу съ семью головами.

³⁾ Верхоянскій Сборникъ, Иркутскъ, 1890, стр. 268—288.

⁴⁾ Добровольскій, Смоленск. этн. сборн., стр. 458.

⁵⁾ Ibid., 471.

⁶⁾ Труды этн. отд. II. Общ. люб. естеств., антр. и этн., т. XI, М. 1890, стр. 175.

въ голубей, а старецъ въ золотого голубя, и всѣ улетаютъ къ небу ¹⁾).

О трехъ милостыняхъ, поданныхъ тремъ нищимъ, рассказано въ русской народной легендѣ „Солдаты и смерть“. Солдаты выслужили у царя только три сухаря; встрѣчаетъ убогаго, который проситъ у него милостыню; солдатъ отдаетъ одинъ сухарь; встрѣчаетъ другого и отдаетъ другой сухарь; наконецъ третьему убогому отдаетъ послѣдній и отъ этого третьяго убогого получаетъ въ подарокъ карты, въ которыя если будешь играть, всегда будешь выигрывать, и торбу, въ которую все соберется, если скажешь: ползай въ торбу ²⁾. Въ другомъ вариантѣ солдату, выслужившему три денежки, на встрѣчу идетъ Христосъ и апостолы; солдатъ подаетъ три милостыни за три раза, а Христосъ даетъ три подарка: кисеть съ неубывающимъ табакомъ, кошель съ неубывающими деньгами и суму, всегда полную по желанію ³⁾. Затѣмъ слѣдуетъ рассказъ о царскомъ дворцѣ, одержимомъ по

¹⁾ Тѣ же два сюжета: объ измѣнницѣ женщинѣ и о женщинѣ, обреченной гибели, которые включаются или включались по предположенію въ сказку о Каролѣ, находятся и въ русской былинѣ о Потокѣ, только въ другой послѣдовательности, именно эпизодъ о женщинѣ, обреченной смерти и спасаемой богатыремъ, стоитъ первымъ, а эпизодъ о женѣ измѣнницѣ вторымъ; въ серединѣ между эпизодами является покровительствующій персонажъ, пилигримъ, или три пилигрима; въ сказкѣ вмѣсто договора мужа съ женой, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, пойти вмѣстѣ въ могилу, договоръ отца съ чортомъ, отдать, чего не знаешь дома; мазь попала въ скавку подъ влияніемъ редакціи, сходной съ былинной, но въ былинѣ воскрешеніе производится посредствомъ окропленія живою водою; мазь въ финскомъ рассказѣ о Леминкейнеахъ; въ бретонской сказкѣ (Covquin, II, 344), которую А. Н. Веселовской воспользовался для сближенія съ русской былинной о Михаилѣ Потокѣ (въ рецензіи на книгу Коскена „Лорренскія сказки“ въ Журн. М. Н. Пресв., 1887, апрѣль, стр. 297 и слѣд.) подъ носомъ умершей три раза проводить цвѣткомъ розы; въ сказкѣ у Афанасьева, нов. изд. т. II, стр. 14. Змѣя приноситъ листокъ, прикасается къ изрубленной змѣѣ и та оживаетъ; въ лорренской сказкѣ Victor La Fleur оживляетъ свою умершую жену, помазавъ ея тѣло мазью, полученной отъ „бѣлой дамы“ (Covquin, II, 342).

По повѣрью вотяковъ трава *Sedum Telephium*, по-вотяцки у лыбъ, имѣетъ даръ возвращать людямъ половую способность, и воскрешать убитыхъ змѣй; впрочемъ *Sedum Telephium* не настоящая улыбъ; она такъ названа только потому, что не выветъ; настоящую люди не видятъ; чтобы найти настоящую нужно найти табунъ змѣй и убить одну; тогда змѣя принесетъ эту траву и проведутъ ея вдоль хребта убитой, послѣ чего она оживаетъ. (Извѣстія Общества истор., археол. и этногр. при Казанск. универс., т. III, 1880—1882 г., стр. 248). Въ русской народной медицинѣ вода, пропущенная черезъ листья *Sedum*, назыв. „живою водою“ (Анненковъ, Ботан. словарь, 1878 г., стр. 325). Въ болгарской легендѣ на Волгѣ царя и царевну вѣнчали изъ *сарбанъ*—березы и излѣчили отъ смертельной потери языка Вост. мотивы *сарбана* даютъ даръ человѣческой рѣчи. У казанскихъ татаръ *сарбанъ*, *Melilotus officinalis* L. (Изв. Общ. ист., арх. и этн. при. каз. ун., 246), который по русски назыв. *домикъ* отъ имени женской болѣзни *домъ*, *домная*, др.-русс. *дма*.

²⁾ *Афанасьева*, Народн. русскія легенды. Лондонъ, 1859: „Солдаты и смерть“, вар. с, стр. 60.

³⁾ На той же страницѣ вариантъ, помѣщенный подъ сирокій.

ночамъ чертями; солдатъ ночуетъ во дворцѣ; черти наполняютъ дворецъ ночью; солдатъ играетъ съ ними въ карты, выигрываетъ у нихъ все ихъ серебро и золото, и потомъ велитъ чертямъ дѣзть въ торбу, а золото и серебро относить царю. Утромъ кузнецы бьютъ молотами по торбѣ¹⁾. Эпизодъ о трехъ нищихъ въ легендѣ у Афанасьева изложенъ симметричнѣ и осмысленнѣ, чѣмъ въ угрорусской сказкѣ. Третій нищій въ угрорусской сказкѣ получилъ печальный конецъ подѣ какимъ то постороннимъ вліяніемъ; судя по легендѣ у Афанасьева, третій нищій я старецъ отшельникъ—тожественное лицо. Въ „Вост. мотивахъ“ я указалъ на сербскую сказку о Радованѣ, который, подобно Каролу, находитъ въ лѣсу подѣ сосной отшельника и получаетъ отъ него порученіе сходить на озеро, куда летаетъ драконъ, и принести воды, исцѣляющей слѣпоту. Радованъ, кромѣ воды приноситъ еще три пера дракона, которыя оказали ему услугу въ дальнѣйшемъ его похожденіи²⁾. Не была ли редакція о Каролѣ ближе къ сербской сказкѣ? не говорилось ли, что Кароль получалъ дѣлительную мазь не отъ отшельника, а ходилъ за нею по его порученію къ песиглавцамъ? Въ настоящей же редакціи эпизодъ о песиглавцахъ стоитъ безъ концепціи съ послѣдующемъ эпизодомъ о царевнѣ, обреченной чертямъ, и является въ сказкѣ произвольнымъ и излишнимъ накопленіемъ.

Мотивъ: „бей только одинъ разъ“³⁾, кажется, находился прежде въ бурятской сказкѣ о Гули-ханѣ и Ханѣ-Гужирѣ, и именно въ эпизодѣ, представляющемъ параллель къ Еруслану. Ханъ Гужаръ наѣзжаетъ на тѣло погибшаго богатыря въ родѣ того, какъ Ерусланъ наѣзжаетъ на Расланя; этотъ богатырь Хухудой даетъ Ханѣ-Гужиру мечъ, подобно тому, какъ Расланей Еруслану, и проситъ убить чудовище Нарань-Гэрэла; Нарань-Гэрэла здѣсь, слѣдовательно, на мѣстѣ царя Огненный Щитъ; Хухудой даетъ совѣтъ богатырю, если ему не удастся сразу разрубить Нарань-Гэрэла⁴⁾, скорѣе рубить во второй разъ. Слѣдовательно, совѣтъ совершенно противоположный тому, который даетъ Расланей Еруслану. Убивъ Нарань-Гэрэла, Ханѣ-Гужирѣ вырѣзываетъ его печень и достаетъ изъ нея масло; это масло на мѣстѣ желчи, которую добываетъ Ерусланъ изъ печени царя Огненный Щитъ. Совѣтъ Хухудоя не отвѣчаетъ совѣту Расланя, но во

¹⁾ Тамъ же, стр. 65. Въ вар. *a* у Афанасьева, стр. 53, солдатъ, чтобы наугать чертей, мѣряетъ землю въ аду, будто хочетъ строить соборъ; въ киргизской сказкѣ хитрый Аадаръ-ловъ мѣряетъ землю, чтобы узнать, гдѣ середина земли.

²⁾ Вост. мотивы, 166.

³⁾ См. *Reinhold Köhler*, Kleinere Schriften, Weimar, 1898, S 469. Въ турецкой сказкѣ *Atola* бьетъ дева; въ кабыльской вмѣсто чудовища быкъ.

⁴⁾ Разсвѣтаніе пополамъ народное воображеніе видитъ въ сѣвахъ луны. Нарань-Гэрэла по-монгольски „солнечный лучъ“ или „сіяніе солнца“; скорѣе бы ждалъ на этомъ мѣстѣ „луны лучъ“, Сарань-Гэрэла.

всякомъ случаѣ дѣло идетъ о томъ, какъ бить мечомъ. Можетъ быть, въ другихъ вариантахъ совпаденіе съ русской сказкой было полное; инородцы туруханскаго края для исцѣленія болѣзни вырѣзываютъ изъ дерева фигуру (въ видѣ рыбы или животнаго), олицетворяющую болѣзнь, и бьютъ ее деревяннымъ молоткомъ только разъ; повторенный ударъ можетъ только усилить болѣзнь.

Въ виду созвучія именъ Кáроль и Гэрэлъ при сходныхъ мотивахъ навязывается вопросъ, нѣтъ ли тутъ дѣйствительно чего нибудь большаго, чѣмъ случайное созвучіе. Правда, персонажи, носящіе эти имена, не совпадаютъ; въ угрорусской сказкѣ Кáроль богатырь, герой сказки, въ бурятской Гэрэлъ злое существо, убиваемое героемъ сказки. Но имя Наранъ-Гэрэлъ встрѣчается въ другихъ сказкахъ, какъ имя персонажа, ничего не заключающаго въ себѣ злого или чудовищнаго. Такъ, наприм., въ Шиддикурѣ именемъ Наранъ-Гэрэлъ называется царевичъ, котораго хочеть погубить мачеха; она притворяется больной, какъ мать Ивана царевича въ сказкѣ Афанасьева № 119, и говоритъ, что выздоровѣетъ только въ томъ случаѣ, если у царевича Наранъ-Гэрэла вырѣжутъ сердце и дадутъ ей съѣсть. Если въ самомъ дѣлѣ въ угрорусской сказкѣ въ эпизодѣ о песиглавахъ стоялъ сюжетъ о матери или женщинѣ, искавшей погубить Карола, то судьба Карола въ такомъ случаѣ совпадала съ участью Наранъ-Гэрэла въ Шиддикурѣ.

Во второмъ эпизодѣ Кароль является спасителемъ женщины, обреченной чертямъ. Въ южнорусскомъ преданіи Кирила-Кожмяка спасаетъ царевну, унесенную змѣемъ. Сходство только въ темѣ; обстановка темы подробностями другая. Отмѣчу только, что и тутъ и тамъ обнаруживается пристрастіе къ числу двѣнадцать; Кирила сразу разрываетъ *двѣнадцать* кожъ; въ побочныхъ сказкахъ или преданіяхъ объ умерщвленіи змѣя—двѣнадцать кузнецовъ, двѣнадцать молотковъ и пр. ¹⁾ Кароль, перебивъ всѣ злыя существа, увозитъ съ собой *двѣнадцать* кадей золота *двѣнадцать* кадей серебра.

Въ своихъ „Восточныхъ мотивахъ“ я высказался за тожество Наранъ-Гэрэла съ Наранъ-ханомъ бурятскаго преданія. Наранъ-ханъ, „Солнце-царь“—царь солонговъ, или солонготовъ ²⁾; преданіе рассказываетъ, что Чингисъ-ханъ или увозитъ у него дочь, или выдаетъ за него дочь свою замужъ. Въ обоихъ случаяхъ роется ровъ, по которому везутъ невѣсту; этотъ ровъ и валъ и теперь указываютъ въ Забайкальѣ и сѣверной Монголіи подъ названіемъ у русскихъ „вала Чингисъ-хана“, у монголовъ Чингисэнъ-Хэримъ. Въ первомъ случаѣ увозъ дѣвцы вѣроятно изображался, какъ насиліе, похищеніе. Ровъ рыли для того, чтобы спасти невѣсту и

¹⁾ См. Вост. мотивы, 819.

²⁾ Солонготъ—множ. число отъ солонъ.

кортежъ ея отъ гонящагося за ними Наранъ-хана, которому сказка приписываетъ свойство жечь лучами ¹⁾; слѣдовательно, это персонажъ въ родѣ царя Огненный Щитъ и въ родѣ Царь-дѣвицы, которая гонится съ жгуцимъ щитомъ. Въ виду этого отождествленія Наранъ-хана съ Огненнымъ Щитомъ я думаю, что и о Наранъ-Гераль-ханѣ, печень котораго вырѣзалъ Ханъ-Гужиръ, тоже передавалось, что онъ жегъ лучами (гэрэль—лучъ), а съ другой стороны, что имя Наранъ-ханъ могло передаваться сложнѣе въ формѣ Наранъ-Гераль-ханъ, т. е. что форма Гэрэль ставилась иногда въ преданіяхъ рядомъ съ именемъ Чингисъ-ханъ. Гэрэль былъ царь слоновъ, противникъ Чингисъ-хана.

Съ именемъ Кирила-Кожемяки также связанъ валь, но происхожденіе его объяснено иначе; въ русскомъ преданіи Змѣборецъ пашетъ землю на Змѣ, проводитъ борозду: вотъ отчего образовался Змѣевъ валь подъ Кіевомъ. Мотивы проведенія борозды не объяснены.

Кароль идетъ къ песиглавцамъ. На пути—старецъ-отшельникъ, который молится Богу. Старецъ даетъ Каролю разные обереги, трехъ собакъ, мазь и мѣдный пруть. Кароль приходитъ къ песиглавцамъ; они водятъ его съ коварнымъ умысломъ по своимъ кладовымъ и показываютъ свое богатство, груды золота и серебра.

Въ такъ называемой солунской легендѣ на славянскаго апостола Кирилла перенесена очевидно какая-то народная сказка. Кириллъ идетъ въ страну болгаровъ; на пути къ нимъ въ Солуни заходитъ къ митрополиту; тотъ его отговариваетъ, говоритъ, что болгары человѣкоядцы. Песиглавцы, какъ это видно изъ другихъ преданій объ нихъ, синонимъ человѣкоядцевъ, и слѣдовательно Кароль попалъ къ человѣкоядцамъ; дружественно относящійся солунскій митрополитъ какъ будто на мѣстѣ старца-отшельника. Обереги, которые отшельникъ давалъ Каролю, въ солунскую легенду не попали. Съ другой стороны подробности солунской легенды, какъ наприм. осада Солуни болгарами и требованіе выдачи Кирилла, „говорящій голубь“, роняющій какой то „зборькъ“, въ угрорусской сказкѣ никакими намеками не представлены, но за то въ другихъ преданіяхъ о Кириллѣ мы находимъ еще нѣкоторые намеки на сказку о Каролѣ.

¹⁾ Въ другомъ вариантѣ ровъ нуженъ былъ для того, чтобы скрыть невѣстку отъ тещи; таковъ обычай, соблюдаемый въ монгольскихъ семьяхъ—тестъ не долженъ видѣть лицо невѣстки. Въ арабской сказкѣ (Cosquin, II, 365) царь посылаетъ молодого человѣка въ опасныя мѣста съ расчетомъ, что онъ тамъ погибнетъ, въ родѣ того, какъ въ монгольской сказкѣ Гули-ханъ посылаетъ Ханъ-Гужира достать жемчъ Наранъ-Гераль-хана. (Записки Вост.-сиб. Отд. Геогр. Общ. по вѣн., т. I, в. I, ст. 149), и въ заключеніе поручаетъ ему привезти дочь султана Зеленой Земли; молодой человѣкъ привозитъ, но принцесса говоритъ, что на ея родильнъ свадебный обрядъ совершается такъ: роютъ ровъ до рѣки, по краямъ его раскладываютъ огонь, и женихъ бросается черезъ огонь въ рѣку.

Песиглавцы пытаются отравить Кароля, но Кароль плеснулъ одну ложку предложенной ему пищи собакамъ, та замахала головой, и Кароль не сталъ есть. Сарацины, которые въ другихъ преданіяхъ стоятъ, можетъ быть, на мѣстѣ челоувкоядцевъ солунской легенды, пригласили Кирилла на обѣдъ и дали ему испить яду, но Господь спасъ его, какъ коротко, къ сожалѣнію, говорить преданіе ¹⁾).

Подобно песиглавцамъ, водившимъ Кароля по палатамъ, заваленнымъ золотомъ, и сарацины провели Кирилла по храминамъ своего царя. Показавши ему все богатство и храмины, украшенныя золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями и бисеромъ, они сказали ему: „виждь філософе, дивное чюдо, сила велика и богатство много амерьмяино владики срацинска“ ²⁾).

Въ монгольскихъ преданіяхъ показываніе богатства связано съ именемъ какого-то богатаго хана Кункэра ³⁾. Когда Абдыль-хотонъ, посланный царемъ Едженъ-ханомъ за кораллами для украшенія строящагося дворца, зашелъ въ царство Кункэра, его впустили въ кладовую, гдѣ хранились кораллы, а потомъ, чтобы онъ подивился богатству Кункэръ-хана, провели его подлѣ золотой горы, отъ которой подданные Кункэра отламываютъ куски золота. Абдыль-хотонъ украдкой набралъ въ свою пазуху и коралловъ и золота, а когда ему подарили золотую монету, онъ ее бросилъ и о достоинствѣ драгоценностей Кункэръ-хана отозвался съ презрѣніемъ; вернувшись къ своему хану, онъ хвалится, что и драгоценности принесъ, за которыми его посылалъ ханъ, и славу своего хана, какъ богатаго хана, не уронилъ ⁴⁾. Богатое царство Кункэра повѣрье помѣщаетъ на западъ, т. е. тамъ же, гдѣ монгольское повѣрье помѣщаетъ и своихъ: *нохой-эртэй, нохой-эртэ, нохой-эртя*, т. е. людей съ собачьими головами, ⁵⁾, съ ко-

¹⁾ *Билбасовъ*, Кирилъ и Меѳодій, Спб., 1871, стр. 154.

²⁾ *Ibid.*, 152 Въ другихъ спискахъ не амерьмяино, а *амерьмяно, амерьмяно*. На домахъ въ сарацинскомъ царствѣ, правда не на всѣхъ, а только христіанскихъ, изображены различныя „образы демонскіе, странныя и гнусныя вещи“. Если сарацины стоятъ на мѣстѣ челоувкоядцевъ, то не будетъ ли это мѣсто затѣмненнымъ отголоскомъ разсказа повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ о змѣяхъ, которыя были нарисованы „на хоромахъ на каждомъ бревнѣ, и на дверяхъ, и на окошкахъ“ (А. Н. Веселовскій. Отрывки визант. эпоса въ русскомъ, въ Славянск. Сборникъ, III, 127).

³⁾ Кункэръ-ханъ по теленгитскому повѣрью въ Алтаѣ „ежедневно умираетъ и снова возрождается, такъ что вѣчно живетъ“. (Очерки с.-в. Монг. IV, 321); слѣдовательно, это персонажъ въ родѣ русскаго папы римскаго, остацкаго Туныкъ-поха и сойотскаго Джедай-хана. (См. Вост. мотивы, 459). То же повѣрье монголы связываютъ съ далай-хамой (см. Этногр. Обзор. вн. XX, стр. 10; и Памятники древн. письменности и искусства, СХХХІІІ, 1899 г. въ старинной статьѣ „Вѣдомость о вѣт. землѣ и глуб. Индѣя“. стр. 30).

⁴⁾ Очерки с.-в. Монг. IV, 321.

⁵⁾ *Ibid.*, 322. Ордосское повѣрье помѣщаетъ собачье царство, *нохой-баргасу*, на сѣверовостоки (Танг.-тиб. окраина Китая, II. 351).

формы, впрочем, разжал, записанный мною, не соединяет представления о жемчуге и богатстве, но изображает все же, как и другія повѣрья, человѣколюбамъ.

Въ русскихъ сказкахъ встрѣчается Золотая гора. У Чубинскаго въ сказкѣ № 31 „Про Золотую гору“¹⁾ передается, что три брата, странствуя, заночевали въ лѣсной хатѣ; вождь былъ мось; по этому мосту идти ночью змѣй; младшій братъ семилѣтокъ убиваетъ его; въ слѣдующія ночи онъ убилъ еще двухъ змѣевъ; эти подвиги съ змѣями происходятъ на Золотой горѣ; по убіеніи трехъ змѣевъ, братья берутъ отъ горы золото. Гора указываетъ на какое-то высокое положеніе, можетъ быть на небо; „Золотая“— значитъ, придаваемый въ ордынскій терминологіи Полярной звѣзды: Золотой колы, Золотой гвоздь. Алтайское повѣрье знаетъ Золотую гору, Алтывъ-ту, которая съ неба виситъ внизъ и только на локоть не достигаетъ земной поверхности. На вершинѣ монгольской мировой горы Сумбирь народное повѣрье помѣщаетъ храмъ и Полярную звѣзду, это— Золотая маковка на этомъ храмѣ²⁾. Если подъ Золотой горою дѣйствительно слѣдуетъ угадывать Полярную звѣзду, то подъ мостомъ (въ сказкахъ и былинахъ это часто клиновидный мостъ), служащимъ дорогой, по которой ходитъ Змѣй (Змѣева гора) придется подразумѣвать Млечный путь. У Афанасьева въ сказкѣ „Золотая гора“, № 136³⁾, Золотая гора находится на острову въ морѣ; купецъ ѣздитъ туда съ работникомъ, котораго поить соннымъ зельемъ и зашиваетъ въ шкуру лошади; вѣроны поднимаютъ мнимую пададь на гору; работникъ спускаетъ съ вершинъ горы накопанное золото; купецъ уплываетъ съ золотомъ, оставляя работника на горѣ (подобно тому, какъ братья оставляютъ коровьяго сына въ подземельѣ). Уже девяносто донить такихъ обманутыхъ людей погибло на вершинѣ горы. Работникъ спасаетъ кремень и кресало, подаренныя ему дѣвницей; при ударѣ кремня о кресало явились два человѣка, которые спустились отъ горы. Теперь работникъ перехитрилъ купца: онъ въ свою очередь напоилъ его соннымъ зельемъ и зашилъ въ шкуру, и когда тотъ, занесенный вѣронами на вершину горы, накопалъ и спустилъ золото внизъ, работникъ уплываетъ, оставивъ купца на горѣ на вѣки. Эта тема, обмѣвъ мѣстомъ, при чемъ второй персонажъ оброченъ на вѣчное прикрѣпленіе къ мѣсту, кажется, указываетъ на Полярную звѣзду⁴⁾.

Птицы, переносиція человѣка на гору въ шкурѣ животнаго, повидному, принадлежатъ къ категоріи рассказовъ о добычаніи драгоцінныхъ камней; по монгольскому повѣрью благовонное де-

1) Чубинскій, II, 167.

2) Вост. мотивы, 330.

3) Афанасьева, II, 118.

4) См. Вост. мотивы, 197, 479.

рево Зандонъ, стоящее на мѣстѣ драгоцѣнныхъ камней западныхъ преданій, приносится птицей Ханъ Гариди ¹⁾; на отношенія этой птицы къ Полярной звѣздѣ мною указано въ „Вост. мотивахъ“ ²⁾.

Ни у Чубинскаго, ни у Афанасьева герою не придается необыкновеннаго происхожденія (у перваго это семилѣтокъ, одинъ изъ трехъ сыновей, у втораго работникъ), но одна сказка у Садовникова заставляетъ подовѣрѣвать таковое; у Садовникова въ сказкѣ № 34 „Медвѣжій сынъ“ ³⁾ женщина, увлеченная медвѣдемъ въ берлогу, родила сына; сынъ убиваетъ отца—медвѣдя, какъ въ аварской сказкѣ „Медвѣжье ухо“, и выходитъ съ матерью на ея родину; но онъ не годится для человѣческаго общества: кого схватить за руку,—рука прочь, за голову,—голова прочь. Чтобы отдѣлаться отъ него, его посылаютъ на мельницу, гдѣ было много чертей; „въ полночь черти облѣпили всѣ колеса“. Медвѣжій сынъ избилъ ихъ всѣхъ; тогда пришелъ самъ сатана, пообѣщавъ ему золота и просилъ уйти. Медвѣжій сынъ насыпалъ себѣ золота и ушелъ. Мельницу, какъ средство отдѣлаться отъ богатыря, находимъ также и въ сказкѣ у Чубинскаго, № 50 „Про охоту“ ⁴⁾, которая содержаніемъ сходна съ угрорусской сказкой о Кáролѣ. Герою сопутствуютъ, какъ и Кáролю, помогающія животныя, только здѣсь не собаки, а левъ, медвѣдь, волкъ, лисица и соколъ. Сестра героя измѣнница, живетъ съ Зиємъ (какъ мать Ивана царевича съ Огненнымъ царемъ въ сказкѣ у Афанасьева); она посылаетъ брата въ опасныя поѣздки; послѣдняя поѣздка имѣетъ цѣлью принести муки изъ мельницы; у мельницы двѣнадцать дверей, соответствующихъ „хижамамъ“ сказки о Кáролѣ; герой проникъ до самой задней комнаты, захватилъ муки, но долженъ былъ опрометью скакать на волю; двери одна за другой захлопывались, и послѣднія отсѣкли хвостъ у его лошади; самъ онъ выскочилъ, но охота его т. е. звѣри остались въ мельницѣ. Змѣй хотеть съѣсть вернушагося богатыря; но богатырь взмогъ на столъ и поджидаетъ охоту. Звѣри грызутъ двери мельницы; прогрызли всѣ двѣнадцать, прибѣжали и разорвали змѣя.

Въ своихъ „Восточныхъ мотивахъ“ для сравненія съ славянскими преданіями я воспользовался также одной монголо-тибетской сказкой. Эрдени-Хараликъ совершаетъ поѣздку для того, чтобы привезти своему народу предметъ, который можетъ доставить ему благоденствіе. Это—дѣвица Билге-виликъ. Онъ ѣдетъ за нею въ страну Удаяну не смотря на то, что его предупреждали, что Удаяна населена челоуѣкоядцами (когда Кáроль отправляется странствовать и входитъ въ лѣсъ, его предупреждаютъ, что этотъ лѣсъ

1) Очерки с.-в. Монг. IV, 188; см. также Вост. мотивы, 449.

2) Стр. 650.

3) Сказки и пред. Самарск. края, Сиб., 1:84, стр. 150.

4) Чубинскій, т. II, стр. 157—167.

населенъ чертями или пропасниками). Хараликъ можетъ исполнить свою задачу только въ томъ случаѣ, если онъ добудетъ сердце и печень коровы Куринъ, которая мечетъ пламенемъ. Судьба Харалика похожа на судьбу бурятскаго Ханъ-Гужира; этотъ богатырь получить руку дочери Гули-хана только въ томъ случаѣ, если онъ принесетъ масло изъ печени Наранъ-Гэрэла (который, по моему предположенію, жегъ своими лучами). Хараликъ сначала благополучно минуетъ отвратительныхъ асуровъ, потомъ добываетъ сердце и печень коровы, и получаетъ возможность доставить дѣвицу своему царству ¹⁾.

Два эпизода, сначала эпизодъ съ собаками или звѣрями, которые помогаютъ герою, брату измѣнницы сестры или матери, и попадаютъ въ западню, но выдираются изъ нея, потомъ эпизодъ съ дѣвицей, обреченной на съѣденіе чудовищу или змѣю, расположенные именно въ этомъ порядкѣ, находятся въ нѣкоторыхъ вариантахъ сказки, которая иногда получаетъ названіе „Звѣриное молоко“. Такъ напримѣръ эти два эпизода можно найти у Афанасьева, № 118 „Звѣриное молоко“, вар. с ²⁾, и у Романова, № 2 „Пуша драмуша“, № 3 „Хортки“ и № 4 „Мѣдзяный волкъ“ ³⁾. Схема сказки такая. Герой, иногда это Иванъ-царевичъ, живетъ уединенно съ своей сестрой, иногда матерью. ⁴⁾ Женщина спознается съ змѣею или съ разбойникомъ ⁵⁾ и старается сгубить

¹⁾ Хараликъ не убиваетъ корову Куринъ, а только завлечетъ желаніе взять ея сердце и печень, и корова сама умираетъ. Королю не убиваетъ третьяго нищаго, а только молится, и нищій (чортъ) умираетъ.

²⁾ Афанасьевъ, II, стр. 8.

³⁾ Романовъ, III, стр. 40.

⁴⁾ Первый эпизодъ передается и въ видѣ отдѣльной сказки, безъ разсказа о царевнѣ, обреченной змѣю, какъ напримѣръ, у Афанасьева, № 118, „Звѣриное молоко“, вар. а и в, у Романова, № 1 „Звѣриное молоко“, № 7 „Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ“, № 8 „Иванъ Златовусъ“, у Чубинскаго, № 48, „Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ“ и у Садовникова, № 11 „Волкъ, мѣдзяный лѣвъ“.

⁵⁾ Разбойники являются у Афанасьева № 118 вар. в и у Романова, № 2. У Романова братъ и сестра, осиротѣвшіе послѣ смерти отца, находятъ въ лѣсу домъ изъ 12 покосевъ, въ которомъ живутъ двѣнадцать разбойниковъ; братъ убитъ изъ нихъ одиннадцать, двѣнадцатый спрятался подъ печь; этотъ поглядный заводитъ связь съ сестрой и въ союзъ съ ней убиваетъ ея брата (стр. 41). У Афанасьева братъ одинъ пошелъ въ лѣсъ, набрелъ на домъ, вошелъ въ него, нашелъ въ немъ кядку съ виномъ и плавящими въ немъ кошель, сѣлъ на стулъ возле кядки и принялся пить; входятъ двѣнадцать разбойниковъ, также садятся вокругъ кядки и одному въ нихъ не достать стула; начинается сеора изъ-за стула, переходитъ въ драку и герой сказки убиваетъ всѣхъ, за исключеніемъ атамана, который спрятался въ уголъ за бочки. Потомъ онъ насыпаетъ золота въ плетушку и относитъ сестрѣ. Сестра въ союзъ съ атаманомъ хочетъ погубить брата, посылаетъ его за яблоками въ садъ, гдѣ живутъ 24 разбойника и гдѣ также было много накоплено всякаго богатства, золота и драгоценныхъ камней; онъ убиваетъ всѣхъ 24 разбойниковъ (стр. 8). Въ этой картинкѣ сквозятъ черты изъ народныхъ представленій о созвѣздіи Плеяды. Число 24 есть удвоеніе двѣнадцати, а 12 есть удвоеніе

Ивана-царевича; она притворяется больной и посылает брата за звѣринымъ молокомъ, сначала за заячьимъ или лисьимъ, а когда Иванъ-царевичъ привозитъ его, не погибнувъ въ дорогѣ, то за волчьимъ, медвѣжьимъ, львинымъ, лосинымъ и др. Звѣри не только даютъ молока, но каждый звѣрь даетъ герою въ подарокъ по звѣренку. Подъ конецъ у Ивана-царевича составляется защита изъ вѣсколькихъ звѣрей. Когда воѣ роды звѣринаго молока добыты, коварная женщина посылаетъ богатыря достать мучной пыли съ какой-то мельницы, у которой двѣнадцать комнатъ и двѣнадцать дверей; богатырь добываетъ пыль и успѣваетъ выскочить прежде, чѣмъ захлопнулись двери, но звѣри очутились въ западнѣ¹⁾. Змѣй любовникъ увѣренъ, что безъ звѣрей онъ одо-

шесть; монголы насчитываютъ въ Плеядахъ шесть звѣздъ. По бурятскому повѣрью на Плеядахъ устраиваются сугланы боговъ т. е. собранія или засѣданія. (Вост. мотивы, 583); по осетинскому представленію Плеяды это собраніе пирующихъ нартовъ (богатырей); они сидятъ вокругъ бочки съ виномъ; одна изъ звѣздъ въ центрѣ—это бочка (Очерки с. Монг., IV, 780). Монгольское преданіе приписываетъ Плеядамъ злой (разбойническій?) характеръ и рассказываетъ, какъ королева и верблюды рѣшились раздавить это чудовище копытомъ, но оно распалось на части, и только одна часть была раздавлена, а шесть частей ускользнули и видны теперь на небѣ въ видѣ шести звѣздъ Плеядъ; въ одномъ вариантѣ вмѣсто королевы конь, на которомъ ѣдетъ Идыганъ (т. е. Б. Медвѣдица). Къ Плеядамъ же, вѣроятно, относятся и другіе рассказы о чудовищѣ, распадающемся на части, изъ которыхъ только одна часть ускользаетъ отъ гибели или о компаніи людей, изъ которыхъ только одинъ спасается отъ смерти (Вост. мотивы, 567). У Аюнашева герой садится на стулъ, приходятъ двѣнадцать разбойниковъ, одному стула не хватаетъ (намекъ на преданіе о Плеядахъ, потерявшихъ одну изъ своихъ звѣздъ, Оч. с. Монг., IV, 193) следовательно, всѣхъ студентовъ было двѣнадцать; такое же представленіе въ одной угорской сказкѣ. Овечій пастухъ убиваетъ поочередно прилетавшихъ въ садъ шарканей (драконовъ, съ венгерскаго *šarkanj*) съ 6 головами, потомъ съ 12-ю, потомъ съ 24 головами, предварительно опьяняя ихъ виномъ; потомъ онъ нашелъ 12 ключей, отперъ 12 кладовыхъ, въ двѣнадцатой по срединѣ золотой столъ, кругомъ его 12 золотыхъ креселъ; онъ сѣлъ на одно изъ нихъ и увидѣлъ на стѣнѣ 12 мажъ (родъ вѣса, грузъ на одну телегу) бегерей (палочекъ для цимбаловъ); однимъ бегеремъ онъ ударилъ по столу, явилось 12 юношей и спрашиваютъ: что прикажете? Онъ попросилъ ѣсть и принести платье. Тутъ онъ и остался живъ; это было жилище убитыхъ шарканей (Записки науковаго товариства імени Шевченка під ред. М. Грушевскаго, т. XXIX, [1899 г., т. III], Львовъ, стр. 128—130). Другая сходная сцена находится во французской пѣснѣ о вояжѣ Карла Великаго въ Іерусалимъ. Карлъ входитъ съ своими двѣнадцатью шрами въ храмъ въ Іерусалимѣ и видитъ тутъ тринадцать креселъ; онъ садится на одно изъ нихъ, а на двѣнадцати остальныхъ рассказываются шары. Входитъ въ храмъ еврей, приходитъ въ ужасъ отъ грознаго вида Карла и бѣжитъ извѣстить объ этомъ патріарха. Карлъ получаетъ отъ патріарха мощи и святыя реликвиі. Не была ли эта сцена въ угорской сказкѣ о Карлѣ, именно въ рассказѣ о песиглавахъ, 12 комнатахъ, наполненныхъ золотомъ, и о запертыхъ собакахъ? Въ русской былинѣ у каменя Латыря на горѣ Фаварѣ въ соборной церкви 12 престоловъ (Рыбн., I, № 60).

¹⁾ Захлопывающіяся двери представленіе, эквивалентное толкучимъ горамъ и бодающимъ баранамъ другихъ сказокъ; герой вѣзжаетъ въ покой на конѣ и когда выѣзжаетъ изъ нихъ, то самыя наружныя двери, смыкаясь, отбѣгаютъ

лѣветъ противника; онъ хочетъ съѣсть богатыря; тотъ упрасиваетъ позволить ему передъ смертью вымыться въ банѣ ¹⁾; получивъ разрѣшеніе, онъ старается оттянуть время, такъ какъ голубь или воронъ говорятъ ему, что звѣри съ успѣхомъ грызутъ двери своей тюрьмы и скоро освободятся сами и его освободятъ ²⁾. Кончается тѣмъ, что звѣри дѣйствительно прибѣгаютъ и разрываютъ змѣя, а Иванъ-царевичъ казнить свою сестру. Затѣмъ царевичъ попадаетъ въ страну, одержимую змѣемъ; население принуждено поочередно давать ему на сѣдѣніе людей; очередь пала на царевну; царевичъ убиваетъ змѣя, освобождаетъ царевну, но не слѣдуетъ за ней во дворецъ; другой человекъ, иногда

коню хвостъ; тутъ случилось то же, что и въ другихъ сказкахъ, когда герой пролзаетъ между толстыми горами на обратномъ пути. У *Афанасьева*, № 118, вар. с., мельница имѣетъ двѣнадцать *железныхъ* дверей; Иванъ-царевичъ достаетъ мучную пыль; въ вариантѣ же, помѣщенномъ подъ строкой, Иванъ-царевичъ достаетъ для сестры живущую и пѣлющую воду, находящуюся между двухъ высокихъ горъ, которыя разъ въ сутки расходятся и черезъ двѣ-три минуты опять сходятся (стр. 11). У *Романова* № 2 Иванъ-царевичъ приноситъ илу (мучной пыли) изъ „Закрытой“ мельницы, въ которой двѣнадцать вѣнцовъ и двѣнадцать камней (стр. 42); въ № 3 иль изъ-подъ послѣдняго изъ двѣнадцати камней мельницы въ прудъ, что черти мельятъ (стр. 47); въ № 4 прудъ, въ немъ двѣнадцать дверей; нужно принести „пылку“ изъ-подъ самаго большого камня (стр. 53); въ № 5 вар. а пирожекъ, что самъ на прудѣ мололся, самъ пекся (стр. 58); въ вар. б привносится промокъ, который взять у „вѣтраку“ за двѣнадцатью дверями подъ камнемъ; въ № 7 вмѣсто мельницы двѣнадцать покоевъ, въ которыхъ живетъ змій (стр. 65). У *Садовникова* № 11 чортова мельница, у ней семь *железныхъ* дверей; привносится пыль. У *Чубинскаго* въ № 48 ильня, у котораго двери затворяются (стр. 148); въ № 49 ильня съ 12 дверями (стр. 156). У *Худякова*, въ I, № 10 достается пыльца съ мельницы; старикъ, который сидитъ на мельницѣ, заираетъ звѣрей Ивана-царевича (стр. 43). У *Афанасьева* въ № 118 вар. а звѣря естъ, во помощъ оказываютъ не они, а мужичекъ съ кулачокъ; мельницы имѣть, вмѣсто нея Жарь-птица, которая проглатываетъ мужичка съ кулачокъ (стр. 4); въ вар. б имѣть ни звѣрей, ни мельницы; сестра посылаетъ брата въ какой-то садъ достать яблоковъ; въ саду домъ, въ которомъ живутъ двадцать четыре разбойника и въ которомъ собрано большое богатство, золото, серебро, драгоценные камни (стр. 8).

1) У *Чудинскаго* (II, 150) Иванъ-царевичъ, вымывшись въ банѣ, влзаетъ на яворъ, чтобы проститься съ бѣлыми свѣтомъ, свиститъ три раза, послѣ третьяго свистка прибѣгаетъ его охота, двѣ собаки. Въ другомъ вариантѣ (ib., 156) Иванъ-царевичъ играетъ въ свистилочку, сидя на золотой яблонѣ. У *Афанасьева* № 118, вар. д, Иванъ королевичъ передъ смертью поетъ три пѣсни (стр. 13). У *Романова* (III, 65) трубить въ трубу. У *Худякова* сестра, чтобы отмытить за смерть своего любовника, убила брата и тѣло его похоронила на столбѣ (I, 44); у *Романова* ова кладець его въ бочку (ib., 65), на которую нагоняетъ 12 обручей и бросаетъ въ море (ib., 59); у *Чубинскаго* (165) смоляная бочка.

2) Воронъ у *Афанасьева* № 118, вар. с (стр. 11), вар. б (стр. 13), у *Романова*, въ № 7, стр. 66; врукъ у *Романова* № 3, стр. 47, № 5, стр. 58; вырья у *Романова*, № 2, стр. 43 (въ вар. подъ строкой голубь); голубки у *Романова* № 8, кв. 69; соколы у *Садовникова* № 11, стр. 71. Птица обыкновенно говоритъ Ивану-царевичу: „Не столько топн, сколько мѣшка! твои звери уже трои двери прогрызли“, потомъ 6 дверей и т. д.

водовозъ, выдаетъ себя за спасителя царевны, царь готовится отдать за него свою дочь, но въ-время является настоящий ея спаситель; самозванецъ изобличенъ ¹⁾, а герой сказки женится на царевнѣ. „Звѣриное молоко“ представляетъ полную редакцію сказки, а угрорусская сказка о Каролѣ есть передача той же сказки съ важными пропусками. Такъ она ничего не знаетъ о сестрѣ героя.

Нѣкоторые варианты этой сказки начинаются длиннымъ и сложнымъ введеніемъ, въ которомъ описывается предыдущая исторія брата и сестры. Царь, очутившись въ затруднительномъ положеніи, общается злему существу отдать своихъ дѣтей. Въ урочное время злое существо приходитъ за дѣтьми; царь спряталъ ихъ, но они найдены и унесены. Находятся покровительствующія животныя, которыя стараются спасти дѣтей и унести ихъ на себѣ, но злое существо догоняетъ и возвращаетъ ихъ. Одному изъ животныхъ удается, наконецъ, спасти дѣтей; оно переноситъ ихъ черезъ воду, черезъ которую погоня попасть не можетъ. Насильникомъ, захватившимъ дѣтей, въ разныхъ сказкахъ являются разные лица: у Афанасьева въ № 117 Царь - медвѣдь, а № 118, вар. с, медвѣдь съ *жельзною* шерстью (въ подстрочномъ вариантѣ *жельзный* волкъ), у Романова въ № 5 баба-юга, въ № 4 мѣдный волкъ, въ № 5, вар. а, Юда, беззаконный чортъ, вар. б Юда-провнустятяль, въ № 7 змѣй; у Садовникова въ № 11 волкъ, мѣдный лобъ, у Чубинскаго въ №№ 48 и 49—змѣй.

Отецъ прячетъ обреченныхъ дѣтей или на вершинѣ *столба* (у Афанасьева, № 118, вар. с) или въ слупъ (у Чубинскаго, № 48), въ погребѣ (*ibid.*, № 49, и у Афанасьева, № 117), въ склепѣ (у Романова, № 5), въ подвалѣ (у Садовникова, № 11).

Дѣти, однако найдены, насильникомъ; убѣжище, гдѣ они скрывались, указываютъ насильнику у Романова въ № 5 полоньникъ (послѣ того, какъ головни, чепяло, вилки и помяло, опрошенные Юдой, отказались открыть ему тайну ²⁾), у Садовникова въ № 11 кочерга ³⁾, у Чубинскаго въ № 48 долото (кочерга, рогачь, еокира, спрошенные раньше, отказались показать), въ № 49 долото; брошенное, оно падаетъ на мѣсто, гдѣ спрятаны дѣти ⁴⁾.

1) Средствомъ изобличенія служатъ по большей части предусмотрительно вырванные языки изъ головъ змѣя и спрятанные подъ камень, иногда шнуры, повязанные спасенною царевной на шею звѣрей помощниковъ, иногда перстень или половина перстня, которую царевичъ получаетъ отъ царевны, разставаясь.

²⁾ Романовъ III, 56.

³⁾ Садовниковъ. 67.

⁴⁾ Чубинскій, II, 140 и 152. Шаманы гадаютъ и отырываютъ украденное и спрятанное бросая орбо, бубенную колотушку на землю; гадаютъ ли они посредствомъ *жорьби*, т. е. посредствомъ жезловъ, имѣющихъ верхній конецъ согнутымъ въ видѣ кочерги, мнѣ неизвестно. Ср. вост. мотавы, 715.

Изъ неволи дѣтей уносить бычокъ, или воликъ ¹⁾, или лось ²⁾ погоня догоняетъ бѣглецовъ у рѣки, или у озера, или у огненнаго моря ³⁾, но дѣти махаютъ хусткой ⁴⁾ или утиральникомъ ⁵⁾ и образуется мостъ черезъ воду, который исчезаетъ, когда дѣти перешли на другую сторону; погоня или остается на другомъ берегу ⁶⁾ или тонетъ въ водѣ ⁷⁾.

Такимъ же введеніемъ начинается и урянхайская сказка объ Ер-сару ⁸⁾: старикъ подошелъ къ рѣкѣ; Джельбага схватилъ его за бороду и грозится съѣсть его; старикъ пообѣщавъ отдать ему своихъ трехъ дочерей, если онъ отпуститъ бороду, и, получивъ свободу, уключалъ съ прежняго мѣста, а дѣтей не взявъ съ собой; Джельбага овладѣлъ дѣтьми. Они убѣгаютъ отъ него; по дорогѣ бросаютъ сначала гребень, потомъ брусъ; гребень обращается въ лѣсъ, брусъ въ каменную гору; Джельбага топоромъ прокладываетъ себѣ дорогу. Дѣти добѣгаютъ до рѣки, бобръ перевозитъ ихъ на другую сторону, а Джельбага не можетъ переплыть рѣку и тонетъ ⁹⁾.

¹⁾ *Афанасьевъ*, II, 4, 6; *Романовъ*, III, 56, *Чубинскій*, II, 142 и 154.

²⁾ *Романовъ*, III, 51.

³⁾ *Афанасьевъ*, II, 4.

⁴⁾ *Романовъ* III, 51 и 56; *Чубинскій*, II, 143 и 154.

⁵⁾ *Афанасьевъ*, II, 4.

⁶⁾ *Аф.*, II, 4; *Ром.*, III, 57. (?); *Чубинскій*, II, 143, *Садовн.*, 68.

⁷⁾ *Аф.*, II, 6; *Ром.*, III, 51.

⁸⁾ *Очерки с. Монг.*, IV, 341.

⁹⁾ У *Афанасьева* (II, 4), баба-яга (*ibid* 10), у *Романова* баба-яга (III, 46) Юда (57 и 60). змѣй. (64), у *Чубинскаго* (II, 143 и 154) змѣй, у *Садовникова* волкъ-мѣдный лобъ (стр. 68) остаются на другомъ берегу рѣки или моря (у *Афанасьева*, стр. 4 и у *Романова* стр. 46 это море *огненное*) медвѣдь-желѣзная шерсть у *Афанасьева* (II, 6) тонетъ въ водѣ, мѣдный волкъ у *Романова* (III, 51) переплываетъ только до половины моря и остается на мундѣ. Дѣти не всегда переходятъ черезъ воду по мосту; въ одномъ вариантѣ (у *Садовникова* стр. 68) дѣти зарѣзали быка, который увелъ ихъ отъ волга — мѣднаго-лба, сняли съ него шкуру и на этой шкурѣ переплыли черезъ море. Ср. *Федоръ Борма*, убѣгая изъ Вавилона, переплываетъ черезъ море на ковчѣ, который былъ вышитъ вавилонской дѣвицей (*Н. И. Ждановъ*, *Русск. былевой эпосъ* стр. 11). Въ тивгутской легендѣ убѣгающій Балъ-Дарчжи переплываетъ рѣку на ковшѣ (у *Афанасьева*, № 117 въ вариантѣ подъ строкой, стр. 4 вмѣсто бычка дѣтей спасаетъ и перевозитъ черезъ море ковш), погоня остается на другомъ берегу (*Танг.*—*тиб.* окр. *Китай*, II, 250). Въ монгольской повѣсти о Гесэрѣ семь альбиновъ перевозятъ черезъ море на семи деревянныхъ лошадяхъ, которыхъ имъ далъ Гесэръ и которыхъ онъ своимъ волшебствомъ одарилъ способностью возить по сушѣ и водѣ, но когда альбины выѣхали на середину моря, деревянные ковы вернулись къ Гесэру, оставивъ альбиновъ въ морѣ, и они утонули (*Die Thaten Gesser-chan's*, S. 38); альбины тутъ на мѣстѣ Джельбаги урянхайской сказки, который тоже доплылъ только до середины рѣки, имѣя въ рукахъ стебель травы дягиля, взятый имъ по совѣту бобра; бобръ является такимъ же другомъ дѣтей, какъ въ русскихъ сказкахъ бычокъ. Въ саларскомъ преданіи богатырь Кусэръ (можетъ быть то же, что Гесэръ) пускаетъ стрѣлу въ берегъ Желтой рѣки, вода рѣки уходитъ въ образовавшуюся отъ стрѣлы трещину и Кусэръ переходитъ на другой берегъ по сухому дну. (*Танг.*—*тиб.* окр. *Китай*, II, 300). Въ монгольскомъ преданіи о рѣкѣ Орховѣ Галданъ, олет-

Боберь указываетъ дѣтямъ на три ели, стоящія на томъ берегу, на который онъ перевезъ ихъ, и совѣтуетъ имъ залѣзть на нихъ, что они и сдѣлали ¹⁾ Урянхайская сказка находится въ большомъ соотвѣтствіи съ русской, только въ русской, дѣти, сидящія на вершинѣ столба, помѣщены до рѣки, а въ урянхайской дѣти на вершинѣ дерева послѣ рѣки ¹⁾.

Другая сказка съ сходнымъ содержаніемъ записана у минусинскихъ татаръ ²⁾. Акъ-ханъ уѣзжаетъ изъ дому, не смотря на то, что жена его Алтынъ-Арыгъ предупреждаетъ его, что она беременна. Ханъ встрѣчаетъ Катай-хана, который ѣздитъ на сорокорогомъ быкѣ. Акъ-ханъ, пьяный, обѣщаетъ отдать Катай-хану не только дочь, но и ожидаемаго сына. Вернувшись домой, Акъ-ханъ забылъ и думать объ исполненіи обѣщанія; Катай-ханъ самъ приѣхалъ за дѣтьми и убилъ Акъ-хана, но лошади Акъ-хана убѣжала. Катай-ханъ бросилъ дѣтей Акъ-хана морскому чудовищу Кіго-Валак. Послѣ смерти Акъ-хана и его жены Sâdei-Mirgân присвоилъ ихъ богатство, а найденныя на морскомъ берегу тѣла дѣтей. Акъ-хана бросилъ въ семидесятисаженную яму и къ этой могилѣ приставилъ стражу изъ семи богатырей. Вскорѣ потомъ родился богатырскій конь (Heldenfüllen), котораго Sâdei-Mirgân тщетно пытался убить. Жеребенокъ этотъ обратился въ шестилѣтнюю дѣвицу, которая своею пѣсней разогнала стражу, представленную къ могилѣ дѣтей Акъ-хана; потомъ, добывъ изъ могилы тѣла дѣтей, дѣвица вновь обратилась въ жеребенка, который и увезъ эти тѣла на своей спинѣ. Соколы приносятъ извѣстіе о живучей водѣ, которая зарыта подъ *золотой* березой; посредствомъ этой воды жеребенокъ оживляетъ дѣтей Акъ-хана. Катай-ханъ узнаетъ объ этомъ и спѣшитъ на своемъ сорокорогомъ быкѣ. Жеребенокъ ищетъ спасенія у Jebet-chan'a и Alten-Kus'a, но они оба убиты Катай-ханомъ. Жеребенокъ прячетъ дочь Акъ-хана въ дремучемъ лѣсу, а сына Акъ-хана ввозитъ на *Жельзную* гору;

свій ханъ, нападаетъ на монастырь Эрдени-цзо; жители спасаются за рѣку и рѣка пропускаетъ ихъ, но когда черезъ рѣку пошло войско Гаждана, воды въ рѣкѣ поднялись и его войско перетонуло (Живая Старина, 1891 г., в. III, стр. 238). У *Романова*, № 4 отъ трехъ взмаховъ хустькой озеро сдѣлалось сухимъ; когда дѣти перешли и снова взмахнули хустькой три раза—вновь образовалось озеро (стр. 51).

Алтайское повѣрье осушеніе моря хотя и не для перехода черезъ него, приписываетъ богатырю Музыгаю (Вост. мотивы, 69 и 181); о тождествѣ Музыгаи съ Гесеромъ и о именахъ Музыгай, Бузыгай, Козу, Босы см. въ Вост. мотивахъ, 431 и 679.

¹⁾ Въ Алтайскомъ преданіи чудовище Джельбегенъ уноситъ Тардапака или Машпарака (см. Восточные мотивы 750). Машпарака сидитъ на деревѣ—образъ, который очень часто встрѣчается и въ русской сказкѣ объ уносимыхъ дѣтяхъ. Мѣсяцъ (въ ущербѣ, т. е. рогатый) спасаетъ мальчика; слѣдовательно здѣсь мѣсяцъ на мѣстѣ быка или волка, спасающаго дѣтей въ русской сказкѣ.

²⁾ А. Schiefner, über die Helden sagen der minisischen Tataren въ *Melanges asiatiques d. Acad. des Sciences* t. III, p. 373.

туда же прѣхалъ и Катай-ханъ. Начинается битва и сынъ Акъ-хана убиваетъ Катай-хана; онъ получаетъ имя Ai dōlei-Mirgān а сестра Alten-Kurup tju. Ай долей-Миргәнъ совершаетъ судъ надъ Садей-Миргәнѣмъ; онъ приковываетъ его живого съ конемъ на скалѣ.

Сравнительно съ русской сказкой тутъ большія особенности въ разработкѣ частныхъ, но главная нить разсказа въ татарской и русской сказкѣ одна и та же. Какъ и въ русской сказкѣ здѣсь двое несчастныхъ дѣтей, братъ и сестра; ихъ увоситъ какая-то злая сила, но покровительствующее животное спасаетъ ихъ; изъ пѣна ихъ увозитъ на своей спинѣ жеребенѣкъ, который тутъ на мѣстѣ бычка или волика; какъ и въ русской сказкѣ, дѣти отсулены злѣму существу самимъ отпомъ, ханомъ; и это случилось также, какъ и тамъ, въ то время, когда ханъ выѣхалъ зачѣмъ то изъ дома. Мальчикъ въ это время еще не родился; легко допустить, что тутъ были и тѣ детали, которыя сохранились въ русской сказкѣ; можно предположить, что дѣти были отсулены ханомъ въ то время, когда онъ хотѣлъ пить изъ колодезя или озера, что его кто-то схватилъ въ это время за бороду и что ханъ не подозрѣвалъ, что его жена во время его отсутствія родила дѣтей и онъ согласился отдать то въ домъ, чего онъ не знаетъ.

Разница между русской и татарской редакціями во первыхъ въ пропускѣ многихъ деталей (Хустка, обращающаяся въ мѣсть черезъ рѣку, неудачныя попытки спасти дѣтей, дѣлаемая другими животными ¹⁾), во вторыхъ въ разсказѣ о смерти царскихъ дѣтей и ихъ воскрешеніи, и въ третьихъ во введеніи въ разсказъ трехъ злыхъ персонажей: Катай-хана, Киро-балака и Sādei-mirgān'a вмѣсто одного Змія или Юды. Вѣроятно мы имѣемъ тутъ дѣло съ слитіемъ нѣсколькихъ вариантовъ въ одинъ. Въ русскихъ вариантахъ дѣтей похищаетъ чудовище, иногда морское чудовище. Въ татарской сказкѣ также есть водяное чудовище Киробалакъ; вѣроятно въ первоначальной редакціи оно само похищало дѣтей. Русская сказка продолжается и переходитъ въ разсказъ объ измѣнѣ сестры; татарская на спасеніи дѣтей останавливается. Я предполагаю, что татарская сказка также продолжалась разсказомъ объ измѣнѣ сестры, и если татаринъ разсказчикъ придалъ сказкѣ благополучный конецъ, женивъ брата и выдавъ сестру замужъ, то на это я смотрю какъ на преждевременное завершеніе сказки.

Сюжетъ объ измѣнницѣ женщинѣ, замышляющей гибель брата въ союзѣ съ своимъ любовникомъ, извѣстенъ тюркомонгольскому міру и я въ „Вост. мотивахъ“ указалъ, что съ этой темой свя-

1) Въ русской сказкѣ прежде чѣмъ взялся за спасеніе дѣтей бычокъ, тщетно старался увести ихъ гуси, орелъ и т. п.

зано тамъ имя, въ версіяхъ принимающее формы Хадынъ, Адынъ, Кѣдѣнъ - би Бидэнь-ханъ ¹⁾). Хадынъ при переходѣ изъ монгольскаго въ тюркскій должно перейти въ Кадынъ; Катай-ханъ повидимому видоизмѣненіе той же формы, и вѣроятно послѣ разсказа о спасеніи дѣтей шелъ разсказъ о томъ, какъ Катай-ханъ завелъ связь съ сестрой Айдолея и какъ они вдвоемъ умертвили его. Татаринъ разсказчикъ поторопился и рано поставилъ смерть и воскрешеніе Айдолея; этотъ инцидентъ нужно было помѣстить послѣ бѣгства жеребенка съ дѣтьми на спигъ, а не до него.

Третій персонажъ Sâdei-Mirgân не необходимое лицо въ сказкѣ; его можно выкинуть изъ сказки, и отъ этого схема сказки нисколько не разстроилась бы. Это измѣнникъ; онъ присвоилъ имущество Акъ-хана, т. е. наслѣдство Айдолея. Мотивъ измѣны какъ будто на столько крѣпокъ въ схемѣ, что разсказчикъ не могъ его выкинуть и только приписалъ измѣну мужчинѣ вмѣсто женщины. Sâdei-Mirgân принимаетъ участіе въ угнетеніи дѣтей; они уже разъ были брошены въ море, но разсказчикъ заставляетъ море выкинуть ихъ на берегъ, и Sâdei-Mirgân во второй разъ бросаетъ ихъ въ яму глубиною въ 70 сажень; ненужное повтореніе, которое могло явиться въ томъ случаѣ, если тутъ къ сказкѣ объ Айдолеѣ присоединился особый вариантъ, въ которомъ ни Киробалака, ни Катай-хана не было, а единственнымъ гонителемъ дѣтей представлялся Sâdei-Mirgân; въ сказкахъ о женщинѣ-измѣнницѣ присвоеніе богатства погубленнаго богатыря приписывается ея любовнику, поэтому можно догадываться, что и въ этой сказкѣ была сестра измѣнница, что она тайно жила съ Sâdei-mirgân'омъ и въ союзѣ съ нимъ погубила брата, послѣ чего Sâdei-Mirgân захватилъ богатство Айдолея. Сказка кончается казнью Sâdei-Mirgân'a; Айдолей приковываетъ его живого къ скалѣ. Въ русской сказкѣ сходная казнь постигаетъ измѣнницу сестру; у Романова, въ № 2 братъ привязалъ сестру Алену къ дереву; въ вариантѣ къ этому №- медвѣдь по приказанію брата помѣщаетъ сестру на высокомъ дубѣ; левъ стряхнулъ ее оттуда ²⁾; въ № 4 сестра привязана къ дереву ³⁾; въ № 5 сестру посадили на высокое дерево; левъ тряхнулъ дерево, женщина упала и разбилась на мелкія крошки ⁴⁾. Въ примѣчаніи къ № 7 мужъ невѣрную жену садитъ на дерево; звѣри сбрасываютъ ее съ дерева и разрываютъ ⁵⁾. Въ № 8 Иванъ Златовусъ ⁶⁾, распинаетъ свою мать измѣнницу на горькой осинѣ. У Афанасьева № 118, вар. а: Иванъ-царевичъ

1) Стр. 665 — 672.

2) Романовъ III, 44.

3) Ibid. 54.

4) Ibid. 59.

5) Ibid. 67.

6) Ibid. 70.

привязалъ Елену прекрасную голую къ дереву ¹⁾, а потомъ привязалъ къ хвосту коня и размыкалъ; вар. с. братъ посадилъ сестру на *каменный столбъ* при дорогѣ; возлѣ положилъ вязанку сѣна и два чана, одинъ съ водой, другой пустой ²⁾. У Чубинскаго въ № 48 братъ привязалъ сестру къ явору, который росъ у порога; возлѣ поставилъ два цѣбра, одинъ съ угольями, другой пустой для слезъ ³⁾. Въ № 49 сестра привязана къ хвосту лошади и пущена въ степь ⁴⁾. У Рудченка, вып. 2, въ № 22 измѣнница сестра нашла въ особой коморѣ *распятаю* за руки и ноги разбойника (стр. 69); казнь сестры заключается въ изгнаніи съ желѣзной палицей, желѣзными черевиками и связкой сѣна ⁵⁾.

Въ вариантахъ русской сказки въ большей части случаевъ похититель дѣтей и соблазнитель женщины—одно и то же лицо. У Чубинскаго и въ № 48, и № 49 дѣтей похищаетъ Змій; онъ же потомъ является соблазнителемъ дѣвицы, перекинувшись молодцомъ. У Садовникова въ № 11 Волкъ-мѣдный лобъ уноситъ брата и сестру и онъ же соблазняетъ дѣвицу. У Романова въ № 4 Мѣдвяный волкъ сначала похищаетъ дѣтей, потомъ, обернувшись мальцомъ, соблазняетъ женщину; въ № 5, въ вариантахъ *a* и *b*, одинъ и тотъ же Юда и похититель дѣтей, и соблазнитель; въ № 6 Змѣй—и въ той, и въ другой роли. Разныя лица являются у Афанасьева въ № 117: гонитель медвѣдь, соблазнитель шестиглавый змѣй; въ № 118 гонитель медвѣдь, соблазнитель атаманъ разбойниковъ; у Романова, № 3, гонительница баба-юга, соблазнитель женщины Кощей безсмертный.

Въ сказкахъ тѣхъ же минусинскихъ татаръ встрѣчается имя *Jedai-chan* ⁷⁾. Акъ-ханъ отвозитъ по обѣщанію своего семилѣтняго сына Ала-Картага къ Джедай-хану, который живетъ при подножьи *Желѣзной горы*, гдѣ земля и небо срастаются. По началу это та же сказка, какъ и предыдущая; тотъ же Акъ-ханъ, отдающій своего сына въ чужія руки, только вмѣсто Катай-хана здѣсь Джедай-ханъ; этотъ послѣдній живетъ у Желѣзной горы; въ предыдущей сказкѣ также есть Желѣзная гора; на ней происходитъ битва Айдолея съ Катай-ханомъ. Отдавъ сына, Акъ-ханъ вернулся домой. Воспользовавшись его беззащитнымъ положеніемъ безъ сына, братья Ай-Темусъ и Куй-Темусъ увозятъ его вмѣстѣ съ женой въ плѣнъ и бросаютъ въ яму въ семь сажень глубиной. Послѣ нѣкотораго времени братья узнаютъ, что близокъ конецъ

1) *Афанасьевъ*, II, 6.

2) *Ibid.* стр. 11.

3) Чубинскій, II, 152.

4) *Ibid.* 156.

5) *Рудченко*, Народн. южнорусск. сказки, вып. 2, стр. 69—70.

6) Та же роль приписывается Кощей и въ русской быльцѣ; противникъ его Иванъ Годиновичъ.

7) *A. Schiefner*, *Über die Heldensagen d. minuss. Tataren*, S. 379.

свѣта, такъ какъ семь собакъ, прикованныхъ у Джедай-хана, освободились, лаютъ и воютъ. Братья обращаются за развѣдками къ Dschalaty, который имѣетъ знаніе обо всѣхъ вещахъ. Джалаты посылаетъ развѣдчиками сокола къ Кудая на небо, синюю змѣю подъ землю, синюю щуку въ море и горностаю въ гору. Всѣ принесли извѣстіе, что конецъ всего близокъ. Два ворона, которые гнѣздились на семи лиственницахъ на Желѣзной горѣ, принесли ему извѣстіе, что Ала-Картага тридцать лѣтъ бился съ Джедай-ханомъ и убилъ его, снова переловилъ спущенныхъ съ цѣпей семь собакъ и надѣлъ имъ мѣдные намордники. Братья Ай-Темусъ и Куй-Темусъ по совѣту Джалаты освободили Акъ-хана съ женой и съ подарками выѣхали навстрѣчу Ала-Картагъ. Богатырь подарилъ имъ пять собакъ Джедай-хана изъ семи, которыхъ онъ велъ съ собою, и объяснилъ, что владѣющій этими собаками никогда не будетъ знать старости ¹⁾. Но братья плохо смотрѣли за собаками, и онѣ убѣжали на Желѣзную гору. Ала-Картага вновь поймалъ ихъ, заключилъ въ Золотую гору и наказалъ братьямъ смотрѣть, не подкапываются ли онѣ своими желѣзными когтями подъ каменную дверь. Собаки еще разъ убѣжали; тогда Ала-Картага отрубилъ головы всѣмъ семи собакамъ, а также и двумъ братьямъ ²⁾.

Въ „Вост. мотивахъ“ я сопоставилъ собакъ Джедай-хана съ киргизскимъ представленіемъ о семи звѣздахъ Бол. Медвѣдицы, какъ о семи волкахъ, съ которыми также соединена идея о концѣ міра ³⁾. Отсюда догадка, что имя Джедай-ханъ одного происхожденія съ тюркскимъ именемъ Б. Медвѣдицы: Джетыганъ, Жидиганъ, Едиханъ и др.

Эти Джедай-хановы собаки стоятъ здѣсь на мѣстѣ собакъ или звѣрей русскихъ сказокъ; число ихъ въ русскихъ сказкахъ не совпадаетъ, но это можетъ быть отнесено насчетъ небрежности рассказчиковъ; въ сказкѣ о Каролѣ ихъ три; у Афанасьева въ № 118, вар. с, двѣ собаки и три звѣренка (волчонокъ, медвѣжонокъ и львенокъ), у Романова, въ № 2 одна собака и три звѣренка (волчонокъ, медвѣжонокъ, львенокъ); въ № 4 четыре звѣренка (лисенокъ, волчонокъ, медвѣжонокъ, львенокъ); въ № 5, вар. а, пять звѣрятъ (зайчонокъ, лисенокъ, медвѣжонокъ, львенокъ), вар. б три собаки и трое животныхъ (медвѣдиха, волчица и орлица), № 7 двѣнадцать собакъ; № 8 шесть звѣрей (медвѣдь волкъ, лисица, заяцъ, лось, голуби); у Садовникова двѣ кошки и трое звѣрятъ (медвѣжонокъ, волчонокъ, львенокъ); у Чубин-

¹⁾ По повѣрью южносибирскихъ тюрковъ, Джедай-ханъ никогда не умираетъ; онъ вѣченъ; см. Восточн. мотивы, 458.

²⁾ Въ Очеркахъ с.-з. Монгол. IV, 568, помѣщена сказка черневыхъ татаръ (въ южной Сибири), въ которой одинъ изъ богатырей называется Алтыш-Картага.

³⁾ Вост. мотивы, 457, 651, 742.

скаго въ № 48 двѣ собаки (Чуйко и Буйко) и четыре звѣря (заяцъ, лисица, волкъ, медвѣдь), въ № 49 двѣ собаки (Чушко и Бачко) и три звѣря (волкъ, медвѣдь, лисица).

У Романова въ № 3 „Хортки“ семь звѣрей (заяцъ, лисица, волкъ, медвѣдь, лось, левъ, смоликъ) даютъ Ивану-царевичу каждый по хортку, такъ что у него образовалась защита изъ семи хортковъ, или собакъ; въ этомъ вариантѣ число хортковъ совпадаетъ съ числомъ Джедай-хановыхъ собакъ. У Афанасьева въ одномъ вариантѣ то же самое ¹⁾. Джедай-хановы собаки такъ же, какъ и собаки въ русской сказкѣ, заперты (въ Золотой горѣ вмѣсто Чертовой мельницы) и стараются когтями выбраться изъ заключенія. Судя по этимъ сходнымъ чертамъ, хорты и звѣри русскихъ сказокъ—это собаки Джедай-хана, только мѣсто ихъ иное; въ русской сказкѣ они друзья того лица, которому редакція симпатизируетъ, въ татарской же это помощники злого героя ²⁾, Джедай-ханъ отвѣчаетъ Катай-хану предыдущей татарской сказки (можетъ быть, также и Sâdei-Mirgân'y). Юда русской сказки—это Джедай-ханъ (Jedai-chan) татарской.

Все у тѣхъ же минусинскихъ татаръ В. В. Радловъ записалъ большую пѣсню ³⁾, начало которой сходно съ началомъ двухъ предыдущихъ. Бездѣтный Акъ-ханъ выѣхалъ въ поѣздку по степямъ и горамъ; возвращается и узнаетъ, что въ его отсутствіе ханьша родила мальчика Ай-мэргэна. Наѣзжаетъ Солбанъ-мэргэнь, побиваетъ Акъ-хана и увозитъ родившагося ребенка. Имя хана то же самое, какъ и въ двухъ предыдущихъ татарскихъ сказкахъ, и также начинается сказка съ того, что ханъ выѣзжаетъ изъ дому; но онъ никого не встрѣчаетъ въ полѣ; затѣмъ на его домъ наѣзжаетъ враждебный Солбанъ, который отвѣчаетъ Катай-хану и Джедай-хану предыдущихъ сказокъ, а также Джельбагъ урянхайской сказки ⁴⁾; вѣроятно, подобно послѣднему, Солбанъ-мэргэнь встрѣтился Акъ-хану во время поѣздки и принудилъ его дать обѣщаніе отдать ему ожидаемаго ребенка. Вѣроятно редакція, выпроваживая Акъ-хана изъ дому, имѣла заднюю мысль создать инцидентъ встрѣчи съ враждебнымъ лицомъ. Солбанъ-мэргэнь привезъ мальчика въ свой домъ, и приказалъ пригвоздить его семью желѣзными гвоздями къ землѣ при подножіи столба,

¹⁾ *Афанасьевъ* изд. 1897, т. II, стр. 10; въ подстрочномъ вариантѣ противникъ царевича учитъ его сестру потребовать молока отъ семи звѣрей: зайца, лисицы, куницы, волка, медвѣдя, кабана и льва; каждый звѣрь даетъ царевичу молоко и щенка.

²⁾ *Radloff, Proben*, II, 385.

³⁾ *Radloff Proben*, II, 385.

⁴⁾ Мною отъ урянхайцевъ кромѣ имени Чолпанъ для звѣзды Венеры было записано еще имя Джильбы-хуньякъ (Очерки с.-з. Монг., II, 127); впрочемъ это единственный случай. Для звѣзды Венеры есть русское названіе Волчья звѣзда (*Афан.*, Поэт. возвр., I, 763); въ русскихъ сказкахъ дѣтей иногда похищаютъ волкъ.

который служить коновязью; семь человекъ должны бить младенца желѣзной булавою въ семь пудовъ вѣсомъ; два краснобурыхъ волка, имѣющіе по три сажени длины, были приставлены караулить, чтобы ребенокъ не перекинулся и не исчезъ ¹⁾. Летѣли подь небомъ два золотыхъ лебедя, лили слезы изъ глазъ, обильныя, какъ дождь и обратились въ двухъ жеребятъ; когда семь приставленныхъ богатырей заснули, а волки убѣжали искать ѣды, жеребята спустились съ неба, вынули семь гвоздей и понесли младенца. Солбанъ-мѣргѣнъ погнался за бѣглецами и выстрѣломъ изъ лука перешибъ крыло одному жеребенку; онъ упалъ на землю. Другого жеребенка, уносящаго младенца въ устахъ, преслѣдуютъ два сивые Солбановы волка, но жеребенокъ убилъ волковъ. На вершинѣ горы, куда добѣжалъ жеребенокъ, стояли четыре рыжія лошади и четыре богатыря; имъ было приказано Солбанъ-мѣргѣномъ задержатъ жеребенка, но у него слезы потекли изъ глазъ, какъ дождь, и богатыри пожалѣли и пропустили его. Солбанъ-мѣргѣнъ, зарубивъ этихъ богатырей, отправился къ Ерику и выпросилъ у него двухъ собакъ Казара и Пазара; онъ догнали жеребенка, но ударомъ копытъ были обѣ убиты. Жеребенокъ довнес младенца до берестяной юрты, въ которой жила дѣвица Ala Mangnyk дочь Тебѣлѣ-кап'а и царицы Тебѣлѣ-кѣ; она приняла ребенка, положила въ золотой ящикъ и вложила ему въ ротъ рожокъ въ 6 сажень длиной. Приготовивъ для мальчика пищу и платье, Ала-Мангныкъ надѣла на себя лебединую оболочку и отлетѣла прочь; при взмахѣ ея праваго крыла раздавалось тридцать пѣсень, при взмахѣ лѣваго семьдесятъ; и пернатые, и когтистыя заслушались ея пѣнія; съ трехъ взмаховъ она перелетѣла черезъ три горныхъ хребта, съ семи взмаховъ черезъ семь хребтовъ. Послѣ ея отлета мальчикъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ; въ семь прыжковъ онъ перескочилъ черезъ семь морей, съ высоты горы онъ увидѣлъ степь, которую ни ворона, ни сорока не въ состояніи перелетѣтъ; Ай-

¹⁾ Во всей ордѣ распространено представленіе о Полярной звѣздѣ, какъ о коновязи; она и называется или Золотымъ или Желѣзнымъ приколкомъ. Семь звѣздъ Бол. Медвѣдцы представлялись въ видѣ семи собакъ или семи волковъ, которые были прикованы къ Полярной звѣздѣ, или въ видѣ семи воровъ, или въ видѣ семи караульщицковъ, оберегающихъ отъ покражи двухъ коней (Вост. мотивы, 413). Въ татарской пѣснѣ о Солбанъ-мѣргѣнѣ семь звѣздъ Б. Медвѣдцы, я думаю, представлены во-первыхъ въ видѣ семи гвоздей, которыми прибито къ землѣ тѣло Ай-мѣргѣна, во-вторыхъ въ видѣ семи богатырей, которые должны караулить тѣло Ай-мѣргѣна, чтобы оно не исчезло. Книжное монгольское сказаніе знаетъ шамана Тебтѣнгѣри, одного изъ семи сыновей Мулгана; онъ былъ убитъ по приказанію Чингисъ-хана, тѣло его положено въ юртѣ, двери и верхнее отверстіе закрыты, при юртѣ поставлена была стража; на третій день на разсвѣтъ верхнее отверстіе открылось, и трупъ ушелъ черезъ него (Труды пѣлняка. дух. миссія, IV, 138). Въ „Вост. мотивахъ“ (стр. 806) я сблѣжаю этого Тебтѣнгѣри (Тубуть-тѣнгѣри у Рашидъ-аддана) съ бурятскимъ Дебедемъ, повидимому тоже шаманомъ, который былъ пастухомъ овецъ у звѣзды Солбанъ.

мэргэнъ обратилъ своего коня въ паршивую клячу, самъ обратился въ паршиваго лысаго мальчика; спустившись съ горы, онъ нашелъ своего старика отца пасущимъ овецъ Солбанъ-мэргэна ¹⁾. Отецъ спрашиваетъ плѣшивца, не слышалъ ли онъ чего объ Ай-мэргэнѣ; тотъ сначала рассказываетъ, что Ай-мэргэна съѣли собаки Казаръ и Пазаръ, но потомъ объявляетъ свое имя. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе поединка между Ай-мэргэномъ и Солбанъ-мэргэномъ, кончающагося побѣдой перваго. Конь совѣтуетъ сейчасъ ѣхать и убить сына Солбанъ-мэргэна. Ай-мэргэнъ видитъ на цѣлѣ моря, кипящаго, какъ котель, семь юртъ и въ нихъ семь богатырей; однимъ выстрѣломъ Ай-мэргэнъ убиваетъ ихъ всѣхъ за разъ, потомъ схватывается съ сыномъ Солбанъ-мэргэна и убиваетъ его.

Это продолженіе сказки является такою же параллелью къ выше приведенной сказкѣ объ Ай-долеѣ, какъ и сказка объ Ала-Картагѣ; здѣсь, какъ и тамъ, жеребенокъ является спасителемъ угнетеннаго царевича. Рассказъ о старикѣ-ханѣ, который пасетъ овецъ у своего врага, и о его сынѣ-богатырѣ, являющемся въ видѣ заморыша, обыкновенно встрѣчается въ сказкахъ о сестрѣ или женѣ, измѣнницѣ, увезенной любовникомъ, который убиваетъ брата или мужа женщины, захватываетъ его имущество, угоняетъ его скотъ и родителей убитаго обращаетъ въ рабство; въ виду этого можно предположить, что и здѣсь былъ рассказъ объ увезенной женщинѣ, именно Солбанъ-мэргэну, нѣкоторые варианты сказки могли приписывать увозъ сестры или жены Ай-мэргэна и умерщвленіе послѣдняго, потомъ могло слѣдовать воскрешеніе Ай-мэргэна и возмездіе за увозъ женщины, то-есть съ именемъ Солбанъ-мэргэнъ связывались тѣ же сюжеты, какъ на западѣ въ славянскомъ мірѣ въ апокрифическихъ сказаніяхъ съ именемъ Соломона. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ Солбанъ могъ стоять на мѣстѣ Ай-долея или Ай-мэргэна, т.-е. на мѣстѣ гонимаго царевича, и если дѣйствительно къ этому царевичу приурочивался иногда рассказъ объ измѣнницѣ женой, то въ этихъ предположенныхъ вариантахъ Солбанъ вполне отвѣчалъ славянскому Соломону, у котораго жена была увезена; а Катай-ханъ и Джедай-ханъ, отъ которыхъ пострадалъ царевичъ, въ этихъ вариантахъ соответствовали бы Китоврасу славянскихъ сказаній ²⁾.

¹⁾ По бурятскому повѣрью звезда Уха-Солбанъ—богатый человекъ, у котораго большія стада овецъ; ихъ пасетъ пастухъ Дебедей (Вост. мотивы, 805).

²⁾ Монгольская сказка, помѣщенная въ Очеркахъ с.-в. Монголіи, IV, 348 (№ 85, „Убѣгающій на быкъ отъ шулума мальчика“) ближе къ русской, чѣмъ приведенная выше урянхайская о трехъ дѣвочкахъ, убѣгающихъ отъ Джельбаги. Въ монгольской связѣ вмѣсто русскаго Юды, вмѣсто урянхайскаго Джельбаги шулумъ (т.-е. *шо.мо*, чортъ). Какъ и въ русской, мальчика изъ плѣна увозитъ на себя быкъ; мальчикъ беретъ съ собой камень и въ ротъ набираетъ воды; камень обращается потомъ въ грудь камень, выплюнутая вода въ море. Шулумъ тонетъ въ водѣ. Быкъ велитъ зарвать его, какъ и въ нѣкоторыхъ русскихъ сказкахъ; зарванный быкъ превращается въ богатство.

Судя по именамъ дѣйствующихъ лицъ, эти сказки принадлежатъ къ звѣздному эпосу. Солбанъ имя звѣзды Венеры, распространенное, какъ у тюрковъ, такъ и у монголовъ (съ версиями Чолбонъ, Чолпанъ, Цолмонъ и друг.). Въ именахъ Ай-долей и Ай-мэргэнъ первый членъ ай—„луна“ на всѣхъ тюркскихъ нарѣчяхъ¹⁾. Собакъ Асырь и Басырь,—вѣроятно, версии собачьихъ именъ Казаръ и Пазаръ,—монгольское повѣрье видитъ среди звѣздъ гдѣ-то около созвѣздія Оріона; три звѣзды Оріона это три оленя, за которыми гонится богатырь или мэргэнъ съ двумя собаками Асырь и Басырь²⁾. Волки и собаки въ татарскихъ сказкахъ стоятъ не на сторонѣ добраго героя, а въ противоположность русскимъ сказкамъ на сторонѣ злого. Это можетъ быть означаетъ, что по тюрко-монгольскимъ преданіямъ и повѣрьямъ собаки и волки были крѣпко привязаны къ именамъ Солбанъ, Джедай-ханъ и Катайханъ. Когда въ сказаніи на мѣстѣ добраго богатыря ставился Ай-долей или Ай-мэргэнъ, а Солбанъ, Джедай-ханъ или Катайханъ изображались злою силой, то и собаки оказывались на злой сторонѣ; но въ тѣхъ предполагаемыхъ вариантахъ, въ которыхъ Солбанъ, Джедай-ханъ или Катай-ханъ являлись добрыми героями, собаки и волки оказывались на доброй сторонѣ.

1) Въ одной изъ трехъ приведенныхъ пѣсень главный герой вмѣсто имени съ членомъ Ай называется Ала - Картага (пестрый ястребъ по переводу г. Катаюва; см. Алтаев. указатель къ Гробен г. Радлова, Спб. 1888), но членъ ай все-таки есть и въ ней; онъ перенесенъ на Ай-Темуса, противника главнаго героя. Картага-мэргэнъ находится въ эпической пѣснѣ Кызыльпепъ (Radloff, Гробен, II, 607). Aedschän-Ko, недовольная тѣмъ, что не имѣетъ дѣтей отъ своего мужа Südai-märgän'a, предлагаетъ свою любовь богатырю Картагамэргэну; она поитъ мужа до-пьяна; Сөдэй-мэргэнъ не можетъ противостоять своему противнику Картага-мэргэну; онъ убѣгаетъ изъ дому безъ оружія, безъ платья, голый и пѣшкомъ; въ лѣсу онъ убиваетъ медвѣдя и одѣвается въ его шкуру; судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, онъ обращается въ медвѣдя. Въ этомъ видѣ онъ приходитъ въ человеческое общество, въ резиденцію Алтынъ-хана, который выдаетъ своихъ двухъ дочерей за богатырей Ай-мэргэна и Кунь-мэргэна, а младшую, за ея отказъ отъ предложеннаго ей жениха, отецъ отдаетъ медвѣдю, т.-е. Сөдэй-мэргэну. Старшіе зятья Ай-мэргэнъ и Кунь-мэргэнъ не могутъ исполнить порученія хана отпугать какую-то птицу, которая повадилась похищать жеребятъ кобылы съ серебряной шерстью и убить тигра, который опустошалъ край; Сөдэй-мэргэнъ спасаетъ жеребенка и убиваетъ тигра, но уступаетъ свои трофеи старшимъ зятьямъ за право отрезать у нихъ по суставу отъ мизинца и вырвать ремня изъ спины. Зятья бросаютъ Сөдэй-мэргэна въ глубокую яму; царица Ай-дангъ-Ко, дочь Алтынъ-хана привонивъ дѣвцу, дочь богатыря Торомонъ-моко, которая расчесываетъ свою косу, отпускаетъ ее въ колодезь и при помощи этой косы Сөдэй-мэргэнъ поднимается изъ ямы. Обличивъ зятьевъ посредствомъ суставовъ и вырванныхъ ремней, Сөдэй-мэргэнъ отправляется къ своей старой женѣ Эджэнъ-Ко, прежде, чѣмъ явится къ ней, принимаетъ видъ шелудяка, коня обращаетъ въ коростяваго жеребенка, встрѣчаетъ свою дочь, рассказываетъ, будто Сөдэй-мэргэнъ умеръ въ колодезѣ, потомъ видится съ Эджэнъ-Ко и съ Картага-мэргэномъ; они вниются, и онъ не мститъ имъ. Эта сказка, кажется, принадлежить къ группѣ сказокъ о медвѣжьемъ сынѣ (см. ниже).

2) Очерки св. Монголіи, IV, 205; Танг. тиб. окраина Китая, II, 327.

Свидѣтельствомъ того, что звѣри выставлялись помощниками добраго героя и на востокъ, можетъ быть, можетъ служить книжная монгольская повѣсть о Бикарь-Мадзади. Это царевичъ, родившійся, какъ и другой мальчикъ Шалу, отъ съѣденной муки; это монгольскій Катигорошекъ или Буря-богатырь. Бикарь-Мадзади (въ мѣстѣ Очеркахъ с.-з. Монголіи—Бэгэръ-Меджитъ) вмѣстѣ съ Шалу ѣдетъ возвращать свое царство, захваченное насильникомъ царемъ шимнусовъ, слѣдовательно онъ стоитъ на мѣстѣ Ай-мэргэна, ѣдущаго освобождать отца-царя отъ насильника Солбанъ-мэргэна. Въ повѣсти являются волки, въ норѣ съ которыми выросъ и воспитался Шалу; онъ понимаетъ ихъ разговоръ, который слушать указаниємъ, какъ слѣдуетъ поступать. Въ бурятской версін этой сказки семь волковъ, которые помогаютъ юношамъ не только совѣтомъ, но и дѣйствіемъ; они изгрызаютъ оружіе у войска, посланнаго противъ юношей ¹⁾. Они такіе же благодѣтели гонимыхъ юношей, какъ въ русскихъ сказкахъ говорящіе вороны или говорящіе голуби, докладывающіе о ходѣ работы собакъ, грызущихъ двери ²⁾. Кончается рассказъ о Бикарь-Мадзади тѣмъ, что этотъ царевичъ вступаетъ въ бой съ царемъ шимнусовъ; онъ обращается въ сто львовъ, которые и разрываютъ насильника. Въ болѣе старой редакціи, можетъ быть, на мѣстѣ львовъ стояли семь волковъ, которые въ монгольской сказкѣ отвѣчаютъ „звѣриной защитѣ“ русскихъ сказокъ, также заканчивающей битву. Въ рассказѣ о Бикарь-Мадзади нѣтъ женщины, но ее можно тутъ предположить; конецъ рассказа могъ имѣть видъ освобожденія царевны, обреченной на съѣденіе Змію (царю шимнусовъ?). А такъ какъ существуютъ многіе примѣры схемы, въ которой соединены два эпизода: 1) о женщинѣ измѣнницѣ и 2) о царевнѣ, обреченной въ жертву, то мы можемъ допустить, что и въ рассказѣ о Бикарь-Мадзади было два эпизода, то есть кромѣ предполагаемаго рассказа о женщинѣ, обреченной Змію, былъ и другой, о женщинѣ, которая ему измѣнила и была увезена. Если бы такой эпизодъ въ самомъ дѣлѣ нашелся—сказки о Бикарь-Мадзади не всѣ еще собраны—это объяснило бы, почему повѣсть о Бикарь-Мадзади (Арджи-Борджи) имѣетъ отношенія къ славянскимъ сказаніямъ о Соломонѣ и Китоврасѣ.

¹⁾ Очерки с.-з. Монг., IV, 282, сказка „Ань-Богдоръ“.

²⁾ Въ русскихъ сказкахъ покровителемъ гонимаго царевича является волкъ или бычокъ, который несетъ его и его сестру на себя, переправляетъ черезъ рѣку и даетъ ему собакъ. Подъ этимъ видомъ можетъ быть скрывается душа отца или матери царевича. Въ угрорусской сказкѣ старикъ даетъ Каролю трехъ собакъ, а потомъ велитъ Каролю, чтобъ онъ и ему старику, и собакамъ отрубилъ головы; изъ всѣхъ обезглавленныхъ тѣлъ вылетаютъ голуби. У Аванасьева, № 117, бычокъ велитъ, чтобъ дѣти его, бычка, зарѣзали и сожгли, пепель посыпали на *три* грядкахъ; на одной грядкѣ выскочилъ конь, на которомъ потомъ царевичъ сталъ ѣздить, на другой собачка, на третьей яблоня; въ подстрочномъ вариантѣ на той же страницѣ: бычка зарѣзали, мясо съѣли

Я разсмотрѣлъ три сказки, двѣ харгопольскія: „Бурза Воловичъ“ и „Царь Капривъ“ и одну угорусскую о Каролѣ, сынѣ мясороба. Теперь я перейду къ французской сказкѣ „Jean de l'Ours“. Вотъ содержаніе этой сказки по Cosquin'у ¹⁾:

Медвѣдь увлекъ одну женщину въ свою берлогу; спустя нѣкоторое время эта женщина родила мальчика на половину человека, на половину медвѣдя; его назвали Jean de l'Ours. Медвѣдь кормилъ родильницу и ея ребенка. Когда мальчикъ достигъ четырехлѣтняго возраста, онъ, по совѣту матери, попробовалъ отвалить камень, которымъ медвѣдь обыкновенно заваливалъ входъ въ пещеру, но не могъ. Когда ему стало семь лѣтъ, во время отсутствія медвѣдя, онъ опять попытался отвалить и отвалилъ ²⁾; они вдвоемъ съ матерью бѣжали; мать съ ребенкомъ возвратилась къ своему мужу. Мальчикъ сталъ ходить въ школу; онъ былъ злой и обнаруживалъ необыкновенную силу; однажды онъ ударилъ своего товарища, и отъ этого удара цѣлый рядъ школьнико́въ полетѣлъ съ лавки; а когда учитель сталъ дѣлать Жану выговоръ, Жанъ выбросилъ его въ окно. Когда мальчику стало 15 лѣтъ, онъ пошелъ служить къ кузнецу, но не ужился тутъ, и черезъ три дня перешелъ къ другому кузнецу и потомъ къ третьему. У послѣдняго онъ собралъ все желѣзо, какое у него было, сковалъ себѣ палицу въ 500 фунтовъ, и пошелъ странствовать. Дорогой онъ встрѣтилъ человека Jean de la Meule, который игралъ жерновомъ, кидая его. Jean de l'Ours спрашиваетъ его, не хочетъ ли онъ итти съ нимъ вмѣстѣ. Тотъ соглашается. Далѣе встрѣчается

кости сложили вмѣстѣ и стали поливать; изъ костей народились двѣ собаки (изд. 1897 г., II, стр. 4); въ № 118, вар. а бычокъ совѣтуетъ дѣтямъ зарывать его, бычка, съѣсть, косточки собрать и ударить; ударили и вышелъ мушкетеръ кулачокъ, самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, который и оказываетъ потомъ царевичу помощь (стр. 6); въ томъ же № 118, вар. с. въ подстрочномъ вариантѣ: герой входитъ въ домъ, тамъ лежатъ старый-старый дѣдъ; онъ умираетъ и оставляетъ въ наследство герою трехъ собакъ (стр. 8). У Романова, № 5, вар. б: волкиъ велитъ Иванъкъ битъ его, волкиа, дубовымъ прутокъ; Иванъко ударилъ разъ, выскочила изъ волкиа собака, еще разъ ударилъ—другая; въ третій ударилъ—третья; послѣ того волкиа попрощался и ушелъ (стр. 61); въ № 7 хлопчикъ разсѣкъ волкиа на 12 частей и бросилъ ихъ въ море; выскочили изъ моря 12 гончихъ собакъ (стр. 64). У Чубинскаго, № 48: зарытали бычка, кости застромили въ стѣну, изъ костей выросли двѣ собаки (стр. 143); № 49: рога убитаго бычка застромили въ хатѣ; изъ нихъ выросли двѣ собаки (стр. 154).

¹⁾ *Etienne Cosquin, Contes populaires de Lorraine, 2 tirage, Paris. T. I, p. 1—3.*

²⁾ Тутъ можетъ быть пропускъ. Богатырь не два, а три раза дѣлалъ попытку выйти изъ медвѣжьей берлоги. По одному нижнему преданію Чингисханъ, или вѣрнѣе Темучинъ, спрятался отъ враговъ въ пещеру и три раза пытался выйти изъ нея, но всякій разъ получалъ разныя знаменія, которыя отклоняли его отъ исполненія намѣренія; одинъ разъ онъ прекратилъ попытку потому, что вышелъ входъ заваленнымъ бѣлыми камнемъ. (Алтанъ-Тобчи. стр. 11).

имъ Arruie-Montagne. На вопросъ, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣчаетъ, что поддерживаетъ гору; безъ него она упала бы ¹⁾. Идутъ втроемъ далѣе; еще человекъ Tord-Chêne. Онъ крутилъ дубъ, чтобы перевязать хворостъ. Четверо товарищей пошли черезъ лѣсъ и нашли замокъ; они расположились въ этомъ замкѣ и условились, что одинъ изъ нихъ по очереди будетъ оставаться въ замкѣ и готовить обѣдъ, пока другіе будутъ на охотѣ. Остался первымъ Jean de la Meule; пришелъ великанъ, бросилъ Jean'a de la Meule на землю и ушелъ; Jean de la Meule не имѣлъ силъ позвонить, чтобъ созвать своихъ товарищей, какъ это было условлено. Они сами пришли и нашли товарища больнымъ; онъ сказалъ, будто онъ угорѣлъ. То же самое случилось и съ другими товарищами: Arruie Montagne и Tord-Chêne. Наконецъ, остается въ замкѣ Jean de l'Ours; когда великанъ бросился на него, Жанъ ударилъ его палицей и раскололъ надвое ²⁾. Осмотрѣвъ замокъ, нашли въ полу отверстие; сначала спустили Jean'a de la Meule, но онъ услышалъ тамъ надъ собой ужасные крики, перепугался, и его вытянули назадъ ³⁾; также безуспѣшно спускались и Arruie-Montagne (Держи-гора) и Tord-Chêne (Сучи-дубъ). Спустился Jean de l'Ours; онъ не слышалъ никакихъ звуковъ. Внизу онъ встрѣтилъ фею, которая сказала, что тутъ въ замкѣ живутъ черти, въ первой залѣ 11 и во второй 12, а въ третьей онъ найдетъ трехъ принцессъ. Jean de l'Ours палицей разбиваетъ обѣ двери, убиваетъ всѣхъ чертей, принцессъ отправляетъ по канату въ верхній міръ. Отъ каждой принцессы онъ получилъ въ подарокъ шаръ, украшенный золотомъ, жемчугомъ и изумрудомъ. Три товарища разобрали принцессъ между собой и когда поднимался по канату Jean de l'Ours, они обрубили канатъ, Jean de l'Ours ужалъ и изломалъ себѣ ногу. Къ счастью онъ имѣлъ горшокъ съ мазью, который дала ему фея; онъ помазалъ колѣно, и нога выздоровѣла. Онъ не зналъ, что дѣлать, но въ эту минуту явилась фея и научила подняться по тропинкѣ, которая вела вверхъ; при этомъ онъ не долженъ былъ оглядываться назадъ на небольшой свѣтъ, иначе свѣтъ потухнетъ, и онъ не увидитъ болѣе своей дороги. Jean de l'Ours послѣдовалъ совѣту феи; выйдя на верхъ, онъ нашелъ своихъ товарищей, готовыхъ отправиться въ путь; онъ прогналъ ихъ. Принцессы хотѣли увести его къ своему отцу, но онъ отказался, сказавъ, что можетъ быть когда-нибудь и придетъ въ ихъ королевство. Онъ положилъ шары въ свой карманъ; принцессы возвратились однѣ къ своему отцу. Jean de l'Ours, пространствовавъ нѣкоторое время, пришелъ въ страну короля, отца трехъ прин-

¹⁾ О летучей мышѣ, поддерживающей дерево или міръ, см. Вост. мотивы 460.

²⁾ Урусанъ разсѣкъ наполю Феодула-амѣя въ то время, какъ онъ уходилъ въ каменные ворота.

³⁾ Въ сказкѣ, записанной на Памирѣ, спущенный товарищъ кричитъ: „Я горю!“ (Cosquin, I, 20).

цесъ, и поселился у кузнеца; такъ какъ онъ былъ искусенъ въ этомъ дѣлѣ, кузница вскорѣ стала на славу. Король призвалъ кузнеца и сказалъ: „сдѣлай по этому образцу три шара; если же къ такому-то времени они не будутъ готовы, ты будешь казненъ“. Jean de l'Ours успокоилъ кузнеца, пообѣщавъ сдѣлать шары. Наступаетъ срокъ, а Jean de l'Ours еще не принимался. Кузнецъ спрашиваетъ его, готовы ли шары. Тотъ велитъ товарищу принести вертелъ; пока кузнецъ ходилъ въ погребъ за вертеломъ, Jean de l'Ours поколотилъ по наковальнѣ и выложилъ изъ своего кармана шары. Кузнецъ отнесъ ихъ во дворецъ; король щедро заплатилъ за нихъ и показалъ ихъ принцессамъ. Тѣ говорятъ другъ другу: „это тѣ самые шары, которые мы дали молодому человѣку, освободившему насъ“. Онѣ рассказали это отцу; король послалъ за Jean'омъ и выдалъ за него младшую, самую красивую принцессу.

Сказка съ такимъ сюжетомъ — убіеніе чудовища, нисхождение въ подземный міръ, и освобожденіе принцессы, говоритъ Коскэнъ въ примѣчаніи, встрѣчается у многихъ европейскихъ народовъ, но не всегда съ такимъ же введеніемъ.

Giuan dall' Urs сказки изъ итальянскаго Тироля ¹⁾, герой вендской сказки (или лужицкихъ славянъ) ²⁾, Jean de l'Os каталонской, Петръ Медвѣдь ганноверской, Giovanni dell' Orso итальянской изъ Mantouan'a, Jean de l'Ours някардійской, — всѣ происходятъ отъ союза женщины съ медвѣдемъ; герой каталонской сказки наполовину медвѣдь; въ русской сказкѣ Иванъ Медвѣдко, сынъ женщины и медвѣдя, выше пояса человѣкъ, ниже медвѣдь ³⁾.

Иванъ Медвѣдь, у Афанасьева ⁴⁾ Ивашко Медвѣдко въ 15 лѣтъ становится нестерпимымъ; подобно Еруслану, кого ухватить за руку — рука прочь, кого за голову — голова прочь. Жители просятъ дѣда Ивашкина удалить внука изъ края. Ивашко дѣлаетъ желѣзную дубинку въ 25 пудовъ и уходитъ. Дорогой къ нему присоединяются богатыри Усыня, Горыня и Дубыня. Они входятъ въ лѣсъ и поселяются въ лѣсной избушкѣ; вмѣсто великана избушку посѣщаетъ баба-яга, костяная нога; она избилла Усыню, Горыню и Дубыню и у каждого вырѣзала по ремню изъ спины; богатыри стыдятся сказать правду Ивашкѣ и говорятъ, что они заболѣли оттого, что угорѣли, но должны были сознаться, когда пошли вмѣстѣ съ Ивашкой въ баню. Баба-яга, побитая Ивашкой, ушла подъ землю въ нору, прикрытую камнемъ. Ивашко билъ около норы столбъ, привязавъ къ нему веревку, и его спустили

¹⁾ Какъ и въ французской сказкѣ, герой пытается поднять „гору“, которую былъ заваленъ входъ въ гротъ.

²⁾ Вендскій герой поднялъ камень, заправшій пещеру, когда достигъ семилѣтняго возраста.

³⁾ *Sovqin*, I, 6. 7.

⁴⁾ *Афанасьевъ*, изд. 3, 1897 г., № 81, т. I, стр. 175.

въ подземный міръ. Тамъ Ивашко находитъ дворецъ; въ немъ три дѣвицы, которыя учатъ Ивашку, какъ убить бабу-ягу, ихъ мать. Она теперь спитъ, а въ головахъ у ней мечъ-кладенецъ; дѣвицы совѣтуютъ выхватить мечъ и только разъ рубить, а въ другой разъ не рубить; если онъ ударитъ въ другой разъ, баба-яга оживетъ; это тотъ же самый совѣтъ, который даетъ Еруслану богатырь Расланей; подъ головой Расланей также лежитъ мечъ-кладенецъ, которымъ Ерусланъ долженъ убить царя-Огненный Щитъ, ударивъ только одинъ разъ ¹⁾. Ивашко убилъ бабу-ягу и дѣвицы подали по веревкѣ въ верхній міръ. Каждый изъ трехъ богатырей взялъ себѣ по дѣвицѣ; доставшаяся Дубынѣ не хотеть за него. Въ сердцахъ онъ пересѣкъ палицей веревку, по которой поднимался Ивашко, а дѣвицу заставилъ пасти коровъ. Ивашко упалъ, зашибся, но, оправившись, нашелъ подземный ходъ и по нему вышелъ на бѣлый свѣтъ, нашелъ дѣвицу, пасущую коровъ, убилъ трехъ коварныхъ товарищей и женился ²⁾.

Въ аварской сказкѣ на Кавказѣ ³⁾ герой—сынъ женщины, увлеченной медвѣдемъ въ берлогу, родится съ медвѣжьими ушами, почему и получаетъ имя Медвѣжье ухо. Узнавъ отъ своей матери, что онъ своимъ рожденіемъ обязанъ насилію, совершенному медвѣдемъ надъ его матерью, сталкиваетъ медвѣдя въ ровъ, гдѣ тотъ и умираетъ ⁴⁾. Возвратившись въ страну своей матери, Медвѣжье ухо поступаетъ на службу къ царю, но его необычайная сила вызываетъ у царя сильное желаніе освободиться отъ такого слуги; царь даетъ ему опасныя порученія, наприм. принести карту (злое существо въ родѣ нашей бабы-яги). Медвѣжье ухо приноситъ; царь, неожиданный такого конца этой повѣдки, перепугался

¹⁾ Соединеніе бабы-яги съ этимъ мотивомъ служить свидѣтельствомъ, что отголоски еруслановскихъ мотивовъ въ сказкахъ о медвѣжьей или коровьей сынѣ не вставлены въ нихъ позднѣйшими рассказчиками подъ вліяніемъ внятной славянъ объ Ерусланѣ, а принадлежать къ ихъ первоначальной редакціи. Не возможно представить себѣ стадія, по которымъ позднѣйшіе рассказчики могъ бы отъ головы Расланей, лежащаго среди поля, усѣяннаго костями, дойти до бабы-яги, лежащей въ постели, или представить поводъ, по которому онъ перенесъ деталь о мечѣ съ Расланей на бабу-ягу, не имѣющую никакого вѣдимаго сходства съ Расланей.

²⁾ Въ угорской сказкѣ (Этнографич. збѣрки, издае этногр. комисіи Наукового товариства імени Шевченка, т. IV, Львів, 1898) сынъ медвѣдя назыв. Медвѣдь Иванко. Къ сказкѣ указана литература. См. Драгомановъ. „Ведмеже ухо, Верви-гора и Крутивусъ“ (Малор. пред., 255), „Розомни жельво, Росниха-гора и Загативода“ (257), Шейнъ, „Ивашка барашка, медвѣжье ушко“ (Матеріалы, 110), Гнатюкъ, „Иванко, Товчигаминъ-Печикомачі, Сучи-мотузокъ“, стр. 33—39, Садовниковъ, „Медвѣжий сынъ“ (Самарск. сказки, 150), Грищенко, „Ивашко, ведмеже ушко“, I, 181.

³⁾ Schiefner, Awarische Texten, S. Ptsb., 1873 (извлеченіе изъ Mémoires de l'Acad. de Saint-Petersbourg, VII Série, t. XIX, № 6).

⁴⁾ Александръ Македонскій, герой романа „Александрія“, сынъ Олимпіады и Непталеба, который явился Олимпіадѣ въ видѣ вологлаваго бога Аммона, убиваетъ своего отца Непталеба, столкнувъ его съ крыши дома.

при видѣ картъ и торопить Медвѣжье ухо отнести ее на прежнее мѣсто ¹⁾). Медвѣжье ухо оставляетъ царя и идетъ странствовать; дорогой встрѣчаетъ человѣка, который несетъ на себѣ два платана, вырванныхъ съ корнями, и другого, который вертитъ мельницу на своихъ колѣняхъ; они присоединяются къ Медвѣжьему уху. Далѣе эпизодъ о карликѣ съ длинной бородой, который избиваетъ двухъ товарищей, остававшихся поочередно готовить обѣдъ, но Медвѣжье ухо беретъ верхъ надъ нимъ и защемляетъ его бороду въ трещинѣ дерева ²⁾). Карликъ, увлекаемый за собой дерево, уходитъ подъ землю, Медвѣжье ухо спускается слѣдомъ за нимъ, убиваетъ его, освобождаетъ плѣненную имъ дѣвицу и подаетъ ее на верхъ товарищамъ; они принцессу поднимаютъ, а Медвѣжье ухо оставляютъ въ подземномъ мѣрѣ. Провалившись еще въ болѣе низшій слой подземнаго міра, Медвѣжье ухо убиваетъ дракона съ девятью головами, которому ежегодно давали на съѣденіе дѣвицу. Орель, благодарный ему за то, что онъ убилъ змѣю, которая ползла, чтобъ съѣсть орлята, выноситъ его прямо на Божій свѣтъ ³⁾).

Тотъ же сюжетъ о жизни трехъ или четырехъ товарищей-охотниковъ, поочередно домовничающихъ, и о чудовищѣ, которое охлаетъ насиліемъ надъ ними и уходитъ въ подземелье, соединенъ иногда съ другимъ введеніемъ; главное лицо, побѣдитель чудовища, зачатъ не отъ медвѣя, а отъ съѣденной рыбы или отъ съѣденной ухи ⁴⁾:

Въ монгольской сказкѣ о Масатѣ съ телячьимъ лицомъ ⁵⁾ вмѣсто неестественнаго зачатія (отъ съѣденной рыбы), какъ въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“, стоитъ неестественный половой союзъ между человѣкомъ и четвероногимъ животнымъ, какъ въ сказкахъ

¹⁾ Сходная сцена, въ нашихъ былинахъ; князь Владимиръ перепугался, когда Илья Муромецъ привезъ Соловья.

²⁾ Въ тигушскомъ вариантѣ этой сказки, записанной мною (Очерки с.-в. Монг., IV, 782), Медвѣжий сынъ, Че уа', такъ сильно ударилъ бородатаго человѣка, стоящаго тутъ на мѣстѣ карлика, объ дерево, что всадилъ его въ дерево, какъ топоръ.

³⁾ Гляздо на деревѣ мы находимъ въ монгольской сказкѣ о Дзалу-мергѣчѣ (Очерки с.-в. Монг., IV, 511); этотъ богатырь нажмается на сандальное дерево (двандынъ-моло); на немъ гляздо птицы Ханъ-Гарики; змѣя Абырга-могой обвилась кругомъ дерева и готова съѣсть птенцовъ; богатырь убиваетъ змѣю и благодарная птица приноситъ ему морскую пѣну, за которую онъ поѣхалъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ этой сказкѣ соединены темы изъ Еруслана (бой отца съ сыномъ, котораго отецъ находитъ спящимъ въ полѣ и сначала не узнаетъ, стр. 508—509; убіеніе змѣя (мангыса), и сонъ передъ тѣмъ, отъ котораго онъ просыпается только послѣ слезы женщины, напавшей ему на щеку, стр. 508) и изъ сказки о медвѣжьемъ сынѣ (глядзо птенцовъ на деревѣ и змѣя, стр. 511; можетъ быть, сюда же слѣдуетъ отнести и эпизодъ о товарищахъ, одаренныхъ необыкновенными способностями, необыкновеннымъ слухомъ, способностью поднимать горы, и пр., стр. 503—504).

⁴⁾ *Афанасьевъ*, третье изданіе (1897) I, 76, 162, 170.

⁵⁾ *Шиддикуръ* въ Этногр. Сборникъ, изд. Геогр. Общ., т. VI. стр. 21—27.

„Jean de l'Ours“ и „Ивашко Медвѣдко“. Старикъ, имѣвшій бездѣтную жену, прижилъ съ коровой сына, который имѣлъ телѣчью голову и былъ названъ Масангомъ ¹⁾. Масангъ оставляетъ домъ родителя; въ лѣсу онъ встрѣчаетъ чернаго человѣка, родившагося отъ лѣса, потомъ въ степи зеленаго человѣка, родившагося отъ травы и около хрустальнаго холма бѣлаго человѣка, родившагося отъ хрустала. Всѣ трое присоединяются къ Масангу; они находятъ уединенный домъ; каждый день трое уходятъ на охоту, одинъ остается въ домѣ. Каждый день является маленькая женщина, съѣдаетъ весь заготовленный обѣдъ и исчезаетъ; товарищъ оставшійся въ домѣ, беретъ конское копыто, дѣлаетъ слѣды вокругъ дома, и потомъ рассказываетъ своимъ товарищамъ, будто на него напало большое войско и отняло все заготовленное. Такъ побиты женщиной черныи человѣкъ, зеленый и бѣлый. Наступаетъ очередь остаться въ домѣ Масангу, онъ побиваетъ женщину и облачаетъ товарищей во лжи. Они идутъ выслѣживать женщину по пролитой крови, приходятъ къ ямѣ въ скалѣ и видятъ на днѣ ея трупъ женщины и груды драгоценностей. Товарищи спускаютъ Масанга въ яму на веревкѣ; Масангъ подаетъ имъ на верхъ по веревкѣ драгоценности; товарищи поднимаютъ ихъ, но Масанга оставляютъ въ ямѣ. Масангъ находитъ три вишневыхъ косточки, садитъ ихъ въ землю, а самъ ложится спать. Просыпается черезъ нѣсколько лѣтъ, вишни выросли большими деревьями и онъ по нимъ выбрался изъ ямы. Онъ нашелъ своихъ вѣроломныхъ товарищей, но простилъ ихъ.

Въ монгольской сказкѣ нѣтъ освобожденія трехъ царевенъ, но тутъ несомнѣнно пропускъ; Масангъ, выйдя на вольный свѣтъ, ищетъ своихъ товарищей и находитъ трехъ женщинъ; это жены его товарищей, которые живутъ каждый въ отдѣльномъ другъ отъ друга домѣ. Мужья были на охотѣ; Масангъ находитъ ихъ и пускаетъ въ нихъ стрѣлу; по стрѣлѣ они узнали, кто стрѣляетъ, и стали просить у Масанга прощенія, соглашаясь уступить ему своихъ женъ. Это и были вѣроятно освобожденныя Масангомъ царевны.

¹⁾ Въ большинствѣ случаевъ отецъ животное (медвѣдь), мать человѣкъ, но въ имеретинской, какъ и въ монгольской, человѣкъ является отцомъ, а мать животнымъ. Герой имеретинской сказки Леванъ Датвисъ-швили, т. е. „Леванъ, Медвѣжій сынъ“ сынъ попа и медвѣдицы. Онъ, подобно Еруслану, оказывается неудобнымъ для человѣческаго общества вслѣдствіе своей чрезвычайной силы; царь придумываетъ ему опасныя порученія, чтобы избавиться отъ него, и посылаетъ его 1) вырубить лѣсъ, 2) достать красавицу Мзисъ-Нахаги. Леванъ набираетъ товарищей, обжору, опивало, слушателя, хромого пастуха зайцевъ; получивъ царевну, ѣдетъ къ царю, но падаетъ въ яму, коварно приготовленную въ воротахъ; его выносятъ крылатые кони. (Сборн. матер. для опис. мѣст. и племенъ Кавказа, в. XIX, отд. II, стр. 1--8). Въ киргизско-татарской сказкѣ Ибиге-ли родится (въ пещерѣ) отъ союза человѣка и чудовищной женщины албысты (Живая Старина, 1897, в. IV, стр. 230); албысты на мѣстѣ медвѣдицы.

Въ монгольской сказкѣ нѣтъ эпизода о благодарной птицѣ, за спасеніе дѣтенышей отъ грозовой тучи или отъ змѣи выносящей героя на бѣлый свѣтъ; монгольская сказка придумала другое средство вывести героя изъ подземнаго міра—изъ трехъ косточекъ вырастаетъ высокое вишневое дерево, по которому Масангъ выбирается на верхъ. Но мотивъ благодарнаго существа все-таки введенъ и въ монгольскую сказку въ видѣ отдѣльнаго эпизода, слѣдующаго сейчасъ за рассказомъ о деревѣ. Я говорю о заступничествѣ Масанга за бѣлаго быка въ борьбѣ съ чернымъ быкомъ.

Выбравшись изъ подземелья, Масангъ приходитъ въ небесное царство Хормусты. Здѣсь онъ, по просьбѣ послѣдняго, принимаетъ участіе въ борьбѣ бѣлаго быка съ чернымъ; подъ видомъ бѣлаго быка сражался тэгрій, т. е. небожитель (сторонникъ или представитель Хормусты), подъ видомъ чернаго—асури или шумусъ; ниже этотъ послѣдній называется Шумусъ-хаганомъ, „царемъ шумусовъ“ (т. е. царемъ нечистыхъ духовъ). По совѣту Хормусты Масангъ пускаетъ стрѣлу изъ своего желѣзнаго лука; она попала въ голову чернаго быка, и быкъ убѣжалъ. Уходя съ поля битвы, Масангъ заблудился и пришелъ къ воротамъ жилища Шумусъ-хагана; ему отперла жена хагана, *мечущая изъ рта искры*. Масангъ сказалъ ей, что онъ врачъ; его впустили въ домъ и попросили вылѣчить раненую голову хагана. Масангъ принялся за лѣченіе; онъ бросилъ вверхъ семь зеренъ, которыя ему далъ Хормуста (значеніе этихъ зеренъ сказка не выясняетъ), и еще глубже вогналъ стрѣлу, которая была въ головѣ хагана. Въ это время съ неба спустилась желѣзная цѣпь (ее спустилъ, конечно, благотворный Хормуста), по которой Масангъ началъ подниматься, но жена Шумусъ-хагана схватила желѣзную съ пылающимъ пламенемъ палку и ударила Масанга по спинѣ, отчего Масангъ рассыпался на семь кусковъ, изъ которыхъ образовалось семь буддъ (вѣроятно какое-нибудь созвѣздіе, состоящее изъ семи звѣздъ ¹⁾).

Тэгрій, на котораго нападаетъ черный быкъ, здѣсь занимаетъ мѣсто орлята, которымъ угрожаетъ черная туча или змѣя; на мѣстѣ орла, выносящаго героя изъ подземнаго міра, здѣсь Хормуста, поднимающій Масанга на небо.

Въ монгольской сказкѣ два подъема: 1) изъ подземнаго міра

1) Выше въ подстрочномъ примѣчаніи изложено содержаніе тюркской сказки о Сѣдѣй-мергенѣ; это кажется одна изъ версій сказки о медвѣжьемъ сыпѣ. Сѣдѣй-мергенъ ходитъ, одѣвшись въ шкуру медвѣдя; люди, увидѣвъ его, разбѣгаются; по нѣкоторымъ выраженіямъ судя, онъ не только одѣлся медвѣдемъ, но обратился въ медвѣдя. Съ Масангомъ у него то общее, что, подобно тому, какъ товарищи Масанга не могутъ взять верхъ надъ злой силой, и только Масангъ отиравается съ нею, такъ и здѣсь, соперники Сѣдѣя, его зятя, не могутъ убить тигра, а убиваетъ его только Сѣдѣй; затѣмъ, подобно Масангу, Сѣдѣй опускаетъ въ подземный міръ (колодезь); Масангъ выходитъ оттуда по тропинкѣ; Сѣдѣй иначе,—его поднимаютъ на волосахъ, но въ другомъ заводѣ Масанга поднимаютъ на цѣпи.

на земную поверхность и 2) съ земной поверхности на небо. Въ большинствѣ же случаевъ одинъ первый подъемъ, но въ аварской если не два подъема, то два паденія: 1) съ земной поверхности въ верхнее подземелье и 2) изъ верхняго подземелья въ нижнее; отсюда герой поднимается прямо на земную поверхность. Въ версияхъ (вѣрнѣе сказать въ особыхъ сказкахъ о трехъ братьяхъ, ищущихъ увезенную царевну) съ однимъ подъемомъ иногда затрудненія героя происходятъ не подъ землей, а гдѣ-то вверху (можетъ быть, на небѣ). Въ одной русской сказкѣ вмѣсто подземелья Золотая гора; герой спускаетъ царевнѣ съ горы на землю на веревкѣ или полотнѣ, но когда надо было спускаться самому герою, братья вырываютъ у него изъ рукъ веревку и онъ остается на горѣ; онъ находитъ случайно палку и она сноситъ его внизъ. Въ греческой также принцесса унесена на гору. Въ испанской стихотворной передѣлкѣ принцессы заточены на вершинѣ башни; лошадь сноситъ героя съ башни внизъ ¹⁾.

Сказки о персонажѣ необыкновеннаго зачатія, судя по собранному выше матеріалу, по формѣ зачатія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: въ одной этотъ персонажъ сынъ женщины отъ медвѣдя; въ другой онъ сынъ коровы. Эта разница въ формѣ зачатія не служитъ признакомъ категорическаго различія въ сюжетахъ, связанныхъ съ такимъ необычайно зачатымъ героемъ. Сюжеты, приуроченные къ сыну медвѣдя, появляются при коровьемъ сынѣ и наоборотъ. Такъ то, что монгольская сказка

¹⁾ Въ самарской сказкѣ (Садовниковъ, стр. 2) Иванъ Туртыгинъ идетъ освобождать царевну, увезенную Зивемъ-Горынычемъ; въ царствѣ Зивы онъ встрѣчаетъ *пастуховъ, которые пасутъ овецъ*; онъ увозитъ царевну на корабль и попадаетъ къ Кривому Богатырю, — который живетъ *въ пещерѣ съ овцами*, Туртыгинъ выкалываетъ ему единственный глазъ; я думаю, что кривой богатырь могъ носить имя Бил-грияница (см. Вост. мотивы, 702) или Лихо; иногда выручаемая царевна не изображается похищенной, и выдается за дочь того персонажа, котораго убиваетъ ее освободитель; вотъ откуда, можетъ быть отчество Марьи *Лиховидычны*, заточенной въ башнѣ царевны въ былинѣ о Подсолнечномъ царствѣ. Отдѣлившись съ Кривого Богатыря Туртыгинъ идетъ далѣе и натывается на сцену: левъ бьется съ Окаяннымъ и проситъ Туртыгина помочь; за это онъ обѣщаетъ подарить ему коверъ-самолетъ и шапку невидимку. Туртыгинъ убилъ Окаяннаго. Левъ вывозитъ Туртыгина изъ *вмѣннаго* царства; о подаркахъ не говорится, пригодились ли они Туртыгину; вѣроятно былъ вариантъ, въ которомъ было сказано, что Туртыгинъ вылетаетъ на коверъ-самолетъ. Въ вариантѣ Барсова Федоръ Борма, стоящій на мѣстѣ Туртыгина, получаетъ отъ дванцы, живущей въ Вавилонскомъ царствѣ, соотвѣствующемъ царству Зивя-Горыныча, коверъ, вышитый ею. Борма переплываетъ на этомъ коверѣ черезъ море, отдѣляющее Вавилонъ отъ православнаго царства (Ждановъ, Русск. былевой эпосъ, Сиб., 1:96, стр. II). Въ другомъ вариантѣ у Садовникова, въ которомъ на мѣстѣ Туртыгина также Борма, послѣдній помогаетъ льву въ борьбѣ съ Зивемъ (стр. 26). Въ Вавилонскомъ царствѣ, стоящемъ въ вариантахъ съ Бормой на мѣстѣ царства Зивя-Горыныча, всѣ люди поведены Зивями, слѣдовательно это царство въ родѣ царства чело-вколюдцевъ.

²⁾ *Sovqin*, I, 15, 16; *Aftashev*, II 118.

разсказываетъ о коровьемъ сынѣ Масангѣ, французская перенесла на Jean'a de l'Ours, сына медвѣдя. Да и тѣ сказки о сынѣ коровы и сынѣ медвѣдя, которыя расходятся въ главномъ сюжетѣ, обмѣниваются нерѣдко своими деталями. Все это можетъ поддерживать мысль о тождествѣ этихъ персонажей, мысль о томъ, что Jean de l'Ours то же самое лицо, что и коровій сынъ, наприм., русскихъ сказокъ. Прежде, когда помнилось болѣе вариантовъ и посредствующихъ звеньевъ между этими сказками, и когда къ сказкѣ былъ еще живой практической, можетъ быть культовой интересъ, вѣроятно челоуѣкъ, слушавшій сказку, сильнѣе чувствовалъ это тожество персонажей, чувствовалъ его и въ тѣхъ случаяхъ, когда и въ сюжетѣ и въ именахъ ничего не было похожего; наличность въ памяти посредствующихъ вариантовъ невольно и бессознательно вызывала у слушателя представленіе о тождествѣ. Правда, подъ этими двумя образами могли подразумѣваться не одинъ, а два или нѣсколько реальныхъ предметовъ, наблюденія надъ явленіями которыхъ послужили матеріаломъ для сказочныхъ сюжетовъ; и въ самомъ дѣлѣ, различіе между этими образами, полумедвѣдь и полубыкъ, достаточно рѣзкое, и должно служить препятствіемъ къ смѣшенію разсказовъ о нихъ; но если тѣ двѣ реальности, которыя потому были осмыслены, какъ полумедвѣдь или полубыкъ, мало отличались другъ отъ друга по внѣшнему виду, наприм., если это были звѣзды, то очень рано могъ начаться обмѣнъ сюжетовъ и именъ. И дѣйствительно въ сказкѣ изъ французской Фландріи о двухъ товарищахъ, освобождающихъ двухъ увезенныхъ принцессъ, герой называется Ourson¹⁾. Можетъ быть, одного происхожденія съ этимъ именемъ и Бурза Воловичъ, одинъ изъ трехъ братьевъ, также спасающій изъ заточенія царевну. Въ прежнее время такихъ вариантовъ съ общими именами для разныхъ сюжетовъ было, вѣроятно, еще болѣе.

Гр. Потанинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) *Mélinite*, 1877, 160; *Cosquin*, I, 10.

Судъ аксакаловъ и судъ третейскій

у киргизовъ Нустанайскаго уѣзда, Тургайской области.

Лѣто 1899 г. я посвятилъ собранію свѣдѣній о киргизскомъ судопроизводствѣ. Помимо свѣдѣній объ официальномъ. судоустройствѣ и судопроизводствѣ у киргизовъ, мнѣ удалось собрать въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тургайской области свѣдѣнія о судѣ аксакаловъ и судѣ третейскомъ, примѣняемомъ также и среди другихъ киргизовъ степныхъ областей. О послѣднихъ двухъ видахъ киргизскаго судопроизводства я и намѣренъ сообщить въ настоящей статьѣ.

Кромѣ признаннаго правительствомъ официальнаго суда биевъ, у киргизовъ существуетъ еще чисто народный, необязательный судъ аксакаловъ. Аксакалы—это старшіе въ родовомъ аулѣ; они пользуются большимъ уваженіемъ среди своихъ одноаульцевъ; на пирахъ, на поминкахъ и въ прочихъ собраніяхъ имъ также оказывается величайшій почетъ, который выражается въ томъ, что аульнымъ аксакаламъ предоставляется въ кибиткѣ и въ другихъ киргизскихъ жилищахъ (напр., въ землянкахъ, въ которыхъ киргизы живутъ только зимою) самое почетное мѣсто, „*тѳрѣ*“, каковымъ является мѣсто противъ входа въ кибитку и въ землянку; при угощеніи имъ даютъ самое первое блюдо, при чемъ въ подносимую имъ тарелку съ мясомъ кладутъ голову зарѣзаннаго животнаго. Аксакалъ лицо, не выбираемое общиной; званіе аксакала получаетъ тотъ, кто старше по лѣтамъ въ родовомъ аулѣ, такъ какъ среди киргизовъ вообще старость пользуется наибольшимъ почтеніемъ и общимъ уваженіемъ. Если аксакалъ изъ вліятельныхъ и богатыхъ, то онъ пользуется вліяніемъ и почтеніемъ не только среди своихъ сородичей, но также и среди другихъ родовъ или родовыхъ отдѣленій, а иногда даже и среди населенія пѣ-

лаго уѣзда; подобнаго рода аксакалы очень часто выбираются въ посредники для разрѣшенія недоразумѣній между двумя родами. Всѣ дѣла, какъ уголовныя, такъ и гражданскія между родичами рѣшаются аксакалами; я во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ, въ судебныхъ тяжбахъ и искахъ родичи предпочитаютъ судъ аксакаловъ оффиціальному суду биевъ.

Если кто-либо изъ киргизовъ имѣетъ претензію на кого-либо изъ своихъ сородичей, то онъ отправляется въ аулъ аксакала и обращается къ его содѣйствію относительно рѣшенія своего дѣла. Аксакалъ вызываетъ того, на кого предъявляется претензія, черезъ кого-либо изъ одноаульцевъ. Иногда отвѣтчикъ можетъ не являться на зовъ аксакала, что, положимъ, случается очень рѣдко; въ такомъ случаѣ аксакалъ насильно его требовать не можетъ, и тогда дѣло рѣшается оффиціальнымъ судомъ биевъ. Но обвиняемый обыкновенно является, потому что никому не желательно платить бійлыкъ — вознагражденіе въ пользу биевъ, тогда какъ при рѣшеніи дѣла аксакаломъ не бываетъ почти никакихъ расходовъ.

Самый судъ происходитъ большею частью въ аулѣ аксакала, въ кибиткѣ послѣдняго, а иногда и въ чужой, лишь бы она была попросторнѣе и почише, и при томъ если есть надежда получить угощеніе отъ хозяина кибитки, въ другихъ же случаяхъ судъ происходитъ въ аулѣ отвѣтника, гдѣ, при участіи вліятельныхъ родственниковъ послѣдняго, аксакалъ рѣшаетъ дѣло.

При этомъ слѣдуетъ добавить, что при рѣшеніи аксакаломъ всякаго судебного дѣла бываетъ большое стеченіе народу; нѣкоторые принимаютъ живое участіе въ ходѣ и рѣшеніи дѣла, а иногда аксакалъ, если среди присутствующихъ есть кто-нибудь, пользующійся расположеніемъ и любовью своихъ однородцевъ, поручаетъ такому лицу помирить тяжущіяся стороны. Аксакалъ обыкновенно занимаетъ въ кибиткѣ самое почетное мѣсто, а подлѣ него располагаются остальные присутствующія лица по старшинству. Если среди присутствующихъ есть чужеродецъ, то ему, какъ гостю, дается предпочтеніе передъ другими: его сажаютъ рядомъ съ аксакаломъ, но чужеродецъ въ рѣшеніи дѣла не принимаетъ никакого участія и остается простымъ зрителемъ.

Когда являются тяжущіеся, аксакалъ приступаетъ къ разбору дѣла, разспрашиваетъ обѣ стороны и постороннихъ лицъ изъ родичей, знающихъ всѣ обстоятельства и причины спорнаго дѣла.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что показанія свидѣтелей на судѣ бievъ почти не имѣютъ никакой силы и значенія, если они не подтверждены присягой кого-либо изъ сородичей свидѣтелей, по выбору отвѣтчика или обвиняемаго. Здѣсь же, у аксакаловъ, показанія свидѣтелей имѣютъ вѣсь и значеніе безъ всякаго подкрѣпленія ихъ присягой потому, что дѣло рѣшаетъ аксакаль по семейному между родичами, а свидѣтели, какъ члены одной родовой группы, относятся къ дѣлу болѣе или менѣе безпристрастно, между тѣмъ на судѣ бievъ дѣла рѣшаются между двумя родами, а потому представители обѣихъ сторонъ стараются каждый выиграть дѣло въ свою пользу и при этомъ прибѣгаютъ ко всевозможнымъ уловкамъ, такъ какъ проигрышъ дѣла въ спорѣ съ чужеродцемъ считается какъ бы безчестіемъ и позоромъ цѣлаго рода.

Исслѣдовавъ всестороннее предстоящее дѣло и разспросивъ свидѣтелей, аксакаль предлагаетъ виновной сторонѣ, если дѣло касается взысканія долга, удовлетворить истца, уплативъ ему слѣдуемый долгъ. Если же дѣло касается обиды дѣйствіемъ или словами, аксакаль налагаетъ на обидчика штрафъ въ размѣрѣ одной лошади и одного халата въ пользу потерпѣвшаго. Особенно при этомъ принимается во вниманіе то обстоятельство, если потерпѣвшій старше по лѣтамъ обвиняемаго. Но этотъ штрафъ обыкновенно не взыскивается и остается лишь номинальнымъ.

Потерпѣвшій присужденную въ его пользу лошадь обыкновенно уступаетъ аксакалу, который, изъ уваженія къ кому-либо изъ близкихъ родственниковъ обвиняемаго, оставляетъ у послѣдняго. Халатъ тоже уступается обвинителемъ одному изъ присутствующихъ, а принявшій подарокъ также, какъ и аксакаль, въ свою очередь великодушно уступаетъ его обвиняемому. Такъ что взиманіе штрафа и принесеніе его истцомъ въ даръ аксакалу и его окружающимъ есть только фиктивное исполненіе на словахъ стараго народнаго обычая.

Хотя въ послѣднее время, насколько мнѣ извѣстно, стали взыскивать деньгами или скотомъ въ пользу потерпѣвшаго часть штрафа—обыкновенно стоимость халата. Въмѣсто же уплаты штрафа обидчикъ обыкновенно долженъ публично просить у обвиняемаго прощеніе, которое состоитъ въ слѣдующемъ: обвиняемый бросаетъ передъ истцомъ шапку и ногойку въ знакъ предоставленія себя въ его распоряженіе, говоря соответствующія слова

извиненія. У киргизовъ есть даже на этотъ счетъ пословица: Когда просятъ у тебя прощенія, то ты долженъ даже не взыскивать за пролитую кровь твоего отца.

Иногда обвиняемый долженъ явиться съ повинной къ потерпѣвшему въ кибитку и извиниться передъ нимъ всеяродно. Дѣла объ убійствѣ у родичей рѣшаются также аксакалами при участіи вліятельныхъ въ аулѣ киргизовъ, а также при участіи родственниковъ тяжущихся сторонъ, но въ чемъ состоятъ ихъ рѣшенія въ данномъ случаѣ, я не знаю, такъ какъ мнѣ ни разу не пришлось встрѣтить подобнаго рода дѣла.

Если истецъ изъ другой родовой группы, то онъ можетъ обратиться къ аксакалу своего противнаго, который и рѣшаетъ споръ между тяжущимися вышеуказаннымъ порядкомъ.

Хотя въ большинствѣ случаевъ споры между лицами разныхъ родовыхъ группъ рѣшаются на поминкахъ, на пирахъ и въ прочихъ собраніяхъ родовыми аксакалами и вліятельными киргизами при участіи вліятельныхъ родственниковъ заинтересованныхъ сторонъ, ходъ разбирательства дѣла и окончаніе тѣ же.

Теперь перехожу къ описанію такъ называемаго третейскаго суда биевъ, часто примѣняемаго въ киргизскомъ судопроизводствѣ. — Этотъ третейскій судъ у киргизовъ въ большомъ ходу также, какъ и судъ аксалоу, и киргизы предпочитаютъ его оффиціальному суду биевъ въ виду того, что въ этомъ судѣ тяжущимся сторонамъ предоставленъ свободный выборъ биевъ по равному числу, какъ для истца, такъ и для отвѣтника (обыкновенно — по 2 и по 3 біа и болѣе, смотря по важности дѣла).

Въ третейскіе біи, т. е. судьи, могутъ быть выбраны сторонами и простые киргизы, обладающіе даромъ слова и пользующіеся общимъ уваженіемъ и вліяніемъ не только среди своихъ сородичей, но и у другихъ киргизовъ.

Киргизъ, имѣющій претензію на киргиза другой волости и другого аула, ѣдетъ за полученіемъ удовлетворенія въ волость своего противника и беретъ вмѣстѣ съ собой одного или двухъ изъ своихъ сородичей, во многихъ случаяхъ онъ даже даетъ имъ лошадь на проѣздъ и всѣ дорожные расходы принимаетъ на себя. Эти лица со стороны истца выступаютъ въ качествѣ защитниковъ его интересовъ; по пріѣздѣ въ волость, остановившіеся обыкновенно у кого-нибудь изъ родственниковъ, если имѣются таковые, или

же у аульбаго старшины, или же у кого нибудь изъ родственниковъ своего противника, истецъ и сопровождающія его лица обращаются къ самому вліятельному киргизу, въ аулѣ котораго проживаетъ отвѣтчикъ, съ просьбой посодѣйствовать рѣшенію дѣла миролюбивымъ третейскимъ судомъ. Въ случаѣ отказа содѣйствія со стороны послѣдняго, истецъ обращается съ просьбой назначить третейскій судъ къ аульной или къ волостной администраціи, а иногда прибѣгаетъ и къ содѣйствію уѣзднаго начальника, который предписываетъ обыкновенно волостному удовлетворить просьбу истца. Третейскій судъ происходитъ въ большинствѣ случаевъ въ аулѣ отвѣтчика. Если дѣло разбирается въ волости, обѣ стороны, выбравъ по равному числу бievъ-судей, расписываются въ книгѣ, что избираютъ въ третейскіе судьи такихъ-то лицъ для рѣшенія такого-то дѣла и что безпрекословно подчинятся безъ права апелляціи ихъ постановленію. Обыкновенно подпись какъ истца, такъ и отвѣтчика, удостоверяется аульнымъ старшиной или кѣмъ-либо изъ почетныхъ лицъ. Сначала предоставляется слово истцу, который излагаетъ подробно всѣ обстоятельства и причины спора, а затѣмъ предоставляется говорить отвѣтчику. Выбранные сторонами бii, выслушавъ внимательно показанія и доводы обѣихъ сторонъ, въ случаѣ, если обвиняемый сознается въ своемъ преступленіи или признаетъ предъявленный на него искъ, постановляютъ взыскать съ отвѣтчика искомую сумму, если дѣло касается взысканія долга. Если же дѣло касается обвиненія въ кражѣ скотины или въ какомъ либо другомъ преступленіи, обвиняемый присуждается ко взысканію стоимости украденнаго и къ уплатѣ установленнаго обычаемъ штрафа въ пользу обвинителя и бійлыка — вознагражденія въ пользу рѣшавшихъ дѣла бievъ, причѣмъ присуждается и плата въ пользу нисавшаго рѣшеніе.

Если бii не могутъ достигнуть единогласія, то они иногда выбираютъ изъ среды своей по одному человѣку и болѣе съ каждой стороны, смотря по важности дѣла, и поручаютъ этимъ выбраннымъ рѣшеніе дѣла, обѣщаясь напередъ подчиниться ихъ постановленію. Рѣшеніе ихъ объявляется истцу и отвѣтчику и другимъ бiiамъ, не участвовавшимъ въ рѣшеніи дѣла. Въ случаяхъ, когда стороны сильно озлоблены другъ противъ друга и не соглашаются кончить миромъ дѣло, а бii не придутъ къ общему единогласному рѣшенію, то стороны, по взаимному согласію, выбираютъ кого-

либо въ посредники, который является вершителемъ судьбы и въ большинствѣ случаевъ, если не подкупленъ одной изъ сторонъ, рѣшаетъ дѣло, уменьшая предметъ спора въ половину. Въ посредники можетъ быть избранъ всякій, какъ изъ должностныхъ, такъ изъ простыхъ киргизовъ, пользующихся почетомъ среди всего населенія, также изъ другихъ націй. Рѣшеніе посредника считается окончательнымъ и обжалованію не подлежитъ. За отсутствіемъ достаточныхъ уликъ и письменныхъ документовъ, дѣло обыкновенно рѣшается посредствомъ очистительной присяги, которая состоитъ въ слѣдующемъ.

Присяга, какъ въ современномъ, такъ и въ древнемъ киргизскомъ судопроизводствѣ служитъ однимъ изъ самыхъ главныхъ способовъ судебныхъ доказательствъ, и въ киргизскомъ быту она имѣетъ громадное и при томъ рѣшающее значеніе, такъ какъ почти вседѣло на ней покоятся всѣ киргизскіе судебные процессы. Выбранные бii, разсматривая дѣло, если нѣтъ на-лицо никакихъ доказательствъ, въ случаѣ несогласія сторонъ на мировую сдѣлку, обыкновенно опредѣляютъ, чтобы дѣло кончилось присягой кого-либо изъ общества отвѣтчика, по выбору истца, съ правомъ отвода отвѣтчикомъ враждебныхъ ему лицъ въ волости; прежде всего отвѣтчику предлагается бiями указать находящихся въ ссорѣ съ нимъ лицъ въ волости, а затѣмъ предоставляется истцу выбрать поименно кого-нибудь на присягу изъ общества отвѣтчика, не состоящаго въ ссорѣ съ послѣднимъ. Послѣ указанія истцомъ присягателя, бiями дѣлается слѣдующее заключеніе.

Если избранный приметъ присягу за отвѣтчика, то послѣдній освобождается отъ суда, а въ случаѣ отказа избраннаго отъ дачи присяги, обвиняемый присуждается ко взысканію искомой суммы, а также и къ уплатѣ установленнаго обычаемъ штрафа въ пользу обвинителя, если дѣло уголовное, т. е. касается обвиненія въ кражѣ или грабежѣ или обиды дѣйствіемъ или словами. Сообразно съ разстояніемъ мѣста жительства какъ отвѣтчика, такъ и присяжнаго, бiями назначается присягателю мѣсто и время для явки на присягу. Доставка присягателя на указанное мѣсто къ назначенному сроку лежитъ на обязанности отвѣтчика. Мѣстомъ для присяги обыкновенно назначаются аулы какого-нибудь вліятельнаго и богатаго киргиза. Собственно говоря, существеннымъ обстоятельствомъ у киргизовъ считается не самая присяга, а пріѣздъ

выбраннаго присягателя въ назначенное время въ указанный бѣими ауль.

Если въ назначенный день до заката солнца явится выбранное лицо къ указанному мѣсту, то этого совершенно достаточно, и тогда обвиняемый освобождается отъ взысканія. Лицо, избранное для принятія за отвѣтчика очистительной присяги, прежде чѣмъ рѣшится на принятіе присяги или на отказъ отъ нея, приступаетъ къ всестороннему разслѣдованію дѣла и при томъ употребляетъ всевозможныя средства склонить стороны къ миру, такъ что въ этомъ случаѣ присягатель является посредникомъ между истцомъ и отвѣтчикомъ.

Въ случаяхъ, когда стороны добровольно не соглашаются на мировую сдѣлку, выбранный присягатель, желая и избѣжать присяги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправдать отвѣтчика, предлагаетъ истцу получить съ обвиняемаго, въ случаяхъ справедливаго иска, половину предъявленнаго иска, а въ большинствѣ случаевъ весьма незначительную часть его, угрожая, что въ случаѣ несогласія истца на предлагаемую сумму, онъ явится дать присягу въ невиновности обвиняемаго. Поэтому истецъ, опасаясь лишенія всякаго вознагражденія, невольно соглашается на полученіе предлагаемой присяжнымъ суммы. Этотъ способъ улаживанія миромъ судебныхъ дѣлъ практикуется среди всѣхъ киргизовъ почти повсемѣстно.

Еще среди киргизовъ встрѣчается довольно часто примѣняемая форма другой клятвы или присяги.

Когда обвиняемый отказывается отъ возводимыхъ на него обвиненій, то истецъ предлагаетъ иногда отвѣтчику или послѣдній—обвинителю, въ доказательство правоты своей, лизнуть ноготь большого своего пальца или выпить чашку воды, но лично мѣ не пришлось видѣть обряда такой присяги.

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и волостяхъ Тургайской и др. областей) присягу иногда стали давать присяжные въ присутствіи какого-нибудь почетнаго киргиза на коранѣ; этотъ способъ присяги примѣняется по преимуществу среди киргизовъ, живущихъ вблизи города или поселковъ. Это объясняется, конечно, влияніемъ шатающихся татарскихъ муллъ.

С. Сабатаевъ.

Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ.

Былина о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, крестнымъ сыномъ племянникомъ, дочерью—одна изъ самыхъ популярныхъ былинъ русскаго богатырскаго эпоса. Въ печати извѣстенъ 21 пересказъ этой былины; моя поѣздка и А. Д. Григорьева на Бѣлое море въ 1899 г. прибавила къ этому количеству еще 7 новыхъ записей ¹⁾ Изъ 28 извѣстныхъ мнѣ вариантовъ 12 приходятся на Олонецкую губернію, 10 на Архангельскую, 2 на Сибирь, 3 на Симбирскую губернію и одинъ на Воронежскую ²⁾. О популярности этой былины свидѣтельствуетъ также то, что ея сюжетъ, съ небольшими измѣненіями, является въ цѣломъ рядѣ другихъ былинъ. Однѣ изъ нихъ представляютъ довольно близкіе варианты основнаго сюжета: бой Ильи съ Алешей Дородовичемъ ³⁾, Жидовиномъ, молодцемъ изъ Задонской земли (моя запись); въ другихъ замѣтна болѣе сильная переработка; таковы—о боѣ Ильи съ Добрыней, Добрыни съ Дунаемъ (моя запись) или съ Алешей ⁴⁾, Добрыни съ сыномъ ⁵⁾, Саура Леванидовича съ сыномъ, о королевичахъ изъ Крякова, о братьяхъ Дородовичахъ. Насколько интересовала былина объ Ильѣ Муромцѣ и его сынѣ народъ, настолько же

¹⁾ 3 мои и 4 г. Григорьева; всѣ эти записи войдутъ въ печатающійся теперь сборникъ „Бѣломорскіе былины“.

²⁾ Изъ Вологодской губ. извѣстенъ крайне сокращенный и искаженный прозаическій пересказъ этой былины: Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, подъ ред. Харузинъ, II, 170, № 3. (Труды Этногр. Отдѣла, т. XI, в. 1).

³⁾ *Гильфердингъ*, № 250.

⁴⁾ *Иб.*, № 49, первая половина.

⁵⁾ *Иб.*, № 65, то же; *Рыбниковъ*, III, 79—81

вопросъ объ ея происхожденіи заинтересовалъ изслѣдователей русскаго народнаго эпоса. Буслаевъ, Орестъ Миллеръ, академикъ Веселовскій, проф. В. Θ. Миллеръ, проф. Халанскій удѣлили этой былинѣ значительное количество страницъ въ своихъ работахъ по русскимъ былинамъ. Отличительною чертою всѣхъ изслѣдовавій этой былины является то, что они останавливались преимущественно на сюжетѣ ея, такъ или иначе объясняя его появленіе на русской почвѣ, и почти не затрогивали вопроса о національной переработкѣ его—откуда бы онъ ни попалъ на эту почву,—иначе сказать, вопроса о мѣстѣ и времени сложенія *русской* былины.

Сколько мнѣ извѣстно, только два изслѣдователя коснулись, и то слегка, исторической основы обстановки, при которой совершается столкновение Ильи съ сыномъ; это именно—пограничная застава, на которой стоятъ русскіе богатыри во главѣ съ Муромцемъ. Г. *Квашининъ-Самаринъ*¹⁾ видѣлъ въ этой заставѣ южныя степныя укрѣпленія временъ князя Владимира, которыя состояли изъ тына, тянувшагося непрерывною цѣпью между городками и охраняемаго постоянною стражей. Проф. *Владимировъ*²⁾ для объясненія богатырской заставы приводитъ лѣтописныя извѣстія о „княжескихъ стоянкахъ съ полками на границѣ съ половецкимъ полемъ по цѣлому лѣту (1192—3 гг.), чтобы стеречи землю Русскую“. Какъ южныя степи, говоритъ онъ далѣе, еще въ XIV—XVII вв. сохраняли дотатарскія преданія въ географическихъ названіяхъ и обычаяхъ сторожевой службы, такъ былины сохранили память о „боевой жизни въ полѣ Половецкомъ, на заставѣ противъ степняковъ“. Но какъ мѣстныя степныя названія, приводимыя авторомъ (сторожа Святогорская, сторожи въ полѣ), такъ и специальный терминъ для обозначенія защиты русскихъ границъ отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ „сторожевая служба“ не имѣютъ прямого отношенія къ былинѣ, въ которой говорится

1) „Бесѣда“ 1871 г., V, 234—5. Указаніе его принимаетъ и проф. А. *Соболевскій*, прибавляя, что „сходныя заставы въ древности должны были существовать и въ Муромо-Рязанской землѣ, также граничившей со степью“ („Живая Страница“, г. II, 1892, вып. II, 121, прим. 2). О „сторожевыхъ пограничныхъ станкахъ“ въ X—XIV вв., какъ объ исторической основѣ богатырской заставы, упоминалъ также Л. *Майковъ*: О былинахъ Владимірова цикла, 79.

2) Введеніе въ Исторію Русской Словесности, 217, 221—2.

о заставѣ, а не о сторожахъ. До насъ дошло значительное количество официальныхъ указовъ, доношеній и росписей, относящихся къ сторожевой службѣ на степной украинѣ Московскаго государства (второй половины XVI в. и XVII в. ¹⁾), и ни въ одномъ изъ этихъ документовъ слово *застава* даже не упомянуто. Съ другой стороны, если предположить, что наша былина возникла въ южныхъ степяхъ въ московскую эпоху, то было бы болѣе чѣмъ странно видѣть атамана городовыхъ казаковъ, станичную голову въ лицѣ Ильи Муромца, который въ одну изъ своихъ поѣздокъ съ такимъ пресрѣніемъ отнесся къ заступившимъ ему дорогу станичникамъ, что даже не сталъ съ ними биться и не принялъ ихъ „въ холопство вѣковѣчное“, назвавши ихъ ворамп-разбойниками, плутами-подорожниками ²⁾. Впрочемъ, въ отдельныхъ вариантахъ былины о боѣ Ильи Муромца нетрудно замѣтить наслоенія эпохи XVI—XVII вв., черты казакскаго быта. Такъ, иногда Илья называется донскимъ казакомъ ³⁾ и атаманомъ ⁴⁾; на заставѣ является податѣманье ⁵⁾ и есаулъ ⁶⁾. Но основной изводъ былины возникъ не въ южно-русскихъ степяхъ и въ болѣе раннюю эпоху. Я постараюсь хотя бы приблизительно опредѣлить время и мѣсто возникновенія этого основного извода.

Дѣйствіе былины происходитъ на пограничной *заставѣ*; рассказомъ о заставѣ открываются 6 пересказовъ Олонецкой губерніи, 6 пересказовъ Архангельской и 2 пересказа, записанные въ Воронежской и Томской губерніяхъ ⁷⁾; что упоминаніе заставы принадлежало первоначальному виду нашей былины, признаетъ и В. О. Миллеръ ⁸⁾. Историческая справка показываетъ, что это

¹⁾ „Чтенія въ И. О. Исторія и Древностей Росс.“ 1846, № 4: О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской украинѣ Московскаго государства, *Бяляева*, стр. 11—7, 27—9, 46—54; *Источники*, стр. 5—86.

²⁾ *Киртневскій* I, 20, 24, 40; VII, Доп., 8; *Рыбниковъ*, III, 40, 50; *Гильбердинъ*, №№ 221, 266, 271, 287, 291 и 305.

³⁾ *Рыбниковъ*, II, 345; запись г. Григорьева, № 8.

⁴⁾ *Киртневскій*, I, 46=IV, 6; IV, 12; запись г. Григорьева № 1 и моя № 98.

⁵⁾ *Киртневскій*, I, 46, 52.

⁶⁾ *Ibid*, 46; запись г. Григорьева, № 1.

⁷⁾ *Рыбниковъ*, I, 75; II, 345; *Гильбердинъ*, №№ 77, 246, 250, 265; *Киртневскій* I, 7, 52; IV, 6, 12; VII, Доп., 1; запись г. Григорьева, №№ 1, 26; моя запись, № 98.

⁸⁾ *Эскурсы*, 138.

слово употреблялось преимущественно по отношенію къ отрядамъ, помѣщавшимся на литовской границѣ для защиты русскихъ областей. Въ первый разъ оно встрѣчается въ Ипатской лѣтописи подъ 1205 г., когда литовцы и ятвяги, напавшіе на Волынское княжество, встрѣтили тамъ заставу въ г. Уханяхъ; въ 1368 г. Ольгердь и Кейстуть по дорогѣ къ Москвѣ побили „московскую“ заставу на рѣкѣ Тростнѣ ¹⁾ (вѣроятно, —теперешняя Трошанка, правый притокъ Днѣпра, выше Друти). Замѣтимъ, что въ одномъ пересказѣ нашей былины ²⁾ (а также во вставкѣ отсюда въ былинну о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича ³⁾) заставка называется именно „Московскою“, причемъ противникъ Илья, въ данномъ случаѣ—его дочь, родомъ изъ Литвы. Упоминаются и литовскія заставы ⁴⁾: въ литовско-русской лѣтописи говорится о „Лядской заставѣ“, находившейся во второй половинѣ XIV в. въ Виленскомъ округѣ ⁵⁾; въ 1484 г. литовскій король для защиты своихъ владѣній отъ Москвы поставилъ въ Смоленскѣ заставу въ количествѣ 10 тысячъ человекъ, которая стояла почти цѣлый годъ ⁶⁾. Гораздо рѣже встрѣчается упоминаніе пограничныхъ заставъ для защиты Московскаго государства отъ татарскихъ набѣговъ; я могъ найти только два такихъ мѣста: въ 1468 г. московскій в. князь разослалъ заставы въ Муромъ, Нижній Новгородъ, Коострому и Галичъ ⁷⁾; въ 1528 г. упомянута заставка близъ Оки противъ крымскаго хана. Наконецъ, однажды заставой названо шведское войско, защищавшее въ 1496 г. Выборгъ отъ нападенія новгородцевъ ⁸⁾.

Посмотримъ теперь, гдѣ былины помѣщаютъ богатырскую заставу. Большинство вариантовъ (9) говорить, что она стояла

¹⁾ Срезневскій, Матеріалы для словаря древнерусскаго языка, I, 947.

²⁾ Рыбниковъ, I, 66—Гильбердинъ, № 77.

³⁾ Гильбердинъ, № 118—Кирьевскій, II, второе изд., 98.

⁴⁾ Между прочимъ и городскія: въ 1503 г. Витебску былъ данъ привилей, которымъ приказывалось „въ заставу нигдѣ витѣлянъ не сажати“. Срезневскій I. с.

⁵⁾ Ученыя Записки Второго отд. И. Академіи Наукъ, кн. I, отд. III, 37.

⁶⁾ Срезневскій, I. с. Ср. въ одномъ пересказѣ у Кирьевскаго, IV, 12: „стояли за Кіевомъ по три года“.

⁷⁾ Полное собраніе русск. лѣтописей, VI, 187—VIII, 152—Русская лѣтопись по Никонову списку, ч. VII, 4.

⁸⁾ Срезневскій, I. с.

около Кіева ¹⁾; два прибавляютъ: у Днѣпра или за Днѣпромъ ²⁾. Мнѣ это приуроченіе кажется слишкомъ эпическимъ, чтобы на него опереться: заставу во главѣ съ Ильей Муромцемъ, исконнымъ кievскимъ богатыремъ, каждый пѣвецъ легко могъ перенести подъ Кіевъ и даже помѣстить въ Кіевъ или за три версты отъ города ³⁾, что не имѣетъ уже никакого смысла. Два пересказа ⁴⁾ помѣщаютъ заставу между Кіевомъ и Черниговомъ, двумя эпическими городами, вѣроятно, ничего не говорящими сознанию пѣвца. Гораздо большаго вниманія заслуживаютъ три пересказа, записанные на Кѣнозерѣ ⁵⁾ и помѣщающіе заставу „на Латынской дорогѣ“. Что это за дорога? очевидно, — тотъ путь, которымъ приходили къ намъ западные купцы; пользуясь старыми извѣстіями, можно нѣсколько точнѣе опредѣлять этотъ путь. Не говоря о церковныхъ, напр., полемическихъ сочиненіяхъ, гдѣ „латынскимъ“ называлось все католическое, слово „латива“ употреблялось преимущественно или по отношенію къ иностранцамъ, приходившимъ по Двинѣ въ Полоцкую область и Смоленскъ, или по отношенію къ остзейскимъ нѣмцамъ ⁶⁾. Въ торговыхъ договорахъ 1229 и 1265 г. „латынскими гостями“ и „Латынскимъ языкомъ“ названы двинскіе купцы ⁷⁾; подъ 1271—2 г. „поганой латыной“ называются ливонскіе рыцари ⁸⁾; въ псковскомъ сказаніи о князѣ Довмонтѣ такъ названы нѣмцы и шведы, нападавшіе на Псковъ ⁹⁾. Латынская дорога упоминается и въ другихъ былинахъ объ Ильѣ Му-

¹⁾ *Киртескій*, I, 43 (=IV, 6), 2; IV, 12; *Рыбниковъ*, I, 75, 81 (=Гильфердингъ, № 46); II, 345; *Гильф.*, № 114; записи г. Григорьева, № 1, мая, № 98.

²⁾ *Киртескій*, I, 8; VII, Доп., 1.

³⁾ Запись г. Григорьева, № 1; *Рыбниковъ*, I, 75.

⁴⁾ *Киртескій*, I, 52; мая запись № 98.

⁵⁾ *Гильфердингъ*, №№ 246, 250 и 265.

⁶⁾ Латынскіе жеребцы упоминаются въ былинахъ о Чуриль: *В. Миллеръ*, *Очерки*, 194; *Рыбниковъ*, III 123—4; о Ставрѣ: *Тихонравовъ и Миллеръ*, I, 54—6; латынскіе кони — въ двухъ былинахъ изъ Нижегородской губ.: *Киртескій*, I, 38; II, 93; латынскія сѣдла — въ былинѣ о Чуриль: *Рыбн.* I, 266.

⁷⁾ *Нанкерскій*, Русско-ливонскіе акты, 430—3; *Собр. Госуд. Гр. и Дог.* II, 4 „Латынскій языкъ“ для обозначенія народовъ, населявшихъ бассейны Балтійскаго моря, встрѣчается и въ Новгородскихъ грамотахъ XIII в. *Аристовъ* *Промышл. древней Руси*, 200, 233.

⁸⁾ *Совѣйскій Временникъ*, I, 284—5.

⁹⁾ П. С. Р. Л. V, 7, 51.

ромцѣ, записанныхъ на Кенозерѣ, но въ эти былины она попала, несомнѣнно, изъ былинъ о боѣ Ильи съ сыномъ: въ одной былинѣ ¹⁾ Латинская дорога упоминается въ связи съ богатырской заставой; въ другой ²⁾—она помѣщена между Кіевомъ и Царьградомъ; въ третьей ³⁾—она ведетъ къ станичникамъ, которые, какъ извѣстно, оберегали южнорусскія степныя окраины. Важно отмѣтить, что въ записанной тамъ же былинѣ объ Ильѣ и Калинѣ богатырь бьется съ *татарами* на „дорожкѣ Латышевиной“ ⁴⁾, которая могла зайти въ эту былину изъ былины о боѣ Ильи съ сыномъ, а это довольно точно свидѣтельствовало бы о мѣстѣ дѣйствія послѣдней былины.

Лѣтописныя свидѣтельства о пограничныхъ заставахъ и указанія былины на Латинскую дорогу, какъ мѣсто ея дѣйствія, отводятъ насъ въ западно-русскія области; болѣе точныхъ указаній можно ожидать, если мы узнаемъ національность противника Ильи Муромца. Въ трехъ пересказахъ изъ Симбирской губ. ⁵⁾, крайне искаженныхъ и скомканныхъ въ 18—32 стиха, онъ опредѣленно называется „татарченкомъ-бусурманченкомъ; но это названіе могло быть приноровленіемъ къ эпической біографіи Муромца, постоянного врага татаръ, и такъ какъ оно встрѣчается лишь въ пересказахъ Симбирской губ., гдѣ татары до сихъ поръ хорошо знакомы населенію, его нельзя возводить къ основному изводу былины. Въ вариантѣ Воронежской губ. ⁶⁾ сынъ Ильи называетъ свою мать полькой. Орестъ Миллеръ ⁷⁾ понимаетъ это названіе не въ этнографическомъ смыслѣ: „думаю, говоритъ онъ, что *полька* тутъ—въ смыслѣ *полякующей*, поляницы“. Я не вижу основаній для такого предположенія; пѣвецъ могъ замѣнить, можетъ быть, не совсѣмъ удачно, этимъ названіемъ другое, ставшее уже непонятнымъ. Подобныя замѣны встрѣчаются и въ лѣтописяхъ: такъ, Густинская лѣтопись подъ 1106 г. вмѣсто Зими-

1) *Гильбердинъ*, столб. 1136.

2) *Ibid.*, 1148.

3) *Ib.*, 1052.

4) *Ib.*, 1271.

5) *Кирьевскій*, I, 2, 3, 5.

6) *Ibid.*, VII, Прил., 3.

7) *Илья Муромецъ и богатырство кіевское*, 38—9.

голы поставила болѣе извѣстное литовское племя Жмудь ¹⁾. Такой же попыткой замѣнить старое ставшее непонятнымъ названіе другимъ, болѣе знакомымъ, можно считать производство дочери Ильи, съ которой онъ бѣется, изъ Литвы. Какъ я указалъ выше, это производство встрѣчается въ той единственной былинѣ, которая называетъ заставу „московскою“; эти названія могли войти въ былинку въ XIV—XV вв., въ эпоху усиленной борьбы Московскаго государства съ Литвою.

Какой же національности была та иностранка, отъ связи которой съ Ильей родился сынъ, впоследствии противникъ своему отцу? Чаше всего она называется *бабой Латыгоркой*, съ различными искаженіями, о которыхъ я скажу далѣе. Это названіе, какъ и многое другое въ нашемъ эпосѣ, до сихъ поръ оставалось неразъясненнымъ, несмотря на то, что оно интересовало многихъ изслѣдователей русскаго эпоса ²⁾. Одно изъ племенъ, перечисленныхъ Начальнымъ лѣтописнымъ сводомъ, Лѣтьгола (теперь латыши), въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, относящихся къ XIII в. и къ первой половинѣ XIV, носитъ названіе Лотыголы и Латыголы; первая Псковская лѣтопись называетъ его подъ 1228 г. Латыгорой ³⁾ („Латыгору“—вин. пад.), подъ 1341 г. Лотыгорой и Латыгорой (имен. Латыгора и Лотыгори, род. Лотыгорей, вин. Лотыгору и Лотыгорѣ, твор. съ Лотыгорою, мѣстн. въ Лотыгорѣ); Никоновскій сводъ подъ 1341 г. упоминаетъ „Латигору“ ⁴⁾. Т. Биленштейнъ (которому осталась неизвѣстна „Латигора“ Никоновской лѣтописи) склоненъ объяснять это р тѣмъ, что лѣтописецъ

¹⁾ П. С. Р. Л. II, 287.

²⁾ Мнѣніе *Бессонова* въ замѣткѣ къ IV вып. пѣсень *Киревскаго* и во II т. *Рыбникова* (стр. CVI); *Буслаева* въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, т. XLI, стр. 29; академикъ *Вессоловскаго* въ „Сборникѣ отдѣл. Русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ“, т. XXXVI, № 3, стр. 337—8; *Ореста Миллера*—Илья Муромецъ и богат. киевское, 19, 26, 30.

³⁾ Проф. *Соболевскій* (Этнографическое Обзорѣніе, кн. VIII, 1891 г., стр. 254) привлекаетъ эту форму къ объясненію не Латыгорки, но камня Латыря, въ которомъ онъ видитъ (предполагаемое) названіе одной изъ латышскихъ горъ, забывая о томъ, что Латырь составляетъ принадлежность апокривической литературы и что въ былинѣ онъ попалъ изъ стиха о Голубиной книгѣ (см. вполнѣ убѣдительное объясненіе акад. *Вессоловскаго*: Разысканія въ области русск. дух. стих. III—V, Сиб. 1881, стр. 24).

⁴⁾ П. С. Р. Л. IV, 178, 186; X, 213, св.

или тотъ, кто передавалъ ему извѣстіе, смѣшалъ названіе племени съ названіемъ одного мѣстечка въ Лифляндской губ., называвшагося въ XIII в. *Lethegore* (теперь латыш. *Lēdurga*, нѣм. *Loddiger* ¹⁾). Но 1) форму Латыгора мы находимъ въ разныхъ лѣтописяхъ и подъ разными годами; 2) *p* звучитъ до сихъ поръ въ названіи деревни Тверской губ., Вышневолоцкаго уѣзда Латыгорева ²⁾ (отъ Латыгоръ, ср. въ лѣтописи множ. ч. Лотыгори), наряду съ *l* въ имени другого селенія, Могилевской губ., Свининскаго у. Лотыголь ³⁾. На этихъ основаніяхъ въ этой формѣ нельзя видѣть что-нибудь случайное, и всего естественнѣе объяснять ее русской народной этимологіей, примѣры которой мы увидимъ далѣе въ различныхъ осмысленіяхъ „Латыгорки“.

Въ двухъ пересказахъ нашей былины мы встрѣчаемъ наряду съ Латыгоркой другое названіе — Семигорка: „Семигорка, баба Владимерка“ или „Владмирка“ ⁴⁾. „Что такое *Семигорка*?, спрашивасть *Ор. Миллеръ* ⁵⁾: ошибкой ли тутъ число 7, или же этимъ намекается на какое-нибудь... *семизоріе*?“ Дѣйствительно, это названіе напоминаетъ Семигоры, село Кіевской губ, Каневскаго у., на р. Роси, существовавшее еще въ XVI в. ⁶⁾; но это село всегда было (мало)русскимъ, тогда какъ Семигорка - Латыгорка представляется иностранкой. Сопоставленіе этихъ двухъ именъ, какъ бы покрывающихъ одно другое, заставляетъ искать Семигорку среди литовскихъ племенъ. Въ Начальной лѣтописи созвучное съ нею племя носитъ названіе Зимголы, Зимголы, Зимѣголы; оно упоминается два раза при перечисленіи племенъ, а затѣмъ подъ 1106 г. ⁷⁾. Въ послѣдствіи русскіе лѣтописи ничего не говорятъ о Зимиголѣ, и мы не знаемъ, какъ русскіе называли это племя въ XIII—XIV вв. Въ западныхъ источникахъ наряду съ формами, въ

¹⁾ *Bielenstein*, Die Grenzen des lettischen Volkstammes, и пр. St-P. 1892, стр. 53,470, прим. 53.

²⁾ Тверская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ. Сиб. 1862, стр. 127, № 4046.

³⁾ *Барсовъ*, Очерки русской историч. географіи, 344, 43.

⁴⁾ *Рыбниковъ*, II, 349 (отъ Петра Корнилова); *Гильбердингъ*, № 114 (отъ Семена).

⁵⁾ *Ор. с.*, 27.

⁶⁾ *Семеновъ*, Географическо-статистическій словарь Росс. имп. IV, 549.

⁷⁾ П. С. Р. Д. I, 2, 5, 120; V, 82, 84; VII, 20, 261, 264; IX, 2, 5, 140; XV, 18, 22; XVI, 8, и друг.

которыхъ звучить *z*, мы находимъ и формы съ *s*: въ латинскихъ хроникахъ и актахъ, относящихся къ XIII—XIV вв., постояннымъ написаніемъ является *Semigallia*, *terra Sengalle*, *Semigalli*, *Semigallia*, *terra Semigalli*, *Semigalliensis*¹⁾. Въ одномъ литовско-русскомъ актѣ 1588 г. упоминается „Семигальская земля“ (вмѣстѣ съ Жомойтской и Ифлянтской²⁾). Если эта форма была лишь мѣстнымъ, литовскимъ³⁾ названіемъ, все же она свидѣтельствуетъ о томъ, что позднѣе XII в. русскіе могли называть Зимиголу нѣсколько иначе: какъ Лѣтьгола Начальной лѣтописи впоследствии звучала какъ Лотыгола⁴⁾, Латыгола, Латыгора, — такъ и Зимигола могла называться Семиголой, что могло быть осмыслено въ „Семигору“. Объясняя такимъ образомъ „бабу“ нашей былины, я исхожу изъ предположенія, что въ основномъ изводѣ она называлась Латыгоркой-Семигоркой, причѣмъ слагатель былины смѣшивалъ эти два литовскія племени, къ чему былъ поводъ какъ въ ихъ сосѣдствѣ между собою, такъ и въ созвучіи названій. Совершенно аналогичное смѣшеніе мы находимъ въ былинѣ о Дунаѣ, гдѣ чахове-ляхове и король шаховинскій-ляховинскій⁵⁾ представляются людьми одной національности.

1) *Scriptores rerum Livonicarum* I. Riga und Leipzig. 1853. 52, 140, 296, и пр.; *Scr. rer. Prussicarum* II. Leipzig. 1863. 60, 141; *Bunge*, *Liv- Esth- und Curländisches Urkundenbuch* I. Reval. 1853. 50, 223, 716 и пр.; II, Heft 7 Riga. 1873. 615, 629; *Bielenstein*, *op. c.*, 128 и слѣд., 447 и слѣд.

2) *Страница*, Географическій словарь древней Жомойтской земли XVI столѣтія, 289; *Bielenstein*, *op. c.*, 133.

3) И при этомъ—официально-стариннымъ, т. е. географическія названія (полей, имѣній, округовъ) конца XVI в. показываютъ, что народнымъ названіемъ было —*Же(й)мигола*.

4) Этой формѣ соответствуетъ латинское написаніе *Letthigallia* (у Генриха Латыша подъ 1208: *Scriptores rerum Livonicarum*, I, 118, 122, 126), между тѣмъ какъ Лѣтьгола отвѣчаютъ формы: *Letgalli*, *Lettgallia*, нѣм. *Letgallen*, (*ib.*, 96; *Scr. rer. Prussicarum*, II, 835; *Bunge*, *op. c.* II. Heft 7, стр. 745).

5) Извѣстія Отдѣленія русск. языка и словесн. И. Академіи Наукъ, т. V (1900 г.), кн. I, стр. 72, прим. 4. Высказанная здѣсь мною догадка относительно тождества географическаго названія, встрѣчающагося въ былинѣ о Василь-пьяницѣ, „Шахова-Якова“ съ землей Чаховой-Ляховой недавно подтвердилась. Въ варіантѣ той же былины, записанномъ А. Д. Григорьевымъ лѣтомъ 1900 г., соответствующее мѣсто читается такъ:

„Были мы (туры), матушка, во Шахови,
Во Шахови были да во Ляхови;
Во полночь де прошли да стольней Кіевъ-градъ“.

Теперь я нѣсколько остановлюсь на вариантахъ названій Латыгорки и Семигорки. Въ трехъ былинахъ, записанныхъ мною на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря ¹⁾, баба называется Латынгоркой (однажды пѣвецъ назвалъ ее Латынкой) и въ одномъ пересказѣ помѣщается на Латынскихъ горахъ; этотъ пересказъ не упоминаетъ о заставѣ и, вопреки всѣмъ другимъ, начинается рассказомъ о самой бабѣ:

Шьто на тихъ было горахъ на Латыньскихъ жа,
 Какъ у той же было бабы у Латынгорки
 А какъ было у ей да-чадо милоѣ, и пр.

Если мы припомнимъ, что другіе пересказы открываются заставой, которая помѣщается, по нѣкоторымъ изъ нихъ, на Латынской дорогѣ, то нетрудно догадаться, что пѣвецъ осмыслилъ непонятное названіе болѣе знакомой ему латыной ²⁾, можетъ быть, заимствовавъ это слово изъ рассказа былины о заставѣ на Латынской дорогѣ. Мезенскій пересказъ ³⁾ называетъ любовницу Ильи *Златогоркой* ⁴⁾. Сопоставленіе такой формы съ златомъ, золотомъ даетъ новое искаженіе: сынъ ея оказывается родомъ изъ Золотой орды ⁵⁾, при чемъ онъ въ то же время остается уроженцемъ „Западныхъ странъ“ или „Сиверной страны“ ⁶⁾. Въ нѣкоторыхъ олонецкихъ пересказахъ „баба“ называется Латымиркой, Влади-

¹⁾ №№ 70, 81 и 94; № 81 напечатанъ въ „Юбилейномъ сборникѣ въ честь В. Ө. Миллера“, подъ ред. *Личука*, стр. 150.

²⁾ Латынская гора упоминается въ былинѣ о Калинѣ: *Гильбердинъ*, № 105. Ср. вышеупмянутую „дорожку Латышкину“.

³⁾ *Тихонраговъ и Миллеръ*, II, 114; здѣсь она названа также и *Златогоркой*.

⁴⁾ Названіе *Святѣгорки*, въ записи, сдѣланной г. Григорьевымъ въ 1900 г., объясняется смѣшеніемъ со Святогоромъ и Святыми горами.

⁵⁾ Сближеніе этихъ названій сдѣлано акад. *Веселовскимъ*: Сборникъ отд. Русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. XXXVI, № 3, стр. 337.

⁶⁾ *Гильбердинъ*, №№ 226, 233 и 265. „Сиверная страна“ объясняется названіемъ Латыгорки въ этихъ былинахъ (а также въ № 219—*Рыбникъ*, III, 54) „Сиверьяничной“ (объясненіе этого имени я предлагаю далѣе); что же касается „Западныхъ странъ“, то, дѣйствительно, такъ называли прибалтійскія области. Въ повѣсти объ Александрѣ Невскомѣ говорится, что смотрѣть ва него приходилъ „нѣкто сизевъ отъ *Западныхъ странъ*, иже нарицаются слугы Божія, (т.-е. рыцарь Ливонскаго или Тевтонскаго ордена) именемъ Андрѣяшъ“. П. С. Р. Л. V, 2.

меркой, Владимиркой ¹⁾. Что послѣднія двѣ формы явились путемъ осмысливанія первой, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но для объясненія „Латымирки“ приходится построить гипотетическую форму *Семирка, съ опущеніемъ го = но, чему аналогіей могутъ служить формы: бла(го)словить, дай - (Го)споди ²⁾, Б(ог)уславъ, Черни(го)въ - градъ ³⁾, спасибо(тъ), фря(гъ). Семирка и Латыгорка, сопоставляемая въ былинѣ рядомъ, могли дать Латымирку. Вариантъ этой гипотетической формы *Семерка (изъ *Семегорка), основанный на чередованіи и и е въ формахъ: Зимигола—Зимѣгола, Semigallen—Semegallen ⁴⁾, объяснилъ бы имя противника Илыи Муромца въ одномъ олонцекомъ пересказѣ—Семерчанинъ, по мѣстному говору и съ прибавленіемъ второго суффикса—Семерцаниновъ ⁵⁾. Акад. Веселовскій ⁶⁾ сопоставляетъ это названіе съ именемъ любовницы Муромца въ другихъ пересказахъ—Сиверьянична, при чемъ ф. „Семерцаниновъ“ считаетъ искаженіемъ ф. „Северданиновъ“. Но въ такомъ случаѣ „баба“ оказалась бы „сѣверянкой“, жительницей русской области, что противно смыслу былины. Въ виду этого нужно думать, что Сѣверьянична была осмысленіемъ непонятной *Семерчаничны, *Семерчанки (а можетъ быть и Семерчанина). Отъ названія племени Латыгора и челоувѣка этого племени латыгоръ (ср. указанные географич. названія Латыгорева и Лотыголь) могли произойти формы какъ латыгорка, такъ и латыгоринка ⁷⁾. Къ послѣдней формѣ нужно возводить имя „бабы“ въ двухъ вариантахъ нашей былины, гдѣ она называется Горыничкой и Горыничанкой ⁸⁾: въ длинномъ словѣ латыгоринка первая часть могла отпасть, а форма *горинка подпала вліянію словъ: Горыньскій, Горыничъ, Горынь. Проф. В. О. Миллеръ ⁹⁾, сопоставляя часть былины со скиѣскимъ преданіемъ, при-

1) Рыбниковъ, I, 75; II, 345; Гильфердингъ, № 114.

2) Въ пѣснѣ, записанной для Ричарда Джемса. Ср. искаженіе изъ „сухая глава“ въ „сухойлова“: Ждановъ, Русскій былевой эпосъ, 240—1, 243.

3) Безсоновъ, Калѣи переходже, II, 460.

4) Scriptores rer. Livon. I, 333; Scr. rer. Prussic. II, 854.

5) Тихонравовъ и Миллеръ, II, 59.

6) Журналъ Мин. Нар. Просв., ч. ССXLII, отд. II, 195.

7) Первая—по образцу мордва—мордовна, чухна—чухонка; вторая—по образцу чудь—чудинна, русь—русинна, литва—литвинна.

8) Куртескій, I, 11; Рыбниковъ, I, 65.

9) Эскурсы, 120.

веденнымъ у Геродота, сравниваетъ бабу Горынянку съ дѣвицей-змѣей преданія; основаніемъ для такого сопоставленія служить то, что эпитетъ Горыничъ приданъ (въ былинѣ о змѣборствѣ Добрыни) змѣю и что, по одному пересказу, сынъ Ильи возить у стремени змѣю Горыняскую ¹⁾. Но противъ этого можно привести два соображенія: 1) „баба“ не называется Горыничной; 2) съ именемъ Горыни связывается не только змѣй: Горыновичемъ величаютъ уральскіе казаки родную рѣку Яикъ ²⁾; есть рѣка Горынь, притокъ Припяти; въ сказкахъ встрѣчается великанъ Горыня, не имѣющій отношенія ни къ чему змѣиному ³⁾; въ прошломъ вѣкѣ у малороссовъ было употребительно прозвище Горыня ⁴⁾.

Что касается имени любовницы Ильи Муромца, то въ большинствѣ пересказовъ его вовсе нѣтъ. Въ трехъ пересказахъ ⁵⁾ она носитъ эпическое имя „матерой вдовы“ Амелфы Тимоеевны; въ двухъ другихъ ⁶⁾ находимъ то же стереотипное имя, лишь искаженное: Оедосья и Марья Тимоеевна. Встрѣчаются и другія имена „бабы“—Авдотья, Маринка ⁷⁾,—также весьма употребительныя въ русскомъ эпосѣ. Съ какимъ произволомъ подставляли пѣвцы первое попавшееся имя для именованія безыменной Латыгорки, показываетъ тотъ фактъ, что одинъ и тотъ же пѣвецъ, сообщая былинѣ *Рыбникову* (I, 82) и *Гильфердину* (№ 46), въ первомъ случаѣ вставилъ имя Настасьи, а во второмъ—Натали.

Чтобы покончить съ личностью любовницы Ильи Муромца, остается объяснить нѣсколько странное, необычное названіе ея „баба“, которое принадлежало основному изводу былины, такъ какъ оно встрѣчается въ пересказахъ: олонецкихъ, архангель-

1) Объясненіе этого страннаго образа, предложенное самимъ же В. О. Миллеромъ въ *Этнографич. Обзорѣнн*, кн. XIII (1892 г.), 119—20, устраняетъ это основаніе, признавая змѣю горыняскую у стремени случайнымъ придаткомъ былины. Акад. *Весселовскій* (ор. с., 315) называетъ этотъ придатокъ „нелѣпой амплификаціей“.

2) *Жельковскъ*, Уральцы, изд. 2, т. I, 37. Ср. Сб. мат. для оп. м. и пл. Кавк. VII, 119.

3) *Эрмольевъ*, Народныя сказки; В. Миллеръ, Очерки русской нар. словесности, 385.

4) Костромскія Епарх. Вѣд. 1896, № 23, стр. 626.

5) *Кирьяевскій*, I, 52; IV, 12; запись г. Григорьева, № 26.

6) Записи г. Григорьева, № 1 и 4.

7) *Рыбниковъ*, I, 65; моя запись № 4.

скихъ и сибирскихъ ¹⁾. Этотъ терминъ не могъ быть приложенъ къ ней въ смыслѣ замужней женщины, такъ какъ она въ сущности замужемъ не была (встрѣча ея съ Ильей была случайная), и въ нѣкоторыхъ вариантахъ прямо называется дѣвицей ²⁾; смыслъ бабушки и повивальной бабки тоже къ ней не подходитъ. Остается одно старинное значеніе этого слова—ворожея, чародѣйка, волшебница ³⁾. Такое значеніе, дѣйствительно, подходитъ къ иностранкѣ, сумѣвшей завлечь своими чарами стараго казака, вообще неупадчиваго на женскую прелесть. Родившійся отъ такой связи сынъ воспринялъ отъ матери зловныя черты; онъ даже пытается убить своего родного отца, что ему не удается лишь въ силу христіанства Ильи: его спасаетъ громадный грудной крестъ, отъ котораго отскочило оружіе (стрѣла, копье, сабля, рогатина, палица, кинжалъ или ножъ) его сына. *Срезневскій* ⁴⁾ сравниваетъ со значеніемъ бабы-ворожеи пословицу: надвое баба ворожила, и сказочныхъ бабу-барицу и бабу-ягу. Бабой-ягой названа и Латыгорка въ одной вставкѣ изъ нашей былины ⁵⁾. Слѣдовательно, олонецкіе сказители именно такъ понимали типъ любовницы Ильи. Замѣтимъ, что нѣкоторыя (не совсѣмъ удобныя для печати) подробности битвы бабы Латынгорки съ Добрыней ⁶⁾ напоминаютъ собою продѣлки одной колдуньи въ 1648 г. ⁷⁾.

Перехожу къ сыну Ильи Муромца. Чаще всего онъ называется Подсокольниковомъ ⁸⁾ и Сокольниковомъ ⁹⁾, при чемъ въ двухъ пере-

¹⁾ *Рыбниковъ*, I, 79; II, 349; *Гильфердингъ*, № 114; *Киртесскій*, I, 11; IV, 17; мои записи, №№ 70, 81 и 94. Это названіе сохраняется во вставкахъ эпизодовъ изъ нашей былины: *Кир.* I, 64; *Гильф.* №№ 228, 290, 292.

²⁾ *Гильфердингъ*, №№ 219 (= *Рыбн.* III, 54), 226, 233 и 246; зап. г. Григорьева, № 8.

³⁾ *Срезневскій*, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, I, 35—7.

⁴⁾ Ор. с.

⁵⁾ *Гильфердингъ*, №№ 228, 290 и 292.

⁶⁾ Моя записъ № 81, напечатанная въ „Юбилейномъ сборникѣ“; см. стр. 156, стихъ 411; стр. 158, строки 14 и 15 сверху.

⁷⁾ Этнографич. Обзорніе, кн. XLIII, 112. Впрочемъ, ср. подобный эпизодъ изъ монгольской сказки сборника Шидди-куръ: Этнографическій Сборникъ, т. VI, 82.

⁸⁾ *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, II, 112; мои записи, №№ 4 и 70; зап. г. Григорьева, № 26.

⁹⁾ *Киртесскій*, I, 52; IV, 12; *Рыбниковъ*, I, 75; II, 345; *Гильфердингъ*, № 114. Объясненіе „Соловникова“ (*Рыбн.* I, 81=*Гильф.*, № 46) предложено акад. *Веселовскимъ*, ор. с., 335.

сказахъ къ этому названію прибавлено поясненіе—охотникъ. Но какъ понимать эти термины? Въ старыхъ памятникахъ (съ 1267 г.) слово сокольникъ употребляется въ двухъ значеніяхъ — охотника за птицами и промышленника, добывающаго соколовъ для ловли птицъ ¹⁾. Былинный Сокольникъ ѣдетъ по полю съ соколомъ на плечѣ и охотничьей собакой у стремени; слѣдовательно, его нельзя понимать во второмъ смыслѣ. Ловцомъ птицъ является сынъ Ильи въ пересказахъ, называющихъ его „сокольникомъ“ ²⁾. Но почему ббольшая часть архангельскихъ пересказовъ ³⁾ именуется его *Подсокольничкомъ*? Нельзя видѣть здѣсь простое искаженіе перваго названія, такъ какъ такое искаженіе невозможно ничѣмъ мотивировать. Эта форма напоминаетъ придворную должность *подсокольничаю*. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ подсокольничій ⁴⁾ былъ непосредственнымъ начальникомъ надъ всѣми сокольниками, которыхъ, по свидѣтельству Котошихина, было около 100 человекъ; такъ какъ сокольники имѣли въ свою очередь помѣстья и вотчины, то должность ихъ начальника, несомнѣнно, была очень высокая. Такое же важное положеніе занимали въ Литовской землѣ сокольничіе ⁵⁾: одного изъ нихъ Ягайло ок. 1392 г. назначилъ намѣстникомъ въ Витебскъ ⁶⁾. Не знаю, была ли въ Литвѣ долж-

¹⁾ *Аристовъ*, Промышленность древней Руси, 5, 12—14; 17, прим. 39; 301. О „сокольникахъ“—промышленникахъ упоминаетъ былина о Чуриль: *Кириевскій*, IV, 80.

²⁾ Особенностью этихъ пересказовъ является болѣе сложное содержаніе: въ нихъ сынъ Ильи, прежде чѣмъ покуситься на его жизнь, убиваетъ свою мать. Этотъ эпизодъ, рисующій первобытную жестокость дикаго литвина, надо считать принадлежностью основнаго извода былины. Акад. *Веселовскій* (ор. с., 319, 339) держится противоположнаго мнѣнія.

³⁾ Это званіе, замѣнившее собою прежній чинъ сокольничаго, упоминается въ спискѣ должностныхъ лицъ 1650 г. (*Кутеповъ*, Великокняжеская и царская охота на Руси, II, 267, 253). Его обязанности изложены въ „Урядникѣ сокольничья пути“ ⁴⁾.

⁴⁾ Первое извѣстіе о существованіи чина сокольничаго, начальника сокольниковъ, въ Московскомъ государствѣ относится ко времени Ивана III. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. V, гл. V, по второму изд. кн. I, 1516. Пѣвцы могли сдѣлать изъ (под)сокольничаго—(под)сокольника подобно тому, какъ Герберштейнъ называлъ окольникаго „окольникомъ“. *Ibid.*, гл. III, стр. 1678.

⁵⁾ *Данилевичъ*, Очеркъ исторіи Полоцкой земли, 175; Учен. зап. II отд. II. Акад. Наукъ, кн. I, отд. III, 39: „Король приказа градъ Витебскъ соколечичу своему Феодору Весне, а князю Швитригаилу тогда сущу младу. И нача

ность подсокольничаго, но характерная частица *под* входила въ термины для обозначенія многихъ придворныхъ должностей въ Литовскомъ государствѣ: подскарбій, подкоморій, подчашій, подстолій¹⁾. Конечно, нельзя говорить положительно о должностномъ смыслѣ Подсокольничка, такъ какъ наличность въ Литвѣ самаго названія подсокольничаго подвержена сомнѣнiю; но, вообще, о важномъ положенiи сына Ильи можно судить потому, что въ нѣкоторыхъ пересказахъ онъ называется царевичемъ, королевичемъ²⁾ или правителемъ какого-то приморскаго города³⁾.

Въ большинствѣ пересказовъ Сокольникъ, какъ и его мать, не носятъ никакого имени. Въ 4 пересказахъ⁴⁾ онъ называется Борисомъ; у Кирши Данилова къ этому имени прибавлено еще другое—Збутъ. Это имя не стоитъ одиноко въ нашемъ эпосѣ: въ одномъ пересказѣ былины о Хотѣнѣ⁵⁾ его отецъ названъ Збудомъ; въ одной сказкѣ, на мотивъ Пушкинскаго царя Салтана, имя дѣйствующаго въ ней царевича Збуда Збудовича объясняется тѣмъ, что онъ „имѣлъ чудное свойство: чего пожелаетъ, то сейчасъ и *сбудется*“⁶⁾. Можно думать, что это имя попало въ Киршевскую записку изъ подобной сказки только по связи понятій царевича (въ сказкѣ) и королевича (въ былинѣ). Имена Сокольника въ другихъ пересказахъ носятъ также совершенно случайный характеръ; пѣвцы подставляли первое попавшееся имя: Петръ, Кузьма, Василий, Аполонище, Алеша *Дородовичъ*, *Михайло* Долгомеровичъ. Послѣднiя имена обязаны своимъ появленiемъ, въ

Федоръ Весна владети градомъ Витебскомъ и всею землею Витебскою советомъ и указанiемъ короля Якаила“.

1) *Быляевъ*, *Исторiя Полотска*, 356, 425, 442, 443. Соответственные русскiя должности были: ключникъ, постельничiй, чашникъ и столникъ.

2) *В. Миллеръ*, *Экскурсы*, 124—5.

3) *Моя записка* № 4.

4) *Киршевскiй*, I, 7, 11; *Рыбниковъ*, I, 65; моя записка № 94. Илья бьетъ съ какимъ-то Борисомъ Козловымъ: *Кир.* I, 6; Борисомъ-королевичемъ онъ называетъ себя въ одной былинѣ о первой повѣдкѣ: *Тихомировъ* и *Миллеръ*, II, 2.

5) *Гильбердингъ*, № 282.

6) Этнограф. Обзорiе, кн. VII, 150, прим. Въ Тверской губ. есть двѣ деревни, напоминающiя это имя: Збудово Весьгонскаго у. и Себудово—Старицкаго (Тверская губернiя. Списокъ населенныхъ мѣстъ, 93, № 2895; 441). Старые памятники не сохранили для насъ этого имени, но извѣстно другое имя, повидимому, того же корня—Сбыславъ. См., напр., П. С. Р. Л. X, 78, прим.

роятно, аналогичной былинь о братьяхъ Дородовичахъ, одного изъ которыхъ зовутъ Михайлою ¹⁾).

До сихъ поръ я не упоминалъ о товарищахъ Ильи, которые стоятъ съ нимъ на заставѣ. Имена богатырей, которые упоминаются въ качествѣ товарищей Муромца, такъ разнообразны, самое ихъ упоминаніе настолько зависитъ отъ личныхъ симпатій пѣвцовъ и ихъ былинныхъ репертуаровъ, что нѣтъ возможности выдѣлать изъ богатырей тѣхъ, которые упоминались въ основномъ изводѣ былины. Но постояннымъ спутникомъ Ильи является Добрыня, котораго онъ посылаетъ предварительно сразиться съ Сокольниковъ; при этомъ Добрыня пугается вида и крика богатыря и ѣдетъ назадъ. Въ 5 пересказахъ ²⁾ Ильи посылаетъ еще Алешу Поповича, котораго также пугаетъ Сокольникъ. Но введеніе этого третьяго лица нужно признать эпической амплификаціей, позднѣйшимъ сведеніемъ вмѣстѣ трехъ самыхъ популярныхъ богатырей, дѣйствующихъ вмѣстѣ во многихъ другихъ былинахъ; при томъ же о предварительномъ выѣздѣ противъ Сокольника *одного* Добрыни говорится въ громадномъ большинствѣ пересказовъ, именно въ 18. Дѣйствіе Добрыни въ основномъ изводѣ былины ³⁾ даетъ нѣкоторыя данныя относительно времени ея сложенія ⁴⁾. Добрыня, какъ богатырь, приуроченъ лѣтописью къ Лилицкой битвѣ (1217 г.), при чемъ въ хронографѣ начала XVI вѣка ⁵⁾, въ Никоновской лѣтописи ⁶⁾ и въ одномъ сводѣ, доведенномъ до 1533 г.

¹⁾ *Гильбердингъ*, №№ 247 и 252.

²⁾ *Киртесскій*, I, 7, 46(=IV, 6). *Рыбниковъ*, I, 66(=*Гильбердингъ*, № 77; *Тихомировъ* и *Миллеръ*, II, 109; моя записъ № 70.

³⁾ Что признаетъ и *В. О. Миллеръ*: *Экскурсы*, 138.

⁴⁾ Упоминаніе о тѣльномъ крестѣ Ильи, находящемся въ огромномъ большинствѣ пересказовъ, не даетъ опредѣленныхъ хронологическихъ указаній, такъ какъ такіе кресты носили еще въ XI и XII вв., о чемъ свидѣтельствуетъ рассказъ о волхвахъ, помѣщенный въ лѣтописяхъ подъ 1071 г. У Ильи крестъ былъ золотой (*Жур.* I, 4, 6; *Рыби.* II, 351; *Гилмф.*, № 114; мои записи, № 4 и 70); ср. въ лѣтописи подъ 1147 г.: „крестъ и чепи въ гравну золота“. *Срезневскій*, *ор. с.*, I, 1347.

⁵⁾ *Востоковъ*. *Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Руманцевскаго музея*, 751, гл. 195: у Константина Всеволодовича „два храбра: Добрыня Златый Поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ“.

⁶⁾ П. С. Р. Л. X, 70: „Съ нимъ же (ростовскимъ княземъ Константиномъ) бѣ и два храбра: Добрыня Златый поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ, славзана богатыря“.

и впоследствии продолженномъ до 1680 г. ¹⁾), онъ названъ старымъ терминомъ „храбръ“. Въ т. н. Архангелогородскомъ лѣтописцѣ, доведенномъ до 1598 г., рассказъ о Добрынѣ и Александрѣ Поповичѣ подновленъ, и они называются здѣсь „богатырями“ ²⁾; составителями лѣтописнаго свода 1533 года выраженіе „два храбра“ было не понято, и изъ него они сдѣлали „два храбра мужа“; въ Никоновской лѣтописи также встрѣчаемъ добавленіе: „славныя богатыри“. Поэтому нужно думать, что это извѣстіе, варьировавшееся уже въ лѣтописяхъ XVI и XVII вв. ³⁾, было занесено туда гораздо ранѣе, и въ такомъ случаѣ на него можно полагаться ⁴⁾.

Но *рязанскій* ⁵⁾ храбръ, сражавшійся въ дружинѣ ростовскаго князя на сторонѣ новгородцевъ, псковитянъ и смольнянъ въ 1217 г., могъ попасть въ товарищи Ильи на литовскую пограничную заставу не ранѣе середины XIII вѣка. Приблизительныя хронологическія даты даютъ лѣтописныя извѣстія о заставахъ и латыголѣ. О русскихъ заставахъ противъ литовцевъ говорится подъ 1205 и 1368 гг. Написаніе „латыгола“ встрѣчается въ русскихъ лѣтописяхъ подъ годами 1228, 1242 и 1341 ⁶⁾; въ русско-литовскихъ

1) Русскій Временникъ, сирѣчь лѣтописецъ. М. 1820. I, 84: „Да была со княземъ Константиномъ два храбра мужа, Добрыня златый поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ“.

2) Лѣтописецъ (Архангелогородскій), содержащій въ себѣ русскій исторію отъ 852 до 1598 г. М. 1781, стр. 55: „А были съ нимъ два богатыря: Добрыня Золотой поясъ, да Александръ Поповичъ слугою съ Торопомъ“.

3) Составитель такъ называемой Тверской лѣтописи, жившій въ „веси Ростовскихъ областей“ и написавшій ее въ 1534 г., занесъ это извѣстіе въ выраженіяхъ, показывающихъ, что онъ пользовался какъ старой лѣтописью (пріуроченіе къ Липицкой битвѣ), такъ и современными ему мѣстными ростовскими сказаніями (*Олешка Поповичъ*—на первомъ мѣстѣ: „У князя же у Константина тогда баше въ полку два челоуѣка храбрыхъ: Олешка Поповичъ и челоуѣкъ его Торопъ, и Тимоня Золотой поясъ“. П. С. Р. Л. XV, стр. V, 323. ср. 337. „2 богатыря“ и въ лѣтописи Крижанчца: *Кир. III*.

4) Что же касается извѣстія о гибели Добрыни при Калкѣ въ 1224 г., то его можно считать прибавленіемъ самого составителя Никоновскаго свода, такъ какъ въ другихъ лѣтописяхъ не упоминается Добрыня въ числѣ погибшихъ богатырей, какъ и Тимоня, замѣнившій его въ Тверской лѣтописи.

5) Добрыня названъ Рязанецемъ лишь въ Никоновской лѣтописи при рассказѣ о Липицкой и Калкской битвахъ: П. С. Р. Л. X, 72, 92.

6) П. С. Р. Л. IV, 55; V, 222; VII, 151; X, 228; XVI, подъ 1341 г.; Софійскій временникъ, I, 258; Супрасльская рукопись, 59; Новгородская лѣтопись по Синодальному списку, 227; Древняго лѣтописца часть первая. Спб. 1774, 168.

лѣтописяхъ о „латыголъ“ упоминается до конца XIV в. ¹⁾ Написание „латыгора“ относится къ 1219 и 1341 гг. Позднѣ XIV в. названія Лотыголы мы не находимъ ни въ русскихъ, ни въ лѣтописяхъ русско-лѣтописяхъ. Стрыйковскій еще называетъ эту страну „*Lotwa seu Lotligola*“ (1517 г.), но другой польскій хронистъ Маттїасъ называетъ страну только „*Lotwa*“, жителей—„*Lotwacy*“ (1552 г. ²⁾). Въ русскихъ лѣтописяхъ уже подъ 1535 г. упоминается селеніе Латыгошева (вѣроятно, теперешняя Латышова, на югъ отъ Полоцка ³⁾), указывающее на тогдашнее названіе латышей—латыгоши; въ актѣ 1565 г. находимъ современное названіе латышъ ⁴⁾. Слѣдовательно, въ XV—XVI вв. названіе лотыголы, такъ часто попадавшееся въ лѣтописяхъ XIII в. (подъ гг. 1200, 1228, 1242, 1264, 1286 ⁵⁾), совершенно исчезаетъ. Такимъ образомъ, названіе бабы-латыгорки указываетъ скорѣе всего на XIII вѣкъ. Что касается Семигорки, то является нѣкоторое затрудненіе: можетъ показаться страннымъ то, что слагателю нашей бѣдныи было извѣстно названіе Зимиголы, племени, не упоминаемаго ни одной русской лѣтописью, кромѣ Начальнаго свода. Но дѣло въ томъ, что столкновенія съ этимъ племенемъ могли быть лишь у сосѣднихъ съ нимъ полочанъ ⁶⁾). И дѣйствительно, составитель Начальной лѣтописи занесъ въ нее подъ 1106 г. извѣстіе о страшномъ пораженіи, которое понесли отъ Зимиголы дружины сыновей Всеслава Полоцкаго. Но полоцкой лѣтописи мы не знаемъ; извѣстія другихъ лѣтописей о Полоцкой области крайне скудны ⁷⁾. Неудивительно, что онѣ вовсе не упоминаютъ о дикомъ

¹⁾ *Pomniki do dziejów Litewskich, Narbutt*, 3 (до 1323 г.); Ученныя зап. II Отд. II. Акад. Наукъ, кн. I, отд. III, 34 (1385 г.).

²⁾ *Wielenslein*, op. c., 28 - 9.

³⁾ *Вирсовъ*, Очерки русской исторической географіи, изд. II, 43, 344. П. С. Р. Л. VIII, 288; Русская лѣтопись по Никонову списку, VI, 5. Латыгошева Сѣнна (Могилевской губ.) и Осиновецъ упомянуты въ качествѣ мѣстъ Полоцкихъ, Витебскихъ и Браславльскихъ (на в. отъ Полоцка).

⁴⁾ *Пальерскій*, Русско-ливонскіе акты, 396.

⁵⁾ Къ указаннымъ сноскамъ можно присоединить: П. С. Р. Л. IV, 187; V, 12; XV, 350, 290, 384; Лѣтопись по Ипатскому списку, 590; Новгород. лѣт. по Своду. св., 178, 227, 262; *Пальерскій*, op. c., 13, № XXV, а.

⁶⁾ О Латыголъ говорятъ почти исключительно лѣтописи Пскова и Новгорода, такъ какъ она сосѣдила именно съ ихъ областями и входила въ сношенія только съ ними. Ср. П. С. Р. Л. IV, 183, прим. з.

⁷⁾ *Дамилевичъ*, op. c. стр. VII.

литовскомъ племени, жившемъ гдѣ-то далеко на лѣвомъ берегу З. Двины. Упомянутое въ былинѣ этого племени показываетъ, что она возникла въ Полоцкой области, гдѣ и Латыгола, и Зимигола были хорошо извѣстны. Въ XIII в. терминъ „латына“ (былинная „Латынская дорога“) былъ вполнѣ опредѣленный для западной Руси, въ которой „латинскими гостями“ называли иностранныхъ купцовъ, ходившихъ по З. Двинѣ (договоры 1229 и 1265 гг. ¹). Если богатырская застава стояла на Двинѣ для защиты Полоцка отъ двухъ сосѣднихъ литовскихъ племенъ и если былина о боѣ Илыи съ сыномъ была сложена въ Полоцкой области, то время ея сложения опредѣлить нетрудно: упоминаніе Добрыни не позволяетъ отнести это время ранѣе второй четверти XIII в., а между тѣмъ полоцкое княжество вошло въ составъ литовскихъ владѣній около половины этого столѣтія ²). Поэтому время возникновенія нашей былины относится къ послѣднимъ годамъ самостоятельности Полоцкой обл.

Приступая къ статьѣ, я ставилъ своей задачей только опредѣлить историко-бытовые черты былины, позволяющія отнести ее къ извѣстной области и эпохѣ, и не задавался цѣлью прослѣдить происхожденіе ея сюжета. Но сдѣланные мною выводы наводятъ на нѣкоторыя соображенія относительно пути, по которому пришелъ къ намъ весьма распространенный въ Европѣ и Азіи рассказъ о битвѣ отца съ сыномъ, не узнавшихъ другъ друга. Невольно является вопросъ, не пришелъ ли онъ по той самой „Латынской дорогѣ“, на которой стояла богатырская застава? Припомнимъ, что въ XIII в. Полоцкъ, Витебскъ и Смоленскъ заключаютъ цѣлый рядъ торговыхъ договоровъ съ Ригой, указывающихъ на интенсивныя сношенія, которыя вели русскія области съ о. Готландомъ, Любекомъ, Бременомъ и другими нѣмецкими городами черезъ З. Двину. Эти договоры неустанно повторяютъ, чтобы былъ „отъ Смолѣньска чистый путь до Ригы“ „смолянномъ и рижаномъ, и всимъ нѣмчемъ, по Восточному морю ³) ходящимъ“, иначе „всему Латинскому языку и Руси“ ⁴). Въ первой половинѣ

¹) Припомнимъ, что расправа Илыи съ сыномъ происходитъ на берегу рѣки (Савать, Сахатаръ, Сова, Салеа, Еорать, Динапръ, Черниговка, Смородина).

²) Данилевичъ, *op. c.*, 135—6.

³) Т. е. по Балтійскому (Ostsee).

⁴) Наньерскій, *op. c.*, 444, 452; Собрание Госуд. Грам. и Дог. II, 4. Ср. Данилевичъ, *op. c.*, 221.

XIII в. была сдѣлана запись позднѣйшей редакціи древне-нѣмецкой пѣсни о Гильдебрантѣ и Гадубрантѣ; къ этому же времени относится обработка этого сюжета, включенная въ скандинавскую Тидрексагу. Тогда же, нужно думать, сюжетъ боя отца съ сыномъ, обывавшій Германію, Нидерланды, Данию и Скандинавскій полуостровъ, проникъ въ полоцкую область и здѣсь съ большою самостоятельностью (убійство матери сыномъ) былъ обработанъ въ мѣстную былинку, рисующую отношенія русскихъ къ сосѣднимъ литовскимъ племенамъ ¹⁾.

Въ заключеніе я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно былой извѣстности Ильи Муромца въ западно-русскихъ областяхъ. Этого вопроса уже касался проф. В. О. Миллеръ ²⁾. Онъ указалъ, что въ XVI в. имя Ильи богатыря было широко извѣстно бѣлорусскому населенію³⁾. Истребленіе польско-литовскаго войска въ 1536 г. у города Сѣбежа (лежавшаго на границѣ русскихъ поселеній съ Латыголой), дало поводъ приурочить къ этому городу одинъ изъ подвиговъ Ильи передъ поимкой Соловья-разбойника ⁴⁾. Но равные пересказы послѣдней былины заставляютъ Илью вырывать и другіе западные города: Смоленскъ ⁴⁾, Кряковъ ⁵⁾. Приуроченіе подвига Ильи къ Смоленску могло имѣть своей основой его осаду въ 1404 г., когда Витовтъ *три мѣсяца* стоялъ подъ

¹⁾ Мнѣніи о западномъ пути сюжета о боѣ отца съ сыномъ держится акад. Веселовскій, (Южно-русскія былины, гл. IX). Трудно согласиться со словами В. О. Миллера (Экскурсы, 143), что „нигда у А. Н. Веселовскаго не проскальзываетъ мысль о заимствованіи сюжета о боѣ отца съ сыномъ“; такая мысль сама собой подразумевается: иначе, къ чему было бы такъ подробно останавливаться на германскихъ параллеляхъ къ нашей былинѣ?

²⁾ Очерки, 391—401.

³⁾ Гл., 396—7. Автору осталась неизвѣстна старая (1748 г.) запись этой былины, напечатанная въ „Живой Старинѣ“, г. IV (1894), вып. I, 80—82. Въ этомъ пересказѣ, особой редакціи, Илья освобождаетъ также Себежъ. Въ виду того, что въ старыхъ запискахъ краткой редакціи „себежской“ (царь) именуется въ „сибежской“ и „сибирской“, можно думать, что названіе того же города скрывается въ старыхъ запискахъ пространной редакціи въ написаніяхъ — „кеберской“ (князь), киберской, кибирской, виберскій“ и въ новыхъ запискахъ подъ именемъ Бежегова, Бежевова, Бекешева, Бекетовца: *Рыбниковъ*, I, 46; III, 17, 25, прим.; *Гильбердинъ*, № 56.

⁴⁾ *Рыбн.* II, 326 — *Гильф.*, поелъ № 72. Ср. *Киревскій* I, 41, гдѣ Илья ѣдетъ къ Соловью черезъ Смоленскія гряды.

⁵⁾ *Кир.*, IV, 4; *Гильф.*, № 120.

городомъ, опустошилъ его окрестности, билъ его пушками, но взять не могъ и принужденъ былъ уйти въ Литву. Краковъ попалъ въ былинѣ, вѣроятно, послѣ 1386 г., когда Литва соединилась съ Польшею и бывшая польская столица стала известна среди западно-русскихъ областей, подчиненныхъ Литвѣ. Замѣчательно, что одинъ изъ пересказовъ, упоминающихъ Кряковъ, называетъ Соловья-разбойника „Алатырцемъ некрещенымъ“¹⁾. Послѣ всего сказаннаго о бабѣ Латыгоркѣ, нетрудно догадаться, что въ этомъ укорительномъ прозвищѣ надо видѣть латыша. Старинная форма этого названія — алатырець вмѣсто латыгорець — говорить за то, что былина о Соловьѣ-разбойникѣ была известна въ Западной Руси еще въ XV или даже XIV столѣтіи. Наконецъ, первое прямое извѣстіе объ Ильѣ Муромцѣ (и Соловьѣ-разбойникѣ) мы находимъ въ письмѣ оршанскаго старосты (1574 г.); слѣдовательно, оно идетъ изъ той же русско-литовской области, которая входила одно время (до 1116 г.)²⁾ въ составъ древней Полоцкой земли.

Эти соображенія, доказывающія былую известность главнаго русскаго богатыря въ западно-русскихъ областяхъ, мнѣ кажется, нѣсколько подтверждаютъ мой выводъ о мѣстѣ возникновенія былины о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ.

Когда статья была уже набрана, мнѣ пришлось ознакомиться (лучше поздно, чѣмъ никогда) съ интересной статьей академика Веселовскаго: „Уголокъ русскаго эпоса въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ“, въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“ 1896, № 8. Въ т. н. „русскомъ“ эпизодѣ саги авторъ видитъ отраженіе полоцкихъ историческихъ отношеній начала XIII в. Вальдемаръ, владѣтель Holmgard'a, Полоцка и Смоленска — не кто иной, какъ полоцкій князь Владимиръ, упоминаемый съ 1186 г. и скончавшійся въ 1215 (1216). Его братъ (отъ другой матери) Піас, въ которомъ давно видѣли Илью Муромца, въ одномъ спискѣ саги называется „ярломъ изъ города Герсеке (af Gerseke-borg), родичемъ Владимира-конунга“. Этому списку авторъ придаетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о резиденціи Иліаса: онъ былъ

¹⁾ Киртескій. IV, 2.

²⁾ Данилевичъ. оп. с. 20.

ярломъ въ Герцикѣ, городѣ, лежавшемъ на правомъ берегу З. Двины, на 52 версты ниже Динабурга (ср. Археологич. изв. и замѣтки 1895, № 2—3, с. 50—1). „Судя по аналогіи, остроумно замѣчаетъ авторъ, Smalenseke = Смоленскъ, Plosseke = Полоцкъ, Gergseke предполагаетъ форму *Грѣцкъ“. Далѣе онъ приводитъ извѣстіе объ изгнаніи полоцкихъ князей смоленскимъ княземъ Мстиславомъ „въ Грѣкы“, съ обычной осторожностью ограничиваясь предположеніемъ объ изгнаніи ихъ на западъ отъ Полоцка, гдѣ была Герцика и гдѣ теперь мѣстечко Царьградъ (Витебской губ.). Съ конца XII в. обнаруживается связь Смоленска съ Полоцкой землей, завершившаяся взятіемъ Полоцка смольнянами въ 1222 г.; этой связью авторъ объясняетъ взглядъ составителя саги на принадлежность обоихъ городовъ одному Владимиру. Затѣмъ авторъ приводитъ историческія свидѣтельства объ общеніи германскаго міра съ русскими областями черезъ Двину и заключаетъ отсюда о взаимодѣйствіи этихъ національностей въ области поэзіи. Особенно интересно въ этихъ замѣчаніяхъ приуроченіе Иліаса къ Герцикѣ и къ той части Полоцкаго княжества, которую лѣтопись называетъ „Грѣца“; вѣроятно, это была Герцикская волость, и ее-то германскія саги и называли Greka, Greke, Grekana land, Gricland. Устье Двины для германскаго міра было „путемъ въ Греки“ и рано могло получить это названіе, воспринятое потомъ русскими. Такое предположеніе примирило бы три западно-европейскія свидѣтельства объ Ильѣ: онъ былъ изъ г. Грека (von Gersseka-borg), находившагося въ русской области (von Riuzen), которая называлась Греками (af Greka). Замѣтимъ, что и Алебрантъ, соотвѣтствующій Сокольнику нашей быliny въ той редакціи пѣсни о боѣ отца съ сыномъ, которая относится къ первой половинѣ XIII в.,—родомъ изъ Греци, т. е. оттуда же, гдѣ былъ ярль Піас. Если Тидрексага такъ хорошо знаетъ западно-русскія отношенія (по мнѣнію акад. Веселовскаго), то можетъ быть поставленъ вопросъ: не соотвѣтствуетъ ли ея упоминаніе о герцикскомъ ярлѣ дѣйствительности? Извѣстно, что между 1205 и 1225 гг. въ Герцикѣ княжилъ Всеволодъ (Wissewolodus rex de Gergike); въ 1229 смоленскій князь прогналъ полоцкихъ князей въ Герцикскую волость; въ 1239 г. о Герцикѣ упоминается только какъ о „мѣстѣ, гдѣ было укрѣпленіе“; она уже принадлежить рижскому епископу, который отдаетъ половину ея волости Тев-

тонскому ордену. Если Elygas, Pias, Igon отвѣчаютъ дѣйствительному герцикскому воеводѣ (а не князю—тех—каковымъ былъ Всеволодъ), то онѣ могъ владѣть ею только послѣ 1225 г. Эти факты, въ связи съ временемъ составленія саги—въ половинѣ XIII в., могутъ поставить до извѣстной степени въ хронологическія рамки разсказъ саги о томъ, что герцикскій ярль *покорился* Атигѣ и былъ поставленъ воеводою надъ Русскимъ царствомъ.

Но что же изъ всего сказаннаго сохранила намъ былина о боѣ Ильи съ сыномъ? Несомнѣнно, она указываетъ на границу русскихъ поселеній съ Лотыголой и Зимиголой: именно такимъ пунктомъ была Герцикская волость, заключавшая въ себѣ значительную часть первой и меньшую—второй; о сношеніяхъ русскихъ съ литовскими племенами свидѣтельствуетъ извѣстіе Генриха Латыша о томъ, что Всеволодъ герцикскій былъ женатъ на дочери литвина Даугеруте (подъ 1213 г.). Затѣмъ, названіе Pias'а ярломъ, воеводой, соотвѣтствуетъ названію Ильи Муромца въ двухъ моихъ записяхъ (№№ 4 и 70) „стариньшиной“, т. е. старѣйшиной (ср. названіе Ильи у *Кирьевскаю*, I, 18, 92, 30: старшинушка, старѣйшій казакъ, воевода—„грудь воеводская“). Старѣйшинами назывались именно княжескіе намѣстники въ городахъ, посадники, впоследствии извѣстные подъ именемъ воеводъ. Что старѣйшинами бывали родственники (въ сагѣ ярль—Blutfreund, fraendi князю Владимиру) князей, видно изъ Слова о Басаргѣ, сынъ котораго „по преставленіи своемъ приказа царство свое правити брату своему Кирьяку Димитріевичю, а старѣйшинство приказа лядѣ своему Василью Кудрявому“ (*Пытинъ*, Очеркъ лит. ист. повѣстей и сказокъ, 96—7). Выводы, къ которымъ пришелъ акад. Веселовскій, ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія полоцкое происхожденіе былины о боѣ Ильи съ сыномъ и ея возникновеніе въ первой половинѣ XIII в., давая примѣръ того, какъ изученія вопроса, начатыя съ противоположныхъ его концовъ, могутъ привести къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

А. Марковъ.

ПАМЯТИ

Павла Васильевича Шейна.

(† 14 АВГУСТА, 1900 Г.).

Въ самомъ концѣ мая текущаго года я получилъ „открытку“, исписанную тонкимъ, мелкимъ почеркомъ, хорошо знакомымъ мнѣ уже около 40 лѣтъ. Одновременно съ письмомъ на моемъ письменномъ столѣ очутился 2-й объемистый выпускъ „Великорусса“, только-что оконченный печатаньемъ его составителемъ Павломъ Васильевичемъ Шейномъ. Уѣзжая въ тотъ же день на Кавказъ, я едва успѣлъ черкнуть Павлу Васильевичу нѣсколько словъ благодарности и сочувствія. Я раздѣлялъ въ письмѣ его удовольствіе по поводу того, что ему удалось выполнить благополучно *первую*, наиболѣе цѣнную часть его грандіознаго и обширнаго плана — представить „Великорусса“ въ его пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. „Пѣсни“ перваго тома, расположенныя въ установленномъ собирателемъ біографическо-календарномъ порядкѣ, охватываютъ всю повседневную жизнь великорусскаго крестьянина, на его деревенской почвѣ, отъ колыбели до могилы. Не предполагалъ я тогда, что, просматривая послѣднія корректуры похоронныхъ причитаній, завершающихъ 2-й выпускъ, Павелъ Васильевичъ былъ уже самъ такъ близокъ къ могилѣ, что уже черезъ 2 мѣсяца завершится и круговоротъ его жизни. Я помнилъ Павла Васильевича съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ помню самого себя. Онъ своимъ внѣшнимъ видомъ, сведенными руками и плохо двигающимися при помощи костылей ногами, всегда производилъ на меня

П. В. Шейнъ.

(† 14 августа, 1900 г.).

впечатлѣніе налѣки. Я не помню, чтобы когда-нибудь, при нашихъ свиданіяхъ въ Москвѣ, онъ не жаловался на свое здоровье. И все-таки онъ всегда поражалъ меня своей подвижностью, живостью разговора, бодростью духа, энергіей и блескомъ глазъ, которые остались у него молодыми, даже когда на старости надъ ними посѣдѣли, а затѣмъ побѣлѣли брови. При послѣднемъ нашемъ свиданіи въ Петербургѣ въ началѣ года, онъ показался мнѣ не слабѣе, не дряхлѣе, чѣмъ былъ 10 лѣтъ тому назадъ. Та же живая рѣчь, те же увлеченіе любимыми предметами разговора, тотъ же интересъ ко всякому вопросу языка народнаго творчества, та же филологическая пытливость. Поэтому совершенной неожиданностью было для меня, прочитанное мною въ одной кавказской газетѣ, извѣстіе о его кончинѣ 14 августа въ Рижской городской больницѣ. Печальное извѣстіе о смерти этого удивительнаго труженика въ области „крохоборнаго“ (его любимое выраженіе) собирательства русскаго народнаго духовнаго добра, этого добровольца науки, давшаго ей въ своихъ сборникахъ огромный матеріалъ высшаго интереса и значенія, дошло до меня на Кавказѣ уже, когда онъ нашелъ успокоеніе на Рижскомъ кладбищѣ послѣ своихъ полувѣковыхъ скитаній по Россіи.

Съ кончиной Павла Васильевича сошелъ въ могилу послѣдній представитель первой дружины собирателей памятниковъ русскаго народнаго творчества, выступившей еще въ 50-хъ годахъ. Младшій современникъ Петра Кирѣевскаго и Даля, онъ началъ свою собирательскую работу, ставшую, можно сказать, не только главною, но и единственной задачей его жизни, почти одновременно съ Якушкинымъ, Рыбниковымъ, Афанасьевымъ, Безсоновымъ, пережилъ ихъ и Гильфердинга, выступившаго въ началѣ 70-хъ годовъ, былъ свидѣтелемъ еще болѣе оживившагося въ нашемъ обществѣ движенія къ изученію народнаго творчества въ 80-хъ и 90-хъ годахъ и завершилъ своимъ 2-мъ выпускомъ „Великорусса“ XIX столѣтіе, въ концѣ котораго онъ стоялъ, какъ „старшій“ былинный богатырь среди младшихъ товарищей.

„Если Господу Богу угодно будетъ продлить мнѣ еще немного вѣку, — писалъ П. В. Шейнъ 2 года тому назадъ, въ предисловіи къ 1-му выпуску „Великорусса“¹⁾, — съ сохраненіемъ здоровья хоть въ томъ его состояніи, которымъ пользуюсь теперь, то постараюсь, по мѣрѣ своихъ силъ, представить на судъ публики краткій историческій обзоръ предлагаемаго труда, т. е. обзоръ всего того, какъ, когда, подъ какими вліяніями онъ зародился, что содѣйствовало

¹⁾ Стр. XII.

и что препятствовало его возрастанію, какія передраги и мытарства мнѣ приходилось перетерпѣть на длинномъ и тернистомъ пути къ этому возрастанію, что, однако, меня такъ неудержимо толкало продолжать свои крохоборные сборы, и, наконецъ, какія роковыя обстоятельства задерживали такъ долго подъ спудомъ этотъ достаточно созрѣвшій и желанный для пользованія специалистами трудъ“. Разскажъ о своихъ мытарствахъ въ интересахъ науки П. В. унесъ съ собой въ могилу. Но еще въ 1884 году мнѣ при личномъ свиданіи удалось собрать отъ него нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни и встрѣчахъ съ людьми, которыхъ влияние направило всю его собирательскую дѣятельность. Въ свое время, по поводу завершившагося двадцатипятилѣтія его печатныхъ трудовъ, я обнародовалъ добытыя мною отъ него свѣдѣнія, но они появились въ газетѣ (Русс. Вѣдомости 1884 г. № 290), слѣдовательно, почти затерялись, и я считаю умѣстнымъ возстановить теперь, въ специальномъ этнографическомъ журналѣ, біографическія данныя, заключающіяся въ этой статьѣ, пополнивъ ихъ тѣмъ, что мнѣ извѣстно о жизни П. В. послѣ 84-го года.

Павелъ Васильевичъ родился въ 1826 году въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, въ достаточной еврейской семьѣ. Отецъ его вель торговня дѣла въ Москвѣ. Съ пятилѣтняго возраста мальчикъ, согласно обычаю, началъ посѣщать еврейскую школу, въ которой выучился читать и писать по-еврейски. Но уже съ шестого года слабый организмъ ребенка подвергся ряду дѣтскихъ болѣзней, которыя, при невѣжественныхъ приемахъ лѣченія, въ послѣдствіи сдѣлали изъ него калѣку. Послѣ тяжелой горячки, выдержанной имъ на 13-мъ году, Шейнъ утратилъ способность ходить и въ теченіе полугода лежалъ безъ движенія. Однако, онъ не только находилъ возможность помогать матери въ счетоводствѣ, но и продолжалъ прерванное болѣзнями изученіе еврейскаго языка, пользуясь уроками одного просвѣщеннаго раввина, ходившаго къ его младшему брату. Этотъ раввинъ принадлежалъ къ тому типу еврейскихъ либераловъ, которыхъ русскіе евреи называютъ „берлинерами“ (берлинцами). Не довольствуясь традиціоннымъ школьнымъ изученіемъ Ветхаго завѣта и Талмуда, безъ грамматики и разъясненій, онъ изучилъ древне-еврейскій языкъ грамматически, по методу нѣкоторыхъ нѣмецкихъ еврейскихъ авторитетовъ, и не чуждался европейскаго просвѣщенія. Бесѣда съ нимъ значительно развила больного мальчика, такъ что и онъ въ еврейской средѣ сталъ считаться либераломъ. Вслѣдствіе новаго закона, стѣснявшаго въ значительной степени для евреевъ возможность жить въ столицахъ, отецъ Шейна долженъ былъ

прекратить свои дѣла въ Москвѣ, приняться за другое дѣло, и это отразилось неблагоприятно на благосостояніи семьи. Въ Москвѣ могли жить только въ теченіе полугода еврейкупцы 1-й и 2-й гильдіи, а мѣщане, къ сословію которыхъ принадлежалъ отецъ Шейна, могли жить только въ качествѣ прислуги у купцовъ. Необходимость ѣздить по дѣламъ въ Москву заставляла поэтому мѣщанъ приписываться служителями къ купцамъ, за что послѣдніе брали съ нихъ иногда по двѣсти рублей за каждую поѣздку. Не имѣя денегъ для подобныхъ затратъ, отецъ Шейна долженъ былъ прибѣгнуть къ слѣдующему средству, чтобы попасть въ Москву. Онъ привезъ съ собой большого сына для лѣченія, помѣстилъ его въ Ново-Екатерининскую больницу, и такимъ образомъ самъ получилъ возможность въ теченіе нѣкотораго времени оставаться въ Москвѣ, такъ какъ больной, какъ еврей, не могъ ѣсть изготовленную христіанами пищу и долженъ былъ получать обѣдъ, изготовленный отцомъ. Упоминаемъ объ этой поѣздкѣ Шейна въ Москву потому, что она повліяла рѣшительнымъ образомъ на всю его дальнѣйшую жизнь. Еврейскій мальчикъ, помѣщенный въ больницу въ сентябрѣ 1843 года, пролежалъ въ ней три года, и это время было для него продолженіемъ школьнаго образованія, но въ иномъ духѣ и съ непредвидѣнными его семьей послѣдствіями. Отъ одного кантониста изъ крещеныхъ евреевъ онъ выучился говорить и читать по-русски и, доставая книги отъ студентовъ, съ увлеченіемъ читалъ Жуковского и Пушкина. При помощи нѣкоторыхъ нѣмецкаго происхожденія ординаторовъ онъ передѣлалъ свой еврейско-нѣмецкій жаргонъ на литературный нѣмецкій языкъ и предался чтенію лучшихъ произведеній нѣмецкихъ поэтовъ, подражая которымъ сталъ самъ складывать еврейскіе стихи, воспѣвавшіе идею просвѣщенія евреевъ. Эти занятія поэзіей и разговоры со студентами, развивавшими умъ еврейскаго мальчика, шли одновременно съ тискаами штромайеровой машины, растягивавшей его сведенные члены, и на время прервались неудачной операціей разрыва сухожилій, которая едва не вызвала антонова огня. Но несмотря на физическія страданія, къ которымъ съ дѣтства притерпѣлся хилый организмъ, періодъ лѣченія въ больницу былъ для Шейна отраднымъ временемъ: передъ нимъ открылся цѣлый міръ новыхъ, гуманныхъ европейскихъ понятій и прежде всего совершенно новый взглядъ на христіанъ. Родившійся и воспитанный въ такой средѣ, въ которой на христіанъ смотрѣли, какъ на *этимъ* (язычниковъ), и гдѣ въ отношенія къ нимъ вносится иная нравственная мѣрка, нежели въ отношенія къ единовѣрцамъ, мальчикъ долженъ былъ

сначала относиться недоверчиво и подозрительно къ христіанамъ, ощутившись внезапно въ ихъ средѣ. Каковъ же былъ нравственный переворотъ, происшедшій въ его душѣ, когда въ больницѣ, среди русскихъ, одинокой еврейчикъ встрѣтилъ со всѣхъ сторонъ вниманіе и ласку! И начальство больницы, и ординаторы, и студенты-медики относились къ больному съ теплымъ участіемъ: съ нимъ разговаривали, какъ съ равнымъ, ему сообщали новыя свѣдѣнія, давали читать книги и внимательно слѣдили за ходомъ лѣченія. Понятно, что мальчикъ всей душой привязался къ окружающимъ его лицамъ, и что мысль вернуться, по излѣченіи болѣзни, снова въ провинціальную еврейскую среду, съ ея застарѣлыми предрасудками и узкими понятіями о нравственности, не могла казаться ему привлекательною. А между тѣмъ штрмайерова машина оказала благотворное дѣйствіе на его сведенныя ноги, выздоровленіе или по крайней мѣрѣ возможность ходить приближались, а вмѣстѣ съ этимъ являлась необходимость покинуть Москву и новый кружокъ знакомыхъ, такъ какъ, по выпискѣ изъ больницы, Шейнъ, по закону, терялъ право оставаться въ столицѣ. И вотъ молодой еврей, ставшій уже христіаниномъ по понятіямъ, пріобрѣтеннымъ въ теченіе трехлѣтняго пребыванія среди христіанъ, рѣшается на важный шагъ въ жизни—на переходъ въ христіанство, не ради матеріальныхъ благъ, которыхъ онъ не пріобрѣталъ черезъ это, а скорѣе лишаясь, а ради нравственной невозможности вернуться въ среду, въ которой родился. Подъ вліяніемъ лежавшей въ больницы лютеранки, княгини Костровой, нѣкоторыхъ лютеранъ изъ ординаторовъ и пастора Розенштрауха, Шейнъ перешелъ въ лютеранство, долженъ былъ порвать навсегда вслѣдствіе крещенія связи съ родной семьей, лишаясь черезъ это всякихъ средствъ существованія, и, по выходѣ изъ больницы, былъ принятъ въ сиротское отдѣленіе школы при лютеранской церкви Святого Михаила. Здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ онъ пополнял свое скудное образованіе, занимаясь преимущественно подъ руководствомъ преподавателя Ѳ. Б. Миллера русскимъ языкомъ и литературою, такъ что въ послѣдній годъ пребыванія въ школѣ уже самъ могъ преподавать русскій языкъ въ младшемъ классѣ, съ вознагражденіемъ 10 рублей въ мѣсяцъ. Знакомство, потомъ дружба съ поэтомъ-переводчикомъ Ѳ. Б. Миллеромъ открыла Шейну доступъ въ одинъ изъ тогдашнихъ тѣсныхъ литературныхъ кружковъ, къ которому принадлежали нѣкоторые писатели и художники, коротко знакомые между собою: Ѳ. Н. Глинка, Мих. Дмитріевъ, Раичъ, художники Рабусъ, Рамазановъ, Авдѣевъ и нѣкоторые другіе. Всѣ зна-

Комму относились сочувственно къ молодому человѣку, удивлявшему своими способностями и научной пытливостью, и старались по возможности оказать ему содѣйствіе въ пріисканіи средствъ къ жизни. Съ 1850 года начинается періодъ скитанія П. В. по Россіи въ качествѣ домашняго учителя въ помѣщичьихъ семьяхъ. Четыре года онъ прожилъ въ семьѣ Загряжскихъ, частью въ Торжкѣ, частью въ деревнѣ. Затѣмъ мы видимъ его въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи въ семьѣ гг. Олениныхъ. Въ промежуткахъ между мѣстами Шейнъ проживаетъ въ Москвѣ, гдѣ находитъ радушный привѣтъ въ семьѣ Шевыревыхъ и Аксаковыхъ. Любовь къ произведеніямъ народной словесности, охватившая П. В. при близкомъ знакомствѣ съ народомъ, сблизила его по симпатіямъ съ московскимъ кружкомъ славянофиловъ. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, когда въ обществѣ уже чувствовалось вѣяніе близкой крестьянской реформы, въ періодъ перваго пыла увлеченія русской народностью, подъ живымъ впечатлѣніемъ книжекъ „Русской Бесѣды“, въ которыхъ были помѣщены нѣкоторыя народныя былины, Павелъ Васильевичъ, проживавшій тогда въ качествѣ домашняго учителя у гг. Кротковыхъ, въ Корсунскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи, рѣшаетъ безповоротно посвятить себя собиранію памятниковъ народной словесности, начинаетъ записывать пѣсни по окрестнымъ деревнямъ и скоро привозитъ въ Москву, въ кружокъ Хомякова и Аксаковыхъ, небольшое собраніе былинъ и историческихъ пѣсень, собранныхъ имъ въ Корсунскомъ уѣздѣ. Въ 1859 году этотъ первый собирательскій трудъ Шейна былъ напечатанъ профессоромъ О. М. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“¹⁾. Съ этихъ поръ вплоть до дня смерти Шейнъ не измѣнилъ поставленной себѣ задачѣ. Всюду, куда ни забрасывала его судьба, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался сблизиться съ народомъ, прислушивался къ его своеобразной рѣчи, наблюдалъ его обряды и обычаи, записывалъ его пѣсни, сказки, повѣрья,—словомъ все, въ чемъ выражается его духовная жизнь...

Въ періодъ открытія воскресныхъ школъ въ Москвѣ Шейнъ является преподавателемъ грамотности въ одной изъ нихъ; въ теченіе нѣкотораго времени, проживая въ имѣніи графа Льва Толстого, онъ преподаетъ въ Яснополянской школѣ и пользуется этимъ случаемъ записывать отъ учениковъ дѣтскія пѣсни. Вообще нигдѣ и никогда П. В. не терялъ случая вступать въ личное общеніе съ

¹⁾ См. кн. III июль—сентябрь 1859 г., стр. 121—170.

народомъ и извлекать изъ него какой нибудь интересный матеріалъ для этнографа. Могу сослаться на свои студенческія воспоминанія 2-ой половины 60-хъ годовъ. Каждый разъ какъ Шейнъ, прїѣзжая изъ провинціи въ Москву, являлся въ нашу семью, онъ спрашивалъ у меня, нельзя ли побесѣдовать съ нашей прислугой. Являлись кухарка, горничная или дворникъ, начинались разспрашиванія изъ какихъ они мѣстъ, не знаютъ-ли пѣсенъ или сказокъ и тутъ же нерѣдко кое что записывалось—пѣсня-ли, сказка-ли, или отдѣльныя слова и выраженія. При этомъ въ разговорѣ съ простымъ народомъ П. В. умѣлъ скоро устранить всякія стѣсненія и заинтересовать собесѣдника, напоминая ему самъ ту или другую пѣсню изъ богатаго запаса своей памяти. Любилъ онъ также разговаривать съ дѣтьми и подмѣчать выраженія дѣтскаго языка, для котораго собралъ интересный матеріалъ. Наблюденія надъ живымъ великорусскимъ языкомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, дали П. В-чу возможность напечатать въ X т. „Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности И. Ак. наукъ“ (въ 1873 г.) значительныя дополненія къ Толковому словарю В. И. Даля. Этому общенію съ народомъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи содѣйствовала преподавательская служба Шейна. Послѣ службы въ качествѣ уѣзднаго учителя, а затѣмъ штатнаго смотрителя уѣздныхъ училищъ въ Тулѣ и Епифани, П. В. изъ великорусскихъ губерній переходитъ въ бѣлорусскія, увозя съ собою огромный сборникъ великорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ имъ въ теченіе ряда годовъ. Въ Витебскѣ, гдѣ ему пришлось служить учителемъ гимназіи въ теченіе 7 лѣтъ, П. В. занимался изготовленіемъ къ печати великорусскаго сборника и одновременно записываніемъ бѣлорусскихъ матеріаловъ. Наконецъ въ 1870 г. появилась въ „Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ. Россійскихъ“ 1-я часть великорусскихъ пѣсенъ. Въ этомъ своемъ первомъ обширномъ сборникѣ (до 600 страницъ) Шейнъ располагаетъ накопившейся у него запасъ пѣсенъ въ томъ біографическо-календарномъ порядкѣ, которому слѣдовалъ во всѣхъ дальнѣйшихъ своихъ сборникахъ. Собраніе открывается пѣснями дѣтскими, за ними идутъ хороводныя, плясовыя, далѣе бесѣдныя, обрядовыя, свадебныя и похоронныя. Такимъ образомъ читатель можетъ прослѣдить, какія пѣсни отъ колыбели до могилы сопровождаютъ жизнь великорусскаго крестьянина. Замѣчу, что Шейнъ прилагалъ и впослѣдствіи много труда къ распредѣленію пѣсенъ въ извѣстныхъ рубрикахъ, сознавая самъ, что здѣсь возможны ошибки, на что и указывала ученая критика. „Встрѣчаются, правда, говоритъ онъ

въ предисловіи къ „Великоруссу“¹⁾, нерѣдко случаи, что и народъ, вслѣдствіе ли ослабленія у него памяти, или чисто бытовыхъ и историческихъ условій, самъ спутываетъ и смѣшиваетъ роды и виды своихъ пѣсенъ, выдавая одинъ вмѣсто другого, не различая строго ихъ примѣненія къ дѣлу, но задача собирателя (правда несовсѣмъ легкая) стараться по возможности распутать спутанное, для чего онъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ найти руководящую нить въ сравненіи данной пѣсни одной мѣстности съ параллелями ея въ другихъ или въ старинныхъ сборникахъ, а въ особенности въ музыкальномъ ея мотивѣ“. Первый сборникъ Шейна былъ встрѣченъ сочувственно и въ научной литературѣ, и въ обществѣ, благодаря обилію пѣсенъ и интересу ихъ поэтическому и бытовому. Н. И. Костомаровъ на основаніи труда Шейна пишетъ свою извѣстную статью въ „Вѣстникѣ Европы“ (іюнь 1872 г.) „Великорусская народная поэзія“, содержащую характеристику духовнаго быта великоруссовъ и вызвавшую замѣчанія Ореста Миллера (въ „Филологическихъ Запискахъ“) и Москвича (Ф. И. Буслаева) въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Извѣстный англійскій ученый Рольстонъ, знакомый съ русскимъ языкомъ и литературой, въ своей книгѣ о пѣсняхъ русскаго народа (Songs of the Russian people, 1872 г.) приводитъ въ англійскомъ переводѣ значительное количество пѣсенъ изъ сборника Шейна. Г. Гроспичъ въ журналѣ „Russische Revue“ на основаніи тѣхъ же пѣсенъ пишетъ статью о свадебныхъ обрядахъ русскихъ крестьянъ (Hochzeitsgebräuche des russischen Landvolks). Всѣ занимающіеся изученіемъ русской народности находятъ въ сборникѣ цѣнный матеріалъ: имя Шейна упоминается во многихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Филологическихъ Запискахъ“, въ „Филологическомъ Вѣстникѣ“ и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ ученыхъ: Александра Веселовскаго, Потебни, Колосова, Смирнова и друг. Но помимо чисто научнаго интереса, нѣкоторыя пѣсни сборника получили, можно сказать, всероссійскую извѣстность. Такъ, сообщенная Шейномъ (съ напѣвомъ) пѣвцу Славянскому пѣсня „Спится мнѣ младешенькой, дремлется“ (записанная Шейномъ въ Твери), вмѣстѣ съ хоромъ артиста, облетѣла всю Россію, нѣкоторыя славянскія земли, побывала даже въ Америкѣ²⁾.

¹⁾ Стр. IX

²⁾ Кстати по поводу этой пѣсни. Въ своей рецензіи 1-го выпуска „Великорусса“ проф. А. И. Соболевскій высказываетъ какъ бы подозрѣніе въ ея подлинности, говоря: „№ 833 („Спится мнѣ младешенькѣ“) взять изъ поэмы Некрасова; это во всякомъ случаѣ подправленная поэтомъ народная пѣсня“ („Этнограф. Обзорніе“ кн. XXXVIII стр. 192). Вотъ ка-

Одновременно съ первой частью великорусскаго сборника была Шейномъ изготовлена и вторая, содержащая пѣсни рекрутскія и солдатскія, былины и историческія, бурлацкія, острожныя и духовныя стихи. Но надъ этой частью тяготѣетъ канай то влой рекъ: два раза пришлось собирателю возстановлять ее по черновымъ вслѣдствіе пронажи готовой для печати рукописи. Наконецъ, черезъ семь лѣтъ послѣ первой она начата была печатаніемъ, въ 1877 г., въ тѣхъ же „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, но по независящимъ отъ собирателя обстоятельствамъ редація прервала печатаніе на 16 листѣ. Болѣе двадцати лѣтъ прошло послѣ этой неудачной попытки издать 2-ю часть великорусскихъ пѣсень. Она все время нарастала и поподнялась, не смотря на то, что въ теченіе этого періода времени Шейнъ былъ занятъ, какъ увидимъ ниже, изданіемъ своихъ бѣлорусскихъ матеріаловъ. Наконецъ, въ концѣ 90-хъ годовъ, когда отдѣленіе Русскаго языка и словесности постановило издать „Великорусса“, для Шейна мелькнула надежда издать весь свой многолѣтній трудъ полностью. Разросшаяся 2-я часть сборника, какъ онъ сообщаетъ въ предисловіи къ 1-му тому, должна была составить обширный 2-й томъ съ такою программой: „II томъ начинается пѣснями историческими, большою частью военнаго характера, отъ Ивана Грознаго до Крымской войны, за ними слѣдуютъ рекрутскія, солдатскія, казацкія, бурлацкія, извоищичьи, воровскія, разбойничьи, осыльно-каторжныя, ваторемныя и чернеческія. За чисто-народными пѣснями будетъ помѣщенъ небольшой отдѣлъ духовныхъ стиховъ, сложившихся подъ вліяніемъ церков-

кія строки я нахожу въ частномъ письмѣ, полученномъ мною отъ П. В. въ 1884 году. Упомянувъ о полемикѣ Костомарова и О. Миллера, вызванной 1-мъ томомъ его „Русскихъ народныхъ пѣсней“, Шейнъ говоритъ: „Только по поводу этой полемики въ обзорѣ текущей литературы въ „Отечественныхъ Запискахъ“ было сказано нѣсколько словъ съ главнымъ примѣчаніемъ: „мы только изъ этой полемики узнали о существованіи сборника г. Шейна“. Однакожь это обстоятельство не помѣшало покойному Некрасову вставить *въ своей передлѣкѣ* пѣсенку „Спитъ мнѣ младешенькой“, *взятую изъ этого сборника безъ всякаго указанія, послѣ того какъ она, благодаря Славянскому, сдѣлалась популярной*». Вѣроятно Шейнъ въ этомъ письмѣ цитировалъ по памяти отзывъ Михайловскаго изъ его статьи „Литературныя и Журнальныя Замѣтки“ (въ „Отеч. Запискахъ“ 1872 г., кн. 10), въ которой упоминается о первомъ сборникѣ Шейна въ слѣдующихъ словахъ: „Недавно вышли «Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ», съ которыми мы знакомы только по статьѣ г. Костомарова: „Великорусская народная пѣсенная поэзія“ въ „Вѣстникѣ Европы““. (См. собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго, изд. 1888 г., т. II, стр. 149). У Некрасова названная пѣсня вставлена въ третью часть поэмъ: „Кому на Руси жить хорошо“, напечатанной впервые въ „Отеч. Записк.“ 1874 г., кн. 1.

ной книжности. Весь же стихотворный отдѣлъ закончится небольшою коллекціей пѣсень заводскихъ, фабричныхъ, лакейскихъ и т. п., новой и новѣйшей формаци, которыя рѣзко отличаются отъ стародавнихъ народныхъ своимъ духомъ, складомъ и содержанием¹⁾. Но собирателю такъ и не было суждено увидѣть въ печати „рокового“ 2-го тома своихъ великорусскихъ пѣсень! Когда наступило время сдать рукопись въ типографію Академіи, П. В. доживалъ уже свои послѣдніе дни, только что окончивъ печатанье 1-го тома „Великорусса“, вышедшаго въ маѣ текущаго года.

Болѣе посчастливилось бѣлорусскимъ матеріаламъ Шейна. Въ теченіе его пребыванія въ Витебскѣ въ 70-хъ годахъ его собраніе быстро возрастаетъ до цифры 1000 ММ. Предавшій всей душой любимому дѣлу, П. В. старается вызвать интересъ къ собранію памятниковъ народной словесности въ своихъ сослуживцахъ, въ ученикахъ, въ знакомыхъ помѣщичьихъ семьяхъ. Онъ заводитъ всюду корреспондентовъ, учитъ любителей приемамъ записыванія, выработаннымъ долгодѣтельной практикой, входитъ въ письменныя сношенія съ извѣстнымъ знатокомъ нѣмецкой народной поэзіи Маннгардтомъ, печатаетъ для руководства неопытныхъ собирателей программу и т. п. Къ 1873 году былъ готовъ въ рукописи *бѣлорусскій* сборникъ Шейна. Представленный собирателемъ въ Этнографическое Отдѣленіе Имп. Русскаго Географическаго Общества этотъ первый трудъ его по Вѣлоруссіи былъ удостоенъ золотой медали, а въ 1874 году напечатанъ въ *Запискахъ* Общества подъ заглавіемъ: „Бѣлорусскія народныя пѣсни съ относящимися къ нимъ обрядами, обычаями и суевѣріями, съ приложеніемъ объяснительнаго словаря и грамматическихъ примѣчаній“, затѣмъ, по выходѣ его отдѣльнымъ оттискомъ, былъ удостоенъ со стороны Академіи наукъ и Уваровской преміи. Трудъ Шейна былъ рассмотрѣнъ, по порученію Академіи, проф. О. О. Миллеромъ, который, отдавая сборнику по интересу и полнотѣ матеріала предпочтеніе передъ трудами его предшественниковъ на этомъ поприщѣ, ставитъ его выше ихъ и по строгости приемовъ, употребленныхъ при собраніи пѣсень. Рецензентъ указывалъ на то, что Шейнъ хорошо знакомъ съ литературой предмета и сдѣлалъ, гдѣ нужно, ссылки на другіе бѣлорусскіе сборники, между прочимъ и на довольно рѣдкіе, изданные поляками, а многое заимствовалъ для своего сборника изъ разныхъ мало распространенныхъ мѣстныхъ изданій. По оцѣнкѣ О. Миллера, сборникъ Шей-

1) Великоруссь, т. I, вып. I, стр. X.

на не есть простое собраніе сырого матеріала: мы находимъ въ немъ много цѣнныхъ примѣчаній грамматическихъ и лексическихъ; другія примѣчанія объясняютъ обряды, суевѣрія и проч. на основаніи нѣкоторыхъ выдающихся трудовъ по сравнительной мѣологіи. Подробно разсмотрѣвъ трудъ Шейна, рецензентъ вообще отзывается объ авторѣ, какъ объ опытномъ и способномъ собирателѣ, недаромъ употребившемъ много времени, труда и матеріальныхъ пожертвованій на поиски за пѣсеннымъ матеріаломъ, и въ заключеніе высказываетъ убѣжденіе, что скромность автора, не возвѣщающаго о своихъ заслугахъ, отсутствіе въ его трудѣ всего казowego, бросающагося въ глаза, дѣльно ограниченныя размѣры его примѣчаній и объяснительнаго послѣсловія—все это позволяетъ видѣть въ его сочиненіи плодъ отнюдь не малаго и не скороспѣлаго труда, и что въ лицѣ Шейна нельзя не отличить преміей одного изъ тѣхъ дѣятелей, которымъ надо идти навстрѣчу, такъ какъ сами они не привыкли благовѣстить о себѣ¹⁾. Отмѣтимъ, что первый бѣлорусскій сборникъ Шейна завоевалъ себѣ еще большій успѣхъ, чѣмъ великорусскій. Не только филологи и историки, но и изслѣдователи обычнаго права стали черпать изъ него данныя для своихъ спеціальныхъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ.

Въ то время, когда оба первые сборника Шейна—великорусскій и бѣлорусскій—пріобрѣтали почетную извѣстность, скромный собиратель, покинувъ Витебскъ, снова кочуетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по великорусскимъ городамъ въ качествѣ учителя гимназіи, сначала въ Шуѣ, затѣмъ въ Зарайскѣ и наконецъ въ Калугѣ, продолжая на ряду съ педагогическою дѣятельностью пополнять собранные матеріалы. Опытность П. В. въ дѣлѣ собиранія народныхъ произведеній была послѣ его послѣдняго труда оцѣнена и Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности И. Акад. наукъ. Въ 1877 году, по ходатайству академіи, Шейнъ былъ командированъ съ субсидіей въ 700 р. на вакаціонное время въ Сѣверо-западный край для собиранія матеріаловъ по бѣлорусскому нарѣчію и памятниковъ народной словесности. Относясь съ крайнею добросовѣстностью ко взятой на себя задачѣ, П. В. не былъ удовлетворенъ результатами одной поѣздки, но предпринялъ въ тотъ же край рядъ другихъ на свои личныя скудныя средства ради пополненія и провѣрки доставленныхъ свѣдѣній, сначала въ вакаціонное время, а затѣмъ, когда разстроенное здоровье принудило

¹⁾ См. Отчетъ о 18-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова за историческія сочиненія.

его отказаться от преподавательскаго труда (въ 1879 г.),— и въ другія времена года. Все это труженикъ науки совершала на немногіе рубли, отложенные всякими липшеніями отъ 61 рубля ежемѣсячной учительской пенсіи, причемъ подспорьемъ ему служили выхлопываемыя ему льготы по проѣзду на желѣзныхъ дорогахъ и иногда радушное гостепріимство нѣкоторыхъ провинціальныхъ знакомыхъ. Едва ли можно себя представить, чтобы гдѣ либо научныя экспедиціи совершались такъ дешево и приносили такіе капитальные результаты.

Къ началу 1884 года была изготовлена къ печати 1-я часть 1-го тома бѣлорусскихъ матеріаловъ, собранныхъ П. В. Шейномъ въ теченіе нѣсколькихъ поѣздокъ въ Сѣверо-западный край. Этотъ годъ совпадаетъ съ завершившимся 25-лѣтіемъ собирательской дѣятельности П. В.—ча. Нѣкоторые лица, близко знавшія Шейна и его труды, вспомнили о его научныхъ заслугахъ, въ печати появились о немъ сочувственные отзывы, по ходатайству Этнографическаго Отдѣла Шейнъ былъ выбранъ въ непремѣнные члены Императорскаго Общества Любителей Е., А. и Э., за многолѣтніе плодотворные труды въ области собиранія памятниковъ народнаго творчества ему была присуждена Обществомъ золотая медаль. О значеніи его трудовъ была представлена въ Министерство Народнаго Просвѣщенія докладная записка съ подписью всѣхъ членовъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета, содержавшая вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайство объ увеличеніи размѣра его пенсіи. Подобное же ходатайство было сдѣлано отъ нашего Общества. Но, несмотря на сочувствіе Министерства Народнаго Просвѣщенія и министра финансовъ Бунге, вопросъ о пенсіи затормозился, и П. В. пришлось еще нѣсколько лѣтъ жить въ Петербургѣ, перебиваясь учительской пенсіей и временными субсидіями отъ Академіи за участіе его въ пополненіи Академическаго Словаря русскаго языка. Занимаясь редактированіемъ крайне медленно печатавшагося бѣлорусскаго сборника, онъ читалъ для словаря Пушкина, Жуковскаго, Языкова, Баратынскаго, Кольцова, С. Аксакова и другихъ писателей, получая небольшое вознагражденіе за доставленныя словарныя карточки. А между тѣмъ матеріальное положеніе Шейна становилось все болѣе тревожнымъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ (кажется, въ 88) онъ женился и долженъ былъ содержать жену, а затѣмъ и ребенка. Наконецъ, судьба неожиданно удручила Шейну и на время разсѣяла его тревоги. Въ половинѣ 1891 года я изъ письма узналъ, что хлопоты о пенсіи увѣнчались успѣхомъ. „Вы столько хлопотали“, писалъ мнѣ П. В., „объ улучшеніи моеи

судьбы, что вамъ, безспорно, пріятно будетъ узнать, что по милости Государя я получилъ пенсію удвоенную, т. е. 122 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Этимъ я исключительно обязанъ энергическому ходатайству Аполлона Николаевича Майкова, задушевнаго друга министра Вышнеградскаго. Онъ выступилъ такимъ защитникомъ и истолкователемъ моихъ интересовъ передъ Министерствомъ Просвѣщенія, какимъ я самъ никогда и быть не могу по робости своей природы и неумѣнью говорить... Поздравьте меня съ такой царской милостью, которая сразу обезпечила мнѣ съ семействомъ безбѣдную скромную жизнь и поставила меня въ возможность продолжать мои крохоборныя работы по этнографіи и языку, которыя и теперь еще могутъ оказаться не совсѣмъ лишними для науки". Для Шейна протекло нѣсколько лѣтъ болѣе спокойной семейной жизни. Любящая, заботливая жена сумѣла устроить для него тихій домашній очагъ, о которомъ онъ напрасно мечталъ всю жизнь. Домашняя обстановка благопріятно отразилась и на состояніи его здоровья, и на ходѣ занятій. За первой частью 1-го тома „Матеріаловъ для изученія русскаго населенія сѣверо-западнаго края“ (1887 г.) слѣдуетъ (въ 1890) вторая (достигающая 708 стр.) и (въ 1893) томъ 2-ой (715 стр.), содержащій сказки, анекдоты, легенды, преданія, воспоминанія, пословицы, загадки, привѣтствія, пожеланія, божбу, проклятія, ругань, заговоры, духовные стихи и проч. Къ великой радости Шейна въ январѣ 1896 г. 2-е отдѣленіе Академіи приняло его предложеніе—печатать безотлагательно его Великорусскій сборникъ, и онъ весь погрузился въ приведеніе его въ порядокъ для сдачи въ академическую типографію. Но недолговременно было чувство нравственнаго удовлетворенія и спокойствія, которое онъ испытывалъ. Уже черезъ мѣсяцъ послѣ радостнаго письма я получилъ отъ П. В. другое, полное тоски и мрачныхъ предчувствій. Надъ нимъ снова стряслась бѣда. „Моя бѣдная, трудолюбивѣйшая и добрѣйшая жена,“ пишетъ онъ мнѣ (8-го февраля 1896 г.) „заболѣла-такой болѣзнию, которой помочь безъ операціи невозможно. Она около мѣсяца исходитъ кровью. А для операціи ей необходимо лечь въ больницу... Я рѣшительно въ отчаяніи, какъ мнѣ съ дочуркой прожить на свѣтѣ въ продолженіе этого времени. Вѣдь ни я, ни дочурка не можемъ шагу сдѣлать безъ мамули нашей: она насъ и одѣваетъ, и раздѣваетъ, и кормитъ, и лѣчитъ; однимъ словомъ, она все въ нашей ежедневной жизни“... „Если вы на прошлой недѣлѣ получили мое письмо, то знаете (пишетъ мнѣ П. В. отъ 13 февраля), подъ какимъ страшнымъ гнетомъ ужасающихъ мыслей и чувствъ я вынужденъ работать, чтобы мой многолѣтній трудъ

былъ немедленно отданъ въ печать... Моя милая, много-страдальная жена съ прошлой субботы находится въ Евангелической бодьницѣ, и сегодня утромъ ей тамъ сдѣлали операцию весьма серьезную. Что будетъ съ нею, и что ожидаетъ меня съ дочуркой—страшно подумать. У меня голова трещить, всѣ нервы въ страшномъ напряженіи,—плачу по-минутно, какъ старая деревенская баба... Какія вѣсти принесетъ мнѣ завтрашній день? Дай Богъ, чтобы онѣ оказались утѣшительными. Уповаю на милосердіе Бога, что сподобитъ меня передать Ему духъ мой на рукахъ моей милой, дорогой жены и не попустить смерти подкосить мою жизнь въ одиночествѣ прежде, нежели окончу свой небезполезный для моихъ соотечественниковъ трудъ "... Отъ Павла Васильевича скрывали, что жена его уже въ сильной степени поражена была ракомъ. Операциа не помогла. Каково было душевное состояніе Шейна, когда жена вернулась изъ больницы и продолжала мучиться дома, можно видѣть изъ нѣкоторыхъ строкъ письма его ко мнѣ отъ 30-го октября. „Тяжкое горе въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ обесилило мою энергію такъ, что я не въ состояніи думать ни о чемъ другомъ, какъ о моей страдальницѣ женѣ, которая и въ эту самую минуту, когда дрожащая моя рука выводитъ эти строки, стонетъ, плачетъ, корчится отъ невыразимой боли отъ ползущаго по ея тѣлу рака... Оперировавшій ее два раза докторъ уже три недѣли тому назадъ сказалъ мнѣ, что спасенія для нея нѣтъ, что медицина безсильна. Другъ мой! Какъ тяжело видѣть такіа страданія любимой жены, которой я столько обязанъ, и не быть въ состояніи хоть сколько-нибудь облегчить ей эти адскія муки... Уже не говоря о томъ, что предстоящее мнѣ испытаніе, когда Богу угодно будетъ призвать ее къ себѣ, убьетъ послѣднюю жизненную силу мою, которая какимъ-то чудомъ сохранилась во мнѣ, въ моемъ слабомъ организмѣ съ такой живучестью, но страданія мои душевныя въ теченіе уже двухъ мѣсяцевъ высасываютъ всю мою кровь, сжимаютъ мою слабую грудь до спазмъ, до бессонницы: не сплю до 4-хъ, 5-ти часовъ утра. А между тѣмъ меня академическая типографія осаждаетъ корректурами моего „Вѣкорусса“. Не знаю, хватитъ ли у меня силъ для перенесенія предстоящаго мнѣ несчастія, но мнѣ не хотѣлось бы умереть раньше окончанія моего сборника, на который я потратилъ столько жизни, энергіи и всевозможныхъ жертвъ... Для этой святой цѣли я готовъ, какъ нищій на улицѣ, просить, клянитъ у всѣхъ проходящихъ мимо меня и близъ меня друзей и пріятелей: помогите, помогите, добрые люди, если только можете, довлечить мнѣ мою разбитую не-

жданно-негадано жизнь, хоть кое-какъ, до окончанія моего многолѣтняго, многострадальнаго труда...“

Крайне тяжело было душевное состояніе въ теченіе всей зимы 96--97 года. Страдающая мучительно жена въ больницѣ, дѣвочка дочка безъ присмотра, самъ онъ еле влачащій ноги при помощи костылей, проводитъ часть дня у постели жены, вечера и ночи—за спѣшными корректурами. Вотъ при какихъ условіяхъ печатался 1-й выпускъ его „Великорусса“, этого въ полномъ смыслѣ многострадальнаго труда. Только идейное увлеченіе работой, только желаніе довести ее до конца удерживало П. В.—ча отъ полного отчаянія подъ бременемъ семейнаго горя...

Наконецъ, въ концѣ февраля 1897 года окончились страданія жены П. В.—ча. „Моя выстрадавшаяся, дорогая, незамѣнимая жена волей Божіей скончалась“, писалъ онъ мнѣ (28 февраля). „Вы, дорогой другъ мой, сердцемъ и душой поймете, какой тяжкій, сокрушительный ударъ нанесла мнѣ судьба этой утратой, въ особенности въ мои годы. Страшно тяжело будетъ мнѣ довлечить остатокъ жизни при отсутствіи такого ухода, какимъ я пользовался при жизни моей Паши...“ Снова семидесятилѣтній старикъ сталъ бобылемъ на свѣтѣ: самъ нуждаясь въ постоянномъ уходѣ, онъ не могъ взять на себя отвѣтственность въ воспитаніи дочери, которой пришла пора учиться, и долженъ былъ отдать ее въ институтъ. Заботы любящей жены, предупреждавшей его желанія, замѣнились невнимательнымъ уходомъ чужихъ и равнодушныхъ людей. Перенесшій сильное потрясеніе организмъ могъ довлечить еще нѣсколько трудныхъ годовъ только благодаря идеѣ, его одухотворявшей, а эта идея, всецѣло овладѣвшая его помыслами, была—довести до конца любимое дѣло всей его жизни.

Послѣдніе годы П. В. провелъ исключительно за корректурами и приготовленіемъ къ печати слѣдующей—2-й части „Великорусса“, разраставшейся все болѣе и болѣе отъ поступленія новыхъ матеріаловъ. Подорванное упорной зимней работой здоровье онъ нѣсколько подправлялъ лѣтомъ ваннами въ Дуббельнѣ или Кеммернѣ. Съ такою же цѣлью отправился онъ на Балтійское море и въ серединѣ лѣта текущаго года, но застарѣлая, внезапно обострившаяся болѣзнь въ нѣсколько дней свела его въ могилу. П. В. скончался въ тяжкихъ мученіяхъ въ Рижской городской больницѣ вдали отъ друзей и знакомыхъ. Еврей по происхожденію, русскій по своимъ глубокимъ симпатіямъ къ народу, на служеніе которому онъ положилъ болѣе 40 лѣтъ труда, Шейнъ, какъ лютеранинъ по вѣроисповѣданію, нашель себя вѣчный покой на нѣмецкомъ кладбищѣ...

Имя Шейна не забудется въ исторіи русской этнографіи. Обширный собранный имъ запасъ произведеній народнаго творчества (7 обширныхъ томовъ, не считая оставшагося у него въ рукописяхъ) дастъ матеріаль для разработки нѣсколькимъ поколѣніямъ ученыхъ. Сколько тысячъ пѣсенъ русскаго народа стало достояніемъ русской науки благодаря его безпримѣрной энергіи! Сколько сохранено обрядовой старины въ записяхъ, попавшихъ въ его сборники изъ большинства великорусскихъ и бѣлорусскихъ губерній! Пусть научная критика, исполняя свою обязанность, указываетъ на нѣкоторые недочеты въ его сборникахъ, напр. на нѣкоторую неотчетливость въ фонетической транскрипціи бѣлорусскихъ пѣсенъ или на промахи въ помѣщеніи пѣсенъ въ ту или другую рубрику... Отъ промаховъ свободенъ лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Разъ промахи замѣтны для науки, они уже исправимы и не могутъ затормозить научныхъ успѣховъ. Про Шейна же даже лица, указывавшія недочеты въ его работахъ, могутъ съ убѣжденіемъ сказать, что онъ всю жизнь былъ добросовѣстнѣйшимъ работникомъ, какъ собиратель и издатель. Не имѣя научной подготовки, онъ былъ цѣнителемъ и знатокомъ народнаго слова и пѣсни, дорожилъ ихъ подлинностью и употреблялъ все отъ него зависѣвшее, чтобы передать наукѣ народное духовное добро во всей его неприкосновенности. Скромный труженикъ не притязалъ на званіе ученаго, любилъ называть себя *чернорабочимъ* науки, но въ этомъ чернорабочемъ чувствовался умственный складъ филолога изслѣдователя, замѣчательная наблюдательность явленій языка и глубокой интересъ къ народному слову. Не вина Шейна, если отсутствіе филологическаго образованія сдѣлало его только чернорабочимъ. Но еще бѣльшимъ уваженіемъ проникнемся мы къ его собирательскому труду, если вспомнимъ, при какихъ условияхъ онъ совершался. Не умаляя высокаго значенія трудовъ нашихъ извѣстныхъ собирателей, можно положительно сказать, что ни одинъ изъ нихъ не былъ въ такомъ невыгодномъ положеніи относительно здоровья и матеріальныхъ средствъ, какъ П. В. Шейнъ. П. Кирѣевскій былъ человѣкъ богатый, помѣщикъ многихъ имѣній въ разныхъ губерніяхъ въ эпоху крѣпостного права, когда примитивная народная жизнь, народная поэзія текли ровнымъ, невозмутимымъ потокомъ. У собирателя были громадныя связи, обширное родство чуть ли не во всѣхъ губерніяхъ. Для него собирали такіе люди, какъ Пушкинъ, Языковъ, Елагинъ, Даль и мн. др. Онъ имѣлъ возможность платить П. Якушкину, чтобы онъ собиралъ по его программѣ. П. Н. Рыбниковъ собиралъ произведенія народнаго творчества въ сво-

ихъ разъѣздахъ по Олонецкой губерніи, состоя на службѣ въ должности секретаря губернскаго статистическаго комитета. А. Ѳ. Гильфердингъ предпринялъ свою замѣчательную для науки поѣздку въ Олонецкую губернію въ то время, когда уже пользовался громкимъ именемъ въ наукѣ, состоялъ предсѣдателемъ петербургскаго отдѣленія славянскаго комитета и предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія И. Р. Геогр. Общества. Оба изслѣдователя не были стѣснены въ средствахъ и работали въ области весьма счастливой для наблюденія всякаго рода обильныхъ слѣдовъ старины въ пѣснѣхъ и обычаяхъ. На экспедицію въ западно-русскій край, снаряженную И. Р. Геогр. Обществомъ въ концѣ 60-хъ годовъ и давшую замѣчательные материалы, собранные П. П. Чубинскимъ, смотрѣли, какъ на дѣло государственнаго значенія. На нее было первоначально ассигновано 10 тысячъ рублей. Въ своихъ поѣздкахъ Чубинскій имѣлъ постоянного помощника для письменныхъ работъ, а въ 1870 г. число помощниковъ возросло до пяти. Не такъ былъ поставленъ Шейнъ почти во все продолженіе своихъ собирательскихъ трудовъ. Большинство поѣздокъ совершилъ онъ на ничтожныя средства, которыя ему удавалось съэкономить отъ учительскаго жалованья, а затѣмъ отъ скудной пенсіи. Далеко не обильны были и случайныя субсидіи отъ Академіи Наукъ и не давали ему возможности имѣть платныхъ помощниковъ. Притомъ всякія передвиженія стоили ему немалого труда и утомленія: вспомнимъ, что онъ былъ калѣка, въ полномъ смыслѣ этого слова, писалъ медленно своими сведенными пальцами и еле передвигалъ ноги, опираясь на костыли. Сѣсть въ экипажъ или взойти на лѣстницу представляло для него цѣлую процедуру. А сколько разочарованій, сколько огорченій пришлось испытать ему въ его стараніяхъ увидѣть собранный имъ матеріалъ въ печати! При роковой скудности средствъ нашихъ ученыхъ обществъ не мало пришлось ему въ жизни выслушать отказовъ на его просьбы о печатаніи собраннаго имъ пѣсеннаго богатства. А затѣмъ, когда для него открылась возможность на старости пристроить свои матеріалы въ изданія Академіи Наукъ, его постоянно тревожила мысль, что хилое здорье не позволить ему довести до конца дѣло, которое будетъ крайне трудно, если не невозможно, послѣ его смерти завершить другому лицу. Опасенія труженика оправдались. Большая часть его „крохоборнаго“ многолѣтняго труда еще лежитъ въ рукописяхъ, и никто не знаетъ, осуществится ли когда нибудь завѣтная мечта этого энтузіаста русской народности, посвятившаго ея служенію всю свою многострадальную жизнь.

Всв. Миллеръ.

Списокъ трудовъ П. В. Шейна ¹⁾.

1859 г.

1) Русскія народныя былинны и пѣсни. Чтенія въ Общ. Исторіи и Древностей, кн. III., стр. 121—170. (Былевья пѣсни отсюда перепечатаны въ „Чтеніяхъ“ 1877 года, см. ниже подъ № 14.)

1867 г.

2) Программа для собранія памятниковъ народнаго творчества. (Напечатана для разсылки по Витебской губ.; позднѣе перепечатывалась съ замѣненіями и дополненіями четыре раза. см. №№ 12, 19, 28 и 32.)

1868—70 гг.

3) Русскія народныя пѣсни часть I., Чтенія въ Общ. Исторіи и Древностей 1868 г., кн. I., Пѣсни дѣтскія, стр. I—II и 1—80.

4) *Тоже.* Пѣсни хороводныя. Чтенія 1868 г., кн. II., стр. I—IV и 81—244.

5) *Тоже.* Пѣсни плясовыя и бесѣдныя. Чтенія 1868 г., кн. IV., стр. 245—388.

6) *Тоже.* Пѣсни голосовыя или протяжныя. Чтенія 1869 г., кн. I., стр. 389—464.

7) *Тоже.* Пѣсни обрядныя. Чтенія 1869 г., кн. III, стр. 465—510.

8) *Тоже.* Пѣсни свадебныя. Чтенія 1869 г., кн. IV., стр. 511—610.

9) *Тоже.* Пѣсни свадебныя и похоронныя. Чтенія 1870 г., кн. I., стр. 611—668.

10) Русскія народныя пѣсни. М. 1870 г., (отдѣльно изъ Чтенія).

1873 г.

11) Бѣлорусскія народныя пѣсни (въ Запискахъ Императ. Географич. Общества).

12) *Тоже.* отдѣльно съ помѣтой 1874 г. (Здѣсь въ объяснительной статьѣ перепечатана программа (см. выше № 2) и разсказана ея исторія.)

13) Дополненія къ Толковому Словарю Даля. Приложение 6-е къ XXII тому Записокъ Академіи Наукъ. Спб. стр. 1—52.

1877 г.

14) Русскія народныя пѣсни. Часть II., Пѣсни былевья. Чтенія кн. III., стр. 1—132. (Эти пѣсни затѣмъ не повторялись; онѣ должны были войти во 2-й томъ „Великорусса“, къ которому авторъ приступалъ передъ смертью. Изъ 119 помѣщенныхъ здѣсь пѣсенъ (большой частью историческихъ) 40 взято изъ Чтеній 1859 г., остальные новыя.)

15) Обрядъ похоронъ мужъ и др. насѣкомыхъ. Труды Этногр. Отд. кн. IV

1884 г.

16) О скоморошныхъ пѣсняхъ. Докладъ, читанный въ засѣданіи Этнографич. Отдѣл. Императ. Р. Географ. Общества. Былъ ли напечатанъ—не извѣстно.)

1886 г.

17) Приговоры и притеты о табакѣ. Труды Этногр. Отдѣла, кн. VII.

1887 г.

18) Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-западнаго края. Томъ I., часть 1-я. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Спб. Изд. Академіи Наукъ, (№ 11—12 сюда почти совершенно не вошли.)

¹⁾ Составленъ А. Е. Грузинскимъ.

1889 г.

19) О собираніи памятниковъ народнаго творчества для издаваемого Академіей Наукъ Вѣлорусскаго Сборника г. Шейна Спб. I—VIII., (см. № 2.)

1890 г.

20) Матеріалы для изуч. быта и языка русск. насел. Сѣверо-западн. края. Томъ I, часть II. Обряды и обычаи погребальныя и поминальные. Сиб. Изд. Акад. Наукъ.

21) Вильгельмъ Манягардтъ. (Изъ воспоминаній этнографа). Этнограф. Обзоріе кн. VII., стр. 150—164.

1893 г.

22) Матеріалы для изуч. быта и языка русск. насел. Сѣверо-западн. края. Томъ II. Сказки, анекдоты, легенды, преданія, пословицы, загадки, пріянія, пожеланія, ругань, заговоры, духовныя стихи. Спб. Изд. Акад. Наукъ

23) Изъ переписки съ И. И. Манжурою. Этногр. Обзор., кн. XIX., стр. 148—151.

1894 г.

24) Народная пародія на историческую пѣсню. Этнограф. Обзор., кн. XX., стр. 129—131.

1895 г.

25) Еще о народныхъ пародіяхъ. Этногр. Обзор. кн. XXV., стр. 140—131.

26) Письмо къ редактору Живой Старины (о сборн. Кирши). Жив Ст. I.

1898 г.

27) Великорусскъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Томъ I., выпускъ 1-й. Спб. Изд. Акад. Наукъ.

28) О собираніи памятниковъ народнаго творчества по Нижегородской губ., для издаваемого Академіей Наукъ Великорусскаго сборника стр. 1—14. (Изъ № 10—11 Нижегородскихъ Епархіал. Вѣдомостей. Здѣсь программа Шейна помѣщена съ предисловіемъ и подписью секретаря Нижегородской Консисторіи М. Макаревскаго.)

29) Женитьба „комина“ и свѣчки. Этногр. Обзор. кн. XXXVIII., стр. 153—161.

1899 г.

30) Къ вопросу объ условныхъ языкахъ. Извѣстія Отдѣл. Русск. яз., Академіи Наукъ. Томъ IV., кн. 1-я., стр. 277—300

31) Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Извлеченія изъ Самарскаго Сборника Садовникова, Варшава. стр. 1—41. (Изъ „Русск. Филологич. Вѣстника“.)

1900 г.

32) О собираніи памятниковъ народнаго творчества по Воронежской губ. для издаваемого Академіей Наукъ Великорусскаго сборника., стр. 1—7. (Изъ № 29 Воронежск. Губернск. Вѣдом.)

33) Народная пѣсня и Пушкинъ. Спб. 1—21. (Изъ „Ежемесячныхъ сочиненій“.)

34) Великорусскъ. Томъ I., выпускъ 2-й. Изд. Академіи Наукъ.

Въ списокъ не вошли за отсутствіемъ точныхъ справокъ: 1) Опытъ разбора съ учащимися стихотворенія Пушкина, „Что ты ржешь, мой конь рогивый“, помѣщенный въ журналъ „Учитель“ въ 60-хъ годахъ, и 2) Фельетонъ въ газетѣ „Сѣверный Курьеръ“ за 1900 годъ: „О портѣ русскаго языка газетами“.

Памяти Григорія Аветовича Джаншіева.

17 іюля скончался въ Москвѣ членъ нашего Общества, извѣстный русскій публицистъ Григорій Аветовичъ Джаншіевъ. Уроженецъ Тифлиса и воспитанникъ Лазаревскаго Института, покойный до конца своихъ дней сохранилъ интересъ къ Кавказу и Востоку вообще. Посвятивъ свои силы, главнымъ образомъ, популяризаціи среди публики основъ судебной, крестьянской, городской и прочихъ реформъ 60-хъ годовъ, онъ достигъ выдающихся успѣховъ въ своей дѣятельности. Его книга „Эпоха великихъ реформъ“, охватившая циклъ всѣхъ важнѣйшихъ преобразованій Александра II, выдержала семь изданій и стала настольною книгою учащейся молодежи. Другая важная услуга, оказанная Гр. Ав. русской литературѣ заключается въ ознакомленіи читателей съ армянскою народностью, которой заинтересовалось общество въ 1895—1897 гг. по случаю звѣрствъ, совершившихся въ Турціи надъ населяющими ее христианами. Ему удалось при участіи лучшихъ русскихъ литературныхъ силъ издать роскошный по внѣшности изданія и богатый по содержанію огромный сборникъ „Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ“, въ которомъ собраны весьма цѣнные свѣдѣнія объ армянахъ—историческія, этнографическія, антропологическія, статистическія и др. Наконецъ, его книга „Перлъ Кавказа“, посвященная описанію Боржома и Абастумана съ ихъ окрестностями, доставила ему имя пѣвца Кавказа, подобно тому какъ трудъ „Эпоха великихъ реформъ“ приобрѣла ему имя пѣвца славнаго царствованія Александра II. Славу поэта Гр. Ав. заслужилъ благодаря тому чарующему стилю и гуманному чувству, которыя проникаютъ все, что выходило изъ-подъ его талантливаго пера. Сочувственные некрологи и воспоминанія, посвященные памяти Григорія Аветовича, свидѣтельствуютъ о томъ, какую крупную потерю понесла русская журналистика въ лицѣ безвременно скончавшагося нашего сочлена.

А. Хахановъ.

Памяти Ильи Лукича Бахтадзе.

Немного раньше кончины Григорія Аветовича Джаншіева, 13 іюля 1900 г., семья кавказскихъ журналистовъ потеряла одного изъ талантливыхъ и честныхъ своихъ представителей Илью Лукича Бахтадзе, скончавшагося отъ чахотки въ г. Сухумѣ. Илья Бахтадзе, извѣстный въ журналистикѣ подъ именемъ Хонели, родился въ мѣстечкѣ Хони (Кутаис. губ.) около 1858 г. въ патриархальной семьѣ имеретинскаго священника. Первоначальное образованіе получилъ въ Кутаисской гимназій. Покинувъ ее въ пред-

послѣднемъ классѣ, онъ сталъ слушать лекціи въ Спб. университетѣ и завязалъ знакомства съ литературными кружками. Неустанный трудъ надъ самообразованиемъ въ связи съ заботой о кускѣ насущномъ распатал хрупкій организмъ сына юга, и онъ вынужденъ былъ въ 1882 г. переѣхать въ Тифлисъ, принявъ предложеніе кн. Д. Г. Эристова, редактировавшаго „Кавказъ“, стать постояннымъ сотрудникомъ этой газеты. Съ 1884 г. онъ примкнулъ къ редакціи газ. А. В. Степанова „Новое Обозрѣніе“, затѣмъ онъ работалъ въ „Тифл. Листкѣ“ и „Каспій“. Одновременно въ петербургскихъ газетахъ онъ помѣщалъ статьи, относящіяся къ различнымъ нуждамъ Закавказья. Помимо русскихъ изданій въ 1886 г. онъ былъ членомъ редакціи грузинской газеты „Иверія“ и съ 1894 г. хроникеромъ груз. журнала „Моамбѣ“. Во всѣхъ названныхъ изданіяхъ Бахтадзе-Хонели обращалъ на себя вниманіе своими статьями, отличавшимися увлекательностью и разнообразіемъ. Онъ дебютировалъ очерками сельской имеретинской жизни и потомъ писалъ по вопросамъ экономическимъ и городского самоуправления, посвящалъ основательные этюды литературной критикѣ и историческимъ дѣятелямъ, безъ лицепріятія бичевалъ уродства современной жизни, являлся горячимъ поборникомъ народнаго образованія и убѣжденнымъ защитникомъ ихъ интересовъ. Горячая любовь къ народу побудила его заняться изученіемъ его міросозерцанія, и это желаніе привело его къ ознакомленію съ народнымъ творчествомъ. Онъ собралъ массу любопытныхъ легендъ и сказокъ и перевелъ ихъ съ рѣдкимъ умѣньемъ съ грузинскаго на русскій языкъ. Нѣкоторые изъ этихъ переводовъ—легенды о Доглаури, о Гандешли, сказки: Дервишъ, Сновидецъ и др. вошли въ его книгу „Эскизы и этюды“, другіе остались не переизданными со страницъ мало доступныхъ читателямъ газетъ. Его очерка народныхъ обычаевъ и суевѣрій („Въ мірѣ фантазіи“, имеретинскій катеръ „Георгоба“) обличаютъ въ немъ человѣка, способнаго въ отчетливыхъ краскахъ рисовать яркія картины народнаго быта. Нельзя не упомянуть его обширной статьи, посвященной разбору сочиненій кн. Г. Эристова, перваго грузинскаго драматурга, и историческаго очерка знаменитой битвы грузинскаго царя Ираклія II съ персидскимъ шахомъ Ага-Магометь-ханомъ въ 1795 г. Наконецъ, ему принадлежатъ переводы съ современныхъ грузинскихъ беллетристовъ (Ак. Церетели, Ш. Арагвиспирели и др.) и капитальная работа по изученію экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказья. Онъ составилъ интересный очеркъ податнаго обложенія, явившійся вкладомъ въ литературу о Кавказѣ. Утрата такого писателя съ столь разнообразною сферою дѣятельности является весьма чувствительной для юной кавказской печати.

А. Хахановъ.

С М Ъ С Ъ.

Матеріалы для исторіи народнаго театра ¹⁾.

VII. Машенька ²⁾.

Дѣйствующія лица:

Атаманъ.
Есаулъ.
Солдаты (бѣглый).
Гусарь.

Монахъ.
Машенька.
Шайка разбойниковъ съ ястемнями въ ру-
Дуль. [кахъ.

Атаманъ въ красной рубахѣ, подпоясанъ ремнемъ, шапка на немъ большая, на шеѣ револьверъ виситъ на шнурѣ, за поясомъ заткнутъ пистолетъ и кинжалъ, сбоку виситъ шпага.

У есаула за поясомъ кинжалъ, пистолетъ, шпага и подозрительная труба. *Бѣглый солдатъ* въ разодранной рубахѣ и ремешкомъ подпоясанъ; картузь у него рваный.

Гусарь въ гусарской одеждѣ, красивъ и наряденъ.

У монаха въ рукахъ книга большого формата.

Машенька—барышня съ бѣлоснѣжными волосами, голосъ у нея нѣжный и тоненькій. Одѣта въ полдубокъ и голубое платье; шляпа на ней лѣтняя, а лицо покрыто вуалью.

Дуль наряжается въ вывороченную шубу и надѣваетъ большую и косматую шапку.

Атаманъ съ разбойниками у разложеннаго костра. Есаулъ стоитъ противъ атамана, вынимаетъ обнаженную шпагу, поднимаетъ вверхъ и, пройдя немного въ сторону отъ атамана, ударяетъ грозно ногою въ землю и выкрикиваетъ: искаженные стихи изъ „Братьевъ разбойниковъ“ Пушкина:

Не стая вороновъ слеталась
Надъ грудомъ тлѣющихъ костей,
Но наша шайка разыгралась
Среди пылающихъ огней.

Быль калмыкъ, киргизъ, татаринъ,
И я, страшный, безобразный...
Какъ завидѣлъ въ норчмѣ свѣчи,
Всякъ боялся нашей встрѣчи.

¹⁾ См. Этногр. Обзор. XXXIX, 111 и XLIII 117.

²⁾ Эта народная драма записана мною въ Спасѣ-Деменскѣ, Мосальскаго уѣзда, Калужской губерніи. Ва. Д.

Бывало въ полночь мы глухую   И красныхъ дѣвущекъ ласкаемъ...
 Заложимъ тройку удалую,   Но недолго молодцы попили:
 Стучимъ, кричимъ, орѣмъ, вѣваемъ,   Ихъ всѣхъ въ солдаты забрали,
 Къ воротамъ громко подъѣзжаемъ,   И всѣхъ кузнецы сковали...
 Пьемъ, ѣдимъ, гуляемъ

Въ этотъ моментъ есаулъ становится на свое мѣсто, вкладываетъ саблю въ ножны и, понуривъ голову, становится печальнымъ. А атаманъ говоритъ громко и грозно: „Зря сказали, что связали; они всё въ добромъ здоровьѣ сидятъ“.

Атаманъ, сказавъ это, становится на свое мѣсто. Сейчасъ два разбойника изъ шайки подводятъ къ нему сѣлаго солдата и говорятъ:

— Атаманъ, мы птицу поймали.

— Ты кто такой?—спрашиваетъ атаманъ

— Я—бѣглый солдатъ; изъ острога ушолъ, къ вамъ служить пришолъ.

— Желаетъ служить нашей шайкѣ?

— Да я въ ушатъ не влѣзу.

— Дуракъ! Въ нашей буйной ватагѣ!

Атаманъ ударяетъ его порядочно по головѣ. Солдатъ говоритъ:

— Радъ служить, за васъ голову положить!

Атаманъ его бьетъ по плечу:

— Вотъ тебѣ моя одежда—на тебя будетъ вѣрная моя надежда. Вотъ тебѣ моя шляпа—служи мнѣ вѣрно и свято.

Солдатъ повторять:

— Я радъ служить, за васъ голову положить.

Въ этотъ моментъ подходитъ разбойникъ съ кистенемъ; помахивая въ воздухѣ кистенемъ, онъ говоритъ:

— Послушай, господинъ атаманъ! шолъ я лѣсамъ—перелѣскамъ; встричайтца са мною ни старъ, ни младъ мужикъ, зовуть его Семѣнъ, несеть боченокъ съ виномъ.

— И что жъ?—спрашиваетъ атаманъ.

— Я ударилъ его по шеѣ кистенемъ: онъ палъ ницъ лицомъ. Я отобралъ вино—и вотъ оно!

Атаманъ говоритъ:—молодецъ!

Разбойникъ ставитъ боченокъ съ виномъ предъ атаманомъ и говоритъ, обращаясь къ ватагѣ: „Ребята, вино!“ Они въ отвѣтъ:— Пьемъ его!

Выпивъ вина, ватага поетъ:

— Вотъ мы водочки попьемъ,	По амбарамъ, по клѣтамъ...
Да и пѣсенку споёмъ...	Это правда, это правда,
Хороши наши ребята,	Это правда всё была!
Про нихъ славушка худа (bis)	Называютъ ихъ ворами...
Куда?!.. (Бьютъ въ тактъ въ ладоши)	Мы ни воры, ни плуты,
По трактирамъ, кабакамъ,	Ни плуты и ни разбойнички—

Рыбаловщички.
Мы рыбушку ловили
По сухимъ берегамъ:
Какъ у дядюшки Петра
Мы поймали осетра,
Сивагривыга коня.
А у тетушки Арины
Мы всю рыбу прилавили:

Мы поймали сорокъ штукъ,
Изъ которыхъ пубы шьютъ;
И за эти за проказы
Не минуемъ мы плетей.
Какъ вьсплаютъ сто горячихъ,
Такъ заляпешъ козачка;
Заревешъ тогда коровой
Громче Спасскаго дьячка!..

Въ это время раздается выстрѣлъ. Стрѣляетъ монахъ въ атамана; выстрѣлъ неудаченъ: онъ промахнулся.

Атаманъ кричитъ есаулу:

—Есаулъ, ничуть съ мѣста никуда! Подходи проворнѣй сюда! Есаулъ выхватываетъ шпагу изъ ноженъ и держитъ надъ своей головой; быстро подходя къ атаману, онъ говоритъ:

— Что прикажешь, господинъ атаманъ?

Получивъ приказаніе, есаулъ быстро удаляется и сейчасъ приводитъ монаха, который подходит въ сопровожденіи есаула и одного изъ разбойниковъ. Есаулъ говоритъ:—это монахъ!

Атаманъ протяжно говоритъ:—монаахъ! подведите проворнѣй сюда! (Къ монаху): Монахъ, не буду казнить тебя въ прахъ! Ничуть съ мѣста—никуда! Подходи проворнѣй сюда!

Монахъ подходит, становится предъ атаманомъ на колѣна, держа въ рукахъ еще дымящійся пистолеть, а въ лѣвой подъмышкою книгу, и говоритъ:

Атаманъ могучій,
Покоритель полей и лѣсовъ дремучихъ,
Не щадя младыхъ жонъ,
Предаетъ смерти ножомъ!
Царь ужасно испугался—
Больше горести предался,
Пистолеть вручилъ

И къ тебѣ меня снарядилъ.
Но ты, надѣявшись на силу,
Покорилъ всяя Россію.
Атаманъ,
Покорись воли и небесамъ:
А то чортъ твою душу вынетъ
И земля тебя не приметъ.

Атаманъ кричитъ:—Дерзкій отшельникъ, ты не знаешь, сколько у меня силы, и можешь ли сражаться съ ними! А какъ я вознесу свой мечъ, полетитъ твоя голова съ плечъ... Прими достойное наказаніе отъ руки грознаго атамана!—Взмахиваетъ пашкой и рубитъ монаху голову; монахъ упалъ.

Поется пѣсня хоромъ:

Разнѣсчастный нашъ монахъ,
Зачѣмъ ходишь въ тѣхъ странахъ?

Царю правдою служилъ,
Атаманъ жизни лишилъ...

Въ этотъ моментъ раздается гдѣ-то далеко пѣніе Машеньки:

Я вечеръ въ лужахъ гуляла,
Цвѣты алые брала...

Услыша пѣсню, атаманъ кричить:

— Есаулъ, ничуть съ мѣста никуда! Подходи проворнѣе сюда! Есаулъ подходитъ, выхвативъ шашку и держа ее надъ головою:

— Что прикажешь, господинъ атаманъ?

— Это кто тамъ?—Спрашиваетъ атаманъ у есаула.

Есаулъ быстро скрывается, наконецъ появляется и подводитъ къ атаману дѣвушку Машу. Она становится на колѣни предъ атаманомъ. Атаманъ спрашиваетъ у нея.

— Вы кто такая?

Маша отвѣчаетъ:

— Я села царскава, рода боярскава; мать моя Дарья, зовуть меня Марья.

Атаманъ закричить грозно:

— А какъ ты смѣешь ходить по моимъ заповѣднымъ лугамъ и рвать алые цвѣты?..

Потомъ, замѣтивъ испугъ Машеньки, атаманъ смягчаетъ голосъ:

— Милая Машенька, вотъ тебѣ всѣ брилліанты и яхонты! Будь ты моя, а я твой—и живи со мной!

Машенька, всё время стоя на колѣняхъ, отвѣчаетъ:

— Я жизни лишьюсь, но жить съ тобой не соглашаюсь.

Атаманъ принимаетъ свирѣпый видъ, выхватываетъ шпагу и говоритъ грозно:

— За непокорныя слова полетить съ плечъ голова! Прими достойное наказаніе отъ руки грознаго атамана!—При этомъ онъ рубитъ по шеѣ Машеньку; она падаетъ мертвая; разбойники подхватываютъ и несутъ мертвую. Является гусаръ съ обнаженною шпагою и грозно начинаетъ биться съ атаманомъ шпага о шпагу. Гусаръ кричать:

— Стой, волшебникъ, супустать, извергъ ада, чортовъ брать! Напалъ въ полѣ ты дѣвицу и терзаешь, какъ лисицу!..

Атаманъ въ свою очередь кричитъ на гусара:

— Ахъ, ты, безмысленный! вишь, развѣ ты не знаешь, что я здѣсь волею. Посмотри, сколько у меня силы, и можешь ли сражаться съ ними? А какъ я вознесу свой мечъ, полетитъ твоя голова съ плечъ. Прими достойное наказаніе отъ руки грознаго атамана!

Удачнымъ ударомъ атаманъ отрубаетъ голову гусару; гусаръ падаетъ мертвымъ; его подхватываютъ и уносятъ.

Начинаютъ сразу хоромъ пѣсню:

Не лѣса шумятъ, не погодушка,
Не погодушка взбушевалася,
Наша вольница разыгралася,
Разыгралася наша вольница,
Наша вольница атаманская.
Мы родилися, спородилися,

Насъ спородила ночка темная,
Ночка темная, ночь осенняя.
У насъ сватомъ былъ кистень ба-
тющка...
У насъ свахою была сабля ма-
тущка...

(Выходит разбойник и помахивает кистенем въ воздухъ; хоръ продолжаетъ:)

Болыбель была легка лодочка,

Укачала насъ Волга матушка...

Пѣсня умолкаетъ, только отголоски слышны. Атаманъ грозно зоветъ къ себѣ есаула:

— Есаулъ, ничуть съ мѣста никуда, — подойди проворнѣй сюда!

Есаулъ подходитъ къ атаману съ обнаженной шпагой и говоритъ громко и вопросительно:

— Что прикажешь, господинъ атаманъ?

Атаманъ ему говоритъ:

— Выйди изъ корабля въ шляпку, посмотри въ подзорную трубку, не видишь ли гдѣ пензевъ-кореньевъ, и желтыхъ песковъ, Не опрокинуть бы намъ судно и не измѣрить бы Волги дно.

Есаулъ со словомъ „слушаемъ“ уходитъ и въ отдаленіи стоитъ и наблюдаетъ въ подзорную трубку, потомъ возвращается обратно къ атаману, держа надъ головой шпагу, и говоритъ: — Не вижу!

Атаманъ говоритъ: — Смотри вѣрно! награжу непременно! Золотую цѣпь на шею положу; а то накажу: двадцать пять горячихъ уложу. Мало двадцать пять — укачу сто. Пропадѣтъ твоя служба ни за что.

— Слушаюсь! — говоритъ есаулъ и уходитъ обратно. Стоитъ въ сторонѣ и наблюдаетъ въ подзорную трубку, смотря вдаль. Нѣсколько посмотрѣвъ, возвращается къ атаману съ обнаженной шпагой и говоритъ: „Вижу!“

— Что видишь?

— Вижу село!

— Оттого у моихъ ребятъ и животныи подвело. Приворачивай-ка, ребята, ко крутому бережочку!

Хоръ подхватываетъ пѣсню; учащенно всѣ хлопаютъ руками въ тактъ пѣсни безъ перерыва:

Приворачивай, дружокъ,
Ко крутому бережочку,
Ба Настасьиному дворочку.
Настасьюшка выходила,

Съ атаманомъ говорила,
Граховинъ водки вывезла,
Насъ, разбойничковъ, повела.

Атаманъ кричитъ на есаула:

— Есаулъ, ничуть съ мѣста никуда! подходи проворнѣй сюда! Есаулъ подходитъ съ обнаженной шпагой и говоритъ:

— Что прикажешь, господинъ атаманъ?

Атаманъ обращаясь ко всѣмъ, говоритъ:

— Вы знаете, друзья мои, эти полицейскіе крючки, будошники, всѣ объ насъ узнали и искать давно послали... Настя передала... Ну, ничуть живымъ въ руки ни даватца, всѣмъ по лѣсамъ разбѣгатца; кому не въ силу, не въ смоготу, бросайтесь въ пучину, въ воду.

Всѣ хоромъ отвѣчаютъ:

— Слушаемъ, господинъ атаманъ!—И всѣ отходятъ въ сторону.

Есауль быстро подходитъ къ атаману съ обнаженной шпагой и говорить:

— Послушай, господинъ атаманъ, къ нашей шайкѣ пришелъ рапортъ, что тебя хотятъ убить, но я не могу тебя защитить.

Атаманъ, понуривъ голову, говоритъ ребятамъ:

— Чего же вы отъ меня желаете?

Они отвѣчаютъ всѣ разомъ:—Хлѣба и вина!

Атаманъ говоритъ:

— Если вамъ нужно хлѣба, поѣду до хлѣбныхъ лабазовъ, привезу вамъ двѣнадцать возовъ; если вамъ нужно вина, у меня есть кусокъ золота...

Они всѣ хоромъ отвѣчаютъ:—все беремъ себѣ!

Атаманъ съ укоромъ грозно кричить:

— Жрите, но подавитесь!—

Всѣ падаютъ мертвыми отъ его проклятiя, стоитъ одинъ есауль, да атаманъ, который съ грустью восклицаетъ:

— Боже мой, что я вижу предъ собой! Всѣ товарищи, ближніе лишены жизни!

Потомъ, обращаясь къ есаулу, говоритъ громко:

— Есауль, ничуть съ мѣста никуда! Подходи проворнѣй сюда!

Есауль подходитъ быстро съ обнаженной шпагой и говоритъ громко:

— Что прикажешь, господинъ атаманъ?

— Развѣ ты не видишь, что товарищи, ближніе лишены жизни? Надо жъ этому горю пособить и товарищей на ноги поставить.

— Надо призвать на помощь Духа,—говоритъ есауль.

Атаманъ вызываетъ Духа:

— Духъ, прежній мой другъ, на тотъ моментъ выходи!

Духъ является, надъ всѣми товарищами дуеетъ и немного хлопаетъ руками, потомъ скрывается.

Атаманъ, немного помолчавъ:

— И духъ мой запропалъ! Должно быть, въ канаву попалъ, или съ кѣмъ заговорился, или въ кабакъ за бочку завалился.

— Есауль!—опять кричитъ атаманъ:—Есауль, ничуть съ мѣста никуда! подходи проворнѣй сюда!

Есауль подходитъ съ обнаженной шпагой и говоритъ:

— Что прикажешь, господинъ атаманъ? Что же мнѣ дѣлать?

— Развѣ ты не видишь, что всѣ товарищи, ближніе лишены жизни?

— Надо призвать на помощь монааха! монааха! (протяжно).

Атаманъ кричитъ:

— Монахъ, не буду казнить тебя въ прахъ! Ничуть съ мѣста
никуда! Явись проворнѣй сюда!

Монахъ является съ книгой, принимаетъ грозный видъ и уже
не становится предъ атаманомъ на колѣни, а говоритъ ему грозно
и важно:

— Говорилъ я тебѣ, проклятый атаманъ: покоришься воли небеса-
самъ, а то чортъ душу твою выветъ и земля тебя не приметъ.

Атаманъ отвѣчаетъ монаху:

— Я тогда покорюсь, когда съ товарищами прошусь; а теперь
буду просить моему горю пособить—товарищей на ноги поста-
новить.

Монахъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ и назадъ, раскры-
ваетъ книгу и поетъ:

— Всѣ товарищи, ближніи воживотворятся жизнью!

И моментально всѣ поднимаются съ шумомъ, веселые такіе, а
монахъ исчезаетъ.

Атаманъ радостно восклицаетъ:

— Ну, товарищи, какъ я радъ, что увидѣлъ снова васъ! Спой-
те мою любимую пѣсню.

Хоръ начинаетъ пѣсню:

„Внизъ да по матушкѣ по Волгѣ...“

Самъ хозяинъ въ бархатномъ кафтанѣ“...

При послѣднихъ словахъ, когда пѣсня умолкаетъ, атаманъ зо-
ветъ есаула:

— Есаулъ, ничуть съ мѣста никуда! подходи проворнѣй сюда!

Есаулъ подходитъ съ обнаженною шпагою и спрашиваетъ:

— Что прикажешь, господинъ атаманъ?

Атаманъ, опустивъ голову на грудь, говоритъ унылымъ голо-
сомъ, опускаясь на колѣни:

— Отруби мнѣ мои ноги, есаулъ: онѣ мнѣ болѣе не слуги!

Есаулъ рубить атаману ноги. Онъ продолжаетъ:

— Отруби мнѣ руки: онѣ болѣе мнѣ служить не будутъ.

Есаулъ рубить атаману и руки.

— Отруби мнѣ буйную голову: я больше жить не желаю.

Съ печальнымъ и унылымъ видомъ есаулъ отрубаетъ атаману
голову; атаманъ падаетъ мертвымъ и лежитъ навзничъ; отрѣзан-
ныя руки и ноги кладутъ ему на грудь.

Хоръ надъ атаманомъ поетъ пѣсню:

Померла наша надежда,
И скончалася любовь.
Ручка въ сердцу приложили,
Покрываютъ полотномъ;
Полотномъ бѣлымъ покрыли,
На кладбище понесли;

Близъ къ кладбищу подносили,
Зазвонили въ колоколы
Громко пѣсенки запѣли—
Застонала вся земля,
Вся вселенная сказала,
Что погибшая душа...

Не успѣваютъ окончить, а атаманъ просыпается какъ будто послѣ тяжелаго сна; всѣ удивляются, атаманъ говоритъ:

— Ухъ, Боже мой! Ну друзья, какъ я радъ, что увидѣлъ васъ! Прилетѣли ко мнѣ какія то двѣ хищныя птицы, взяли меня за волоса и полетѣли прямо на небеса; но тѣмъ я спасся, что ногами уперся. Былъ я, братцы, въ адѣ—и какъ черти были мнѣ рады! Желаю быть вамъ въ адѣ—и вамъ черти будутъ рады.

Атаманъ кланяется публикѣ, тѣмъ и кончается.

В. Н. Добровольскій.

Къ былинѣ о сорока калинахъ со калиною.

Въ VIII книжкѣ Журнала М. Н. Пр. за 1899 г. проф. В. Θ. Миллеръ помѣстилъ статью: „Къ былинѣ о сорока калинахъ со калиною“. Говоря о трудности объяснить появленіе имени Касьяна въ былинѣ, В. Θ. Миллеръ замѣчаетъ, что самая рѣдкость и непопулярность этого имени даетъ возможность предположить, что внесеніе его въ былинку не могло быть случайнымъ „А между тѣмъ“, пишетъ авторъ, „изъ агіографической литературы и изъ исторіи русской церкви одноименныя лица едва ли могутъ быть привлечены для объясненія былиннаго Касьяна. Таковы: Кассіанъ преподобный, затворникъ и постникъ печерскій, жившій въ XII стол. и покоящійся въ Θεодосіевыхъ пещерахъ въ Киевѣ; св. Кассіанъ († 1054) грекъ изъ Мореи, прибывшій въ Россію въ свитѣ невѣсты великаго князя Іоанна III Софіи Θоминишны, постригшійся въ монашество и основавшій близъ Углича на р. Учмѣ монастырь (Касьяновъ-Учманскій), гдѣ почиваютъ его мощи; наконецъ, Іоаннъ-Кассіанъ Римлянинъ († 435 г.), извѣстный церковный писатель, основатель монашества въ Галліи и одинъ изъ главныхъ теоретиковъ монашеской жизни, совершившій путешествіе въ Палестину и долго скитавшійся по монастырямъ и скитамъ Египта для изученія правилъ и обычаевъ монашества. Какъ паломникъ и странствователь по монастырямъ, Кассіанъ Римлянинъ могъ бы имѣть нѣкоторое отношеніе къ Касьяну предводителю русскихъ паломниковъ, но намъ неизвѣстно, существовали ли какія нибудь свѣдѣнія о немъ у слагателя, внесшаго имя Касьяна въ рассматриваемую былинку“¹⁾.

Въ дополненіе къ этой выдержкѣ изъ статьи В. Θ. Миллера укажу еще на двухъ Кассіановъ, которыхъ знаетъ русская агіографія. Это, во-первыхъ, преп. Кассіанъ Авиѣжскій, упоминаемый въ русской агіографіи обыкновенно рядомъ со сподвижникомъ сво-

¹⁾ Назв. статья, стр. 485.

имъ преп. Григоріемъ Авнежскимъ. Память ихъ празднуется 15 іюня. Авнежскій Троицкій упраздненный мужской монастырь находился въ Вологодской епархіи, въ Тотемскомъ уѣздѣ, близъ рѣки Сухоны, въ нынѣшнихъ Авнежскихъ волостяхъ, что прежде составляли Авнежское княжество. Онъ первоначально основанъ былъ преп. Стефаномъ Махрицскимъ и учениками его Григоріемъ и Кассіаномъ, около 1370 г. Въ 1392 г. обитель была разорена казанскими татарами и вятчанами, а преп. Кассіанъ и Григорій убиты. Въ 1524 г. обрѣтены были ихъ моши и поставлена была надъ ними часовня. Въ 1560 г. надъ гробами Авнежскихъ чудотворцевъ построено было вновь на царское иждивеніе монастырь, который былъ упраздненъ въ 1764 г. Сказаніе объ Авнежскихъ чудотворцахъ написано Іоасафомъ, игуменомъ Даниловскаго монастыря ¹⁾.

Второй русскій святой съ именемъ Кассіана, не упомянутый В. Θ. Миллеромъ, — это Кассіанъ преподобный, игумень Спасо-Каменскаго монастыря на Кубинскомъ озерѣ ²⁾. Принявъ постриженіе на Каменномъ, онъ въ молодости, для лучшаго изученія иноческой жизни, путешествовалъ по монастырямъ, славившимся строгостью уставовъ, благочестіемъ и подвигами иноковъ. Съ этой цѣлью онъ еще при жизни преп. Кирилла прибылъ на Бѣлоозеро, долго здѣсь оставался и былъ даже избранъ братіею въ игумены ³⁾. „Игумень Кассіанъ Каменскій и въ Кириловъ монастырь игумениль много лѣтъ“, — пишетъ Паисій Ярославовъ, историкъ Спасо-Каменскаго монастыря, — „и житію Кирила чудотворца свидѣтель. За нѣкую же потребу князь великій Василей Васильевичъ и митрополитъ Іова посылали его въ Царьградъ двою о церковномъ исправленіи къ патріарху. И приде изъ Царьграда на Москву, и князь великій Василей Васильевичъ почтилъ его, и давъ ему довольное требованіе монастырю, и отпустилъ его въ постриженіе свое на Каменной. Кассіанъ же игумень преставися въ своемъ постриженіи на Каменномъ, и положено бысть тѣло его съ полуденной страны церкви, а по преставленіи его просвѣтисе лице его аки солнце, при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Россіи“ ⁴⁾.

По мнѣнію В. Θ. Миллера, нѣкоторыя изъ географическихъ датъ разсматриваемой былины, — напримѣръ, Ефимьину пустынь варианта Кириши Данилова, слѣдуетъ искать гдѣ нибудь на сѣверѣ, между Пермской губерніей на востокъ и Олонецкой на западѣ, по линіи того пути, которымъ былины передвигались на востокъ; по поводу географической даты варианта Кириши Данилова

¹⁾ Н. Барсуковъ. Источники русской агиографіи, стр. 136—137. *Вѣрюжскій*. Историч. сказ. о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи. Вологда. 1880, стр. 86—103. См. также *Ключевскій*, „Житія святыхъ“, стр. 278—279.

²⁾ Барсуковъ, наив. соч., стр. 284—285.

³⁾ *Вѣрюжскій*, наив. соч., стр. 303—304.

⁴⁾ Барсуковъ, 1. с.

В. Ө. Миллеру припоминается Сынженскій Спасо-Евфиміевъ монастырь въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вологодской губ., на р. Сынжѣ, въ 20 в. отъ Вологды. Въ этомъ же районѣ, недалеко отъ Вологды, почиваютъ мощи Касьяна Авнежскаго и Кассіана игумена Спасо-Каменскаго монастыря: Авнежскій упраздненный монастырь находился въ Тотемскомъ у., на рѣкѣ Сухонѣ, въ 60 в. отъ Вологды, а Спасо-Каменскій монастырь, на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера, изъ котораго вытекаетъ Сухона, находится на границѣ Вологодскаго и Кадниковскаго уѣздовъ, въ 24 в. отъ Вологды ¹⁾.

Оба эти монастыря сыграли большую роль въ дѣлѣ насажденія христіанства на сѣверовосточной русской окраинѣ, исполняя свою культурную работу подъ постояннымъ страхомъ „нападенія невѣрныхъ человекъ“. Подобно богатырямъ русскихъ былинъ, инокамъ обихъ обитателей приходилось сражаться съ невѣрными за православную вѣру. Какъ было упомянуто выше, Кассіанъ Авнежскій погубъ во время нападенія казанскихъ татаръ и влччанъ, а что касается Спасо-Каменскаго монастыря, то его историкъ, Паисій Ярославовъ, описывая посѣщеніе Кубенскаго озера княземъ Бѣлозерскимъ Глѣбомъ Васильковичемъ, около 1260 г. ²⁾, говоритъ: князь нашель на Каменномъ островѣ старцевъ, „числомъ ѿѣ. и церкви у нихъ нѣтъ за скудость имѣвіа и нападенія невѣрныхъ человекъ; еще бо тогда не вси пріяша святое крещеніе, но много множество живущихъ невѣрныхъ человекъ вскрай Кубенскаго озера великаго по берегамъ“ ³⁾. Преп. Өдору въ тѣхъ же мѣстахъ пришлось пострадать отъ язычниковъ, когда онъ, желая основать монастырь, пришелъ на святую Луку при истокѣ Сухоны изъ Кубенскаго озера ⁴⁾. Въ преданіяхъ Вологодскаго края, этой Өиваиды нашего сѣвера, по выраженію одного Вологодскаго архипастыря, можно много найти подобныхъ разсказовъ, дающихъ богатый матеріалъ для того, чтобы изукрасить образъ благочестиваго инока богатырскими чертами. Посѣщеніе Кубенскаго озера княземъ Глѣбомъ Васильковичемъ, котораго занесло на Каменный островъ бурей и который въ благодарность за свое спасеніе построилъ храмъ Преображеніа, относится къ 1260 г. Исторія Паисія, написанная въ XV в., вѣроятно, только закрѣпляла то, что жило до той поры въ устномъ преданіи, какъ память о борьбѣ иноковъ Каменнаго острова съ невѣрными.

И послѣ 1260 г. Каменскому монастырю не разъ приходилось

¹⁾ См. статью князя П. П. Вяземскаго „Монастыри на Ладожскомъ и Кубенскомъ озерѣ“ (изд. И. О. Д. Д. П., 1881 г., № 10) и статью о Кубенскомъ озерѣ Александра Межакова въ XV т. Вѣстника И. Р. Г. О. (смѣсь, стр. 69—70).

²⁾ У Паисія годъ указанъ невѣрно. Поправки къ Паисію у Коноплева: „Святые Вологодскаго края“.

³⁾ Сказ. Паисія Ярославова. Правосл. Собесѣдникъ, 1861 г., ч. I, стр. 200.

⁴⁾ Вятковскій, стр. 32.

быть невольнымъ участникомъ событій, разыгрывавшихся на Руси. Въ этомъ монастырѣ Темный нашелъ себѣ дорогу къ потерянному имъ великокняжескому престолу; юный Іоаннъ III, по возвращеніи изъ Кокшенѣи, благодарилъ здѣсь Бога и праздновалъ свою побѣду надъ войсками Шемяки, а братъ его, Андрей Васильевичъ, въ 1481 году построилъ первый за Волгою, до нынѣ существующій каменный храмъ Преображенія, доставляя кирпичъ изъ Твери и Старицы. Въ 1528 году пріѣзжалъ на Каменный великій князь Василій Ивановичъ со второй своей женой, Еленой Глинской, далъ денегъ на построеніе теплой церкви и великую милостыню братіи, прося ихъ исходатайствовать ему у Бога наследника ¹⁾).

Все это, разумѣется, способствовало широкой извѣстности монастыря, стоявшаго къ тому же на бойкой дорогѣ изъ сѣверныхъ новгородскихъ волостей на Печеру, въ Пермь и Сибирь. Уже Глѣбъ Васильковичъ понималъ значенію Кубенскаго озера и Сухоны, какъ важныхъ звеньевъ въ этомъ великомъ пути на востокъ. Въ довольно пространномъ разсказѣ Паисія Ярославова о посѣщеніи Кубенскаго озера княземъ Бѣлосорскимъ есть слѣдующая подробность: „и поиде (князь) по Кубенскому озеру къ великой рѣкѣ Сухонѣ, яже течеть изъ Кубенскаго озера въ студеное море окіяны своимъ устіемъ отъ начала міру, и прииде ко острову по кривой лукѣ, около два поприща, а поперегъ яко верженіе каменю, князь же перекопа, и потече тѣмъ ровомъ великая рѣка Сухона, и крестъ постави, и оттоле зовется Княже-глѣбова простъ; и оттоле поиде къ Вологдѣ рѣкѣ, и тамо также перекопа и крестъ постави, и оттоле зовется также Княже-глѣбова простъ и до сего дне“ ²⁾.

Все вышеизложенное, имѣя цѣлью указать, какое важное значеніе имѣлъ Спасо-Каменскій монастырь въ жизни сѣверовосточной русской окраины, даетъ, по моему мнѣнію, право задать вопросъ: не зашли ли имя Касьяна въ былинѣ о сорока каликахъ со каликою изъ монастырскихъ преданій объ игуменѣ Кассіанѣ, странствовавшемъ въ молодости по монастырямъ и затѣмъ дважды побывавшемъ въ Царьградѣ, городѣ, окруженномъ для старыхъ сказителей ореоломъ такого же религіознаго почитанія, какъ и Ерусалимъ, куда путешествовали 40 каликъ со каликою. Припомнимъ, кстати, оборванный, но любопытный вариантъ Лоскутова ³⁾, ведущаго своихъ „ученыхъ и грамотныхъ“ каликъ „изъ-за славнаго батюшки Царяграда“. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что, по мнѣнію проф. Голубинскаго, сообщеніе Паисія о путешествіи Касьяна въ Царьградъ представляется сомнительнымъ, и г. Голубинскій предполагаетъ, что монастырскій историкъ подставилъ

¹⁾ Вятрожскій, 300.

²⁾ Прав. Собес., 1861 г., 1 ч. стр. 201.

³⁾ Гильбердингъ, № 301.

Царьградъ вмѣсто Литвы, куда дѣйствительно ходилъ Касьянъ ¹⁾. Если въ исторіи Паисія и есть ошибка, то она весьма любопытна для высказаннаго нами предположенія о вліяніи монастырскихъ преданій на былинну. Быть можетъ, это не простая ошибка, описка, и Паисій не случайно смѣшалъ Литву и Царьградъ, а взялъ свѣдѣнія о путешествіи Касьяна въ Царьградъ изъ монастырскихъ преданій, въ которыхъ ко времени Паисія на личность игумена-паломника могли наслоиться черты эпического калики, въ томъ числѣ и хожденіе въ Царьградъ.

Еще двѣ мелкихъ подробности разсматриваемой былинны заслуживаютъ, по моему мнѣнію, вниманія.

Обыкновенное отчество былиннаго Касьяна—Михайловичъ, и лишь въ одномъ вариантѣ Сорокина ²⁾ онъ называется Офанасьевичемъ.

Быть можетъ, это не случайная обмолвка, и это „изотчество“ содержитъ въ себѣ отголосокъ преданій о какомъ нибудь другомъ каликѣ или святомъ-паломникѣ,—напримѣръ, чтобы не выходить изъ предѣловъ той же новгородской области, нѣтъ ли здѣсь отдаленнаго указанія на „града Устюжна Желѣзнаго святого Аонасія, зовомаго *железный посохъ*“ ³⁾. Въ прозвищѣ этого святого есть, какъ будто, намекъ на каличество. Вторая подробность, заслуживающая вниманія,—это названіе сказителями нѣкоторыхъ вариантовъ разсматриваемой былинны „Еленинскимъ стихомъ“. Это названіе впервые отмѣчено въ былинѣ, записанной г. Никольскимъ въ г. Мезени Архангельской губерніи, ⁴⁾ и, по словамъ А. В. Маркова, прикрѣплено къ нѣкоторымъ вариантамъ, записаннымъ въ Верхней и Нижней Золотицахъ, деревняхъ той же губерніи. Откуда это названіе для былинны о сорока каликахъ со каликою? Въ вариантахъ съ этимъ названіемъ калики, встрѣтившись съ княземъ, поютъ ему Еленинскій или Еленскій стихъ (и то и другое названіе встрѣчаются въ № 68 сборника Тихонравова и Миллера). Можно, разумѣется, предположить, что эта подробность дала имя всей былинѣ, хотя, съ другой стороны, подробность эта, въ общемъ планѣ былинны очень несущественная, мелкая, могла именно появиться для осмысленія заглавія былинны, настоящее значеніе котораго забылось. Для названія всей былинны Еленинскимъ стихомъ должны бы быть, повидимому, иныя болѣе вѣскія основанія,—напримѣръ, имя главнаго женскаго дѣйствующаго лица. Быть можетъ, въ разбираемой нами былинѣ на мѣсть Апраксія, этой типичной распутницы нашего эпоса, побывало

¹⁾ *Голубинскій*. Исторія русской церкви, т. II, ч. I, стр. 512—513.

²⁾ *Гильбердингъ*, № 72.

³⁾ Книга, содержащая въ себѣ собраніе всѣхъ Россійскихъ святыхъ Чудотворцевъ и пр... Изъ рукописи П. М. Саватова, стр. VI. (Приложеніе въ названной книгѣ Барсукова).

⁴⁾ *Тихонравовъ и Миллеръ*, II, № 68.

на нѣкоторое время другое лицо, въ народномъ представленіи похожее на Апраксию по своимъ нравственнымъ качествамъ, и оставило память по себѣ въ заглавіи былины.

Поиски за лицомъ, которое дало имя атаману каличьяго круга, привели насъ въ Спасо-Каменскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи преп. Кассіана. Въ этомъ же самомъ монастырѣ, въ то время, когда еще совсѣмъ свѣжа была память о преп. Кассіанѣ, побывала Елена Глинская съ мужемъ своимъ Василюмъ III, чтобы вымолить себѣ наследника. Эта женщина, женитьбу на которой Василия III отъ живой жены такъ осуждали и духовенство и народъ, вѣроятно, привезла за собой въ монастырь длинную вереницу самыхъ нечестныхъ для себя слуховъ. Вѣроятно, то, что давно ходило въ устахъ народа, передавалъ Курбскій, когда рассказывалъ, какъ Василій III съ своей „законопреступной женой“ всюду искали „чаровниковъ злыхъ, да помогутъ ко плодотворенію“, какъ отовсюду, даже изъ Корелы, къ князю съ княгиней приводили „летущихъ оныхъ и презлыхъ совѣтниковъ сатанинскихъ“¹⁾. Всѣ эти ужасы понадобились Курбскому, чтобы показать, какъ „зачался нынѣшній Іоаннъ и родилася въ законопреступленіи и во сладострастіи лютость“. Когда Елена съ мужемъ были на Кубенскомъ озерѣ, Іоанна IV еще не было на свѣтѣ, но худую славу распутницы, вышедшей замужъ за женатаго чловѣка, она, несомнѣнно, привезла за собой. Елена и эпическій шаблонъ—Апраксія вполне могли въ народномъ представленіи стать рядомъ и даже помѣняться мѣстами, слѣды чего, быть можетъ, и донесли до насъ заглавіе нѣкоторыхъ вариантовъ былины о сорока каликахъ со каликою.

Возвращаясь еще разъ къ имени Касьяна, отмѣчу, что въ нѣкоторыхъ вариантахъ изъ бѣломорскихъ записей А. В. Маркова Касьянъ называется „немилосливымъ“,—очевидно, не безъ вліянія народныхъ повѣрій о немилостивомъ Касьянѣ²⁾. Какъ будто въ связи съ этимъ эпитетомъ описаніе казни, которая должна постигнуть нарушителя „заповѣди великой“, отличается въ бѣломорскихъ вариантахъ особенно изысканной жестокостью.

Н. Мендельсонъ.

1) Сказанія князя Курбскаго, стр. 88—89.

2) См. мою замѣтку „Къ повѣрью о св. Касьянѣ“. Этн. Обзор., кн. XXXII.

Забытая старая записъ одной былины.

Въ извѣстномъ и рѣдкомъ теперь трудѣ А. Н. Пыпина: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“, стр. 298—9 (С. П. Б. 1857), приведено начало одной былины, въ качествѣ интереснаго отрывка изъ неизвѣстной намъ сказки. Въ виду того, что въ записи не упоминается ни одного собственнаго имени, она не была признана авторомъ „Очерка“ за былину, не обратила на себя должнаго вниманія и не перепечатана въ „Русскихъ былинахъ старой и новой записи“, изданныхъ подъ редакціей покойнаго Н. С. Тихонравова и проф. В. Э. Миллера. По нашему мнѣнію, этотъ отрывокъ представляетъ собою начало былины о Дюкѣ Степановичѣ, въ которой обычно описывается его конь, конская упряжь, лукъ со стрѣлами изъ трости, колотой и строганой, украшенной аравитскимъ золотомъ. Правда, въ новыхъ записяхъ нѣтъ подробнаго разсказа о саблѣ; описаніе коня въ нихъ болѣе сжато, но это легко объясняется временемъ и мѣстомъ записи. Если этотъ отрывокъ, содержащій въ себѣ нѣсколько татарскихъ и польскихъ словъ, ведетъ свое происхожденіе отъ Донскихъ казаковъ, и если онъ записанъ въ XVII в., то естественно онъ долженъ отличаться отъ другихъ записей, сдѣланныхъ черезъ 100—200 лѣтъ на сѣверѣ, въ Сибири, у уральскихъ и гребенскихъ казаковъ ¹⁾. Какъ записъ былины съ помѣтой 1696 г., этотъ отрывокъ представляетъ значительный интересъ для изслѣдователей русскаго народнаго эпоса.

По просьбѣ редакціи „Этнограф. Обзорѣнія“, я привожу полностью весь отрывокъ былины, стараясь разложить строки, писанныя сплошь, на стихи.

- Въ древнихъ было лѣтехъ, а въ дальнихъ странахъ,
 Коли-де себѣ отликой молодець
 Смолода былъ бѣль-кудрявъ;
 Конь у него былъ буръ, космать, на ухо лысь,
 5 Задняя нога по окорокъ бѣла,
 Передняя нога по лопатку бѣла;
 И всего того хорошае было у добра коня 12 примѣтъ:
 Роть какъ пасть, языкъ какъ рукавъ,
 Грива колесомъ, уши колпакомъ,
 10 Окорока висли—памяти (?²⁾) вышли,
 Олень ³⁾ и мышки—заечьи почки (?³⁾) хвостъ какъ кутась ⁴⁾,
 Круглые копыты, что полные морскіе раковины,

¹⁾ См. Этнографич. Обзор. кн. XLIII, 93—94.

²⁾ Помяты? А. М.

³⁾ Голень. А. М.

⁴⁾ Кутась. польск. kutas—кисть (Срезневскій). А. М.

- А очи у добра коня, что великия пить-чаши, на лобъ вышли,—
 Весь молодецкой конь въ примѣтахъ ¹⁾, что лютой звѣрь.
- 15 И коли-де себѣ отличкой дородной молодець
 Осѣдлаеть своего добра коня,
 И вскинетъ на него свое сѣдло черкасское,
 И подстегнетъ двѣнадцать подпругъ бѣлого шелку шемахинскаго,
 У всякіе подпруги пряжки красного золота аравитцкаго,—
- 20 И положить на добра коня свою узду тесмянную,
 И остегнетъ на себя свой полный садакъ ²⁾,
 А въ немъ 300 стрѣлъ, полъ-100 кибирей ³⁾,
 70 аргичевъ, 80 ташлыкковъ, 30 сверѣгъ,
 Оприченно надобныхъ ⁴⁾ стрѣлъ;
- 25 А всякая стрѣла—морская трость,
 На трое колото и на четверо строгано,
 И наливано въ нихъ красного золота аравитцкаго,—
 И опояшетъ на себя свою молодецкую вострую саблю тулушманку,
 Пошире драицы ⁵⁾, а немногимъ поуже тесницы ⁶⁾,
- 30 За конемъ въ сажень, а передъ конемъ съ локоть,
 А кована она въ красномъ-дорогѣ-заморскомъ булатѣ,
 А огницо ⁷⁾ вострое сабли дорога камня самоцвѣтнаго,
 А у поженъ оконца ⁸⁾ красного золота аравитцкаго.
 И свѣдали про тое его молодецкую вострую саблю
- 35 Во многихъ дальныхъ ордахъ многіе царевичи и королевичи,
 И учали изъ дальныхъ ордъ своихъ
 Къ добру молодцу послы посылати,
 Чтобы съ его молодецкіе вострые сабли сняти образецъ
 Великіе ради хитрости и мудрости.
- 40 Образца не сняли и прочь по своимъ дальнымъ ордамъ разѣхались.
 И учалъ себѣ отличкой молодець
 Своею вострую саблю похвалятися:
 „Не потому-де моя молодецкая вострая сабля (дорога),
 Что она кована въ заморскомъ краснѣ-дорогѣ булатѣ;
- 45 Потому-де моя молодецкая вострая сабля дорога,
 Что ее ковали 70 мастеровъ съ семидесять городовъ,
 А всякой мастеръ ималъ отъ своего хитрого мастерства по семи
 сѣть рублей.
- Еще-де моя молодецкая вострая сабля не потому дорога;
 Потому де моя молодецкая вострая сабля дорога,

¹⁾ Т. е. по примѣтамъ. А. М.

²⁾ Садакъ, сагдакъ—снарядъ, состоящій изъ лука, налучна и стрѣлъ съ колчаномъ (Хрестом. Буслаева). А. М.

³⁾ Въмѣсто „кибитей“: кибить—дерево лука (Срезневскій). А. М.

⁴⁾ Которыя всегда наготовѣ, всегда могутъ понадобится. А. М.

⁵⁾ Дранки. А. М.

⁶⁾ Тесны. А. М.

⁷⁾ Огнивце—поперечное желѣзце рукояти меча или сабли (Срезн.) А. М.

⁸⁾ Оконце—отверстіе, дыра (Срезн. „окъньце“). А. М.

- 50 Что сдѣлана она хитростію и мудростію...
 Въ ней же каталися два дорогіе зерна бурминскіе ¹⁾ отъ майдана
 и до долу (?²⁾).
- Еще де моя молодецкая вострая сабля дорога,
 Что ково азъ тою саблею ни тновалъ ³⁾,
 Тотъ отъ единого разу живъ не ѣзживалъ⁴⁾.
- 55 И коли де себѣ отликой дородной молодець
 Сядеть на своего добра коня
 И выѣдетъ въ чистое поле,
 И заиграетъ ⁴⁾...

Акад. Пыпинъ сообщаетъ, что эта „сказка“ помѣщена „въ Погодинскомъ сборникѣ XVII—XVIII в. № 1772, на об. л. 187—189“; „внизу страницы въ рукописи прибавлено: „сія книга Троицкого монастыря подъячего Анеима Шешкова, а писалъ самъ своею рукою лѣта 7204 (= 1696), сентября““. Онъ обращаетъ вниманіе на изобиліе въ отрывкѣ татарскихъ словъ; отмѣтка на экземплярѣ Румянцовскаго музея: „черезъ казачество“, кажется намъ заслуживающею вниманія; восточное слово „куякъ“ встрѣчается въ Киршевской записи былины о Дюкѣ.

Въ своемъ „Очеркѣ“ акад. Пыпинъ помѣщаетъ также (на стр. 297) начало „Повѣсти о Θεодорѣ Туринѣ—пострада за вѣру христіанскую“, сохранившееся въ рукописи Тихонравова конца XVIII в., которое я также попытаюсь разложить на стихи:

- Во славномъ градѣ Іерусалимѣ,
 У святой церкви Михаила Архангела,
 Выходилъ царь Константинъ Сауловичъ
 Ко святой заутрени Богу молитися.
- 5 Иде (sic) и изъ чиста поля
 Вылетала калена стрѣла,
 И становилась калена стрѣла
 Противъ царя Константина Сауловича,
 Подъ его скоры ноги,
- 10 Самъ поднимаетъ царь Константинъ Сауловичъ,

¹⁾ Бурминскій (гурмижскій изъ Ормузда, Гормуса)—обычный эпитетъ жемчуга. А. М.

²⁾ Майданъ, вѣроятно,—рукоятка; долъ—желобоватая выемка на клинкѣ (Срезневскій). А. М.

³⁾ Въ экземплярѣ книги г. Пыпина, принадлежащемъ Румянцовскому музею, сдѣлана отмѣтка карандашомъ: „Ср. м.-рус. думу о побѣдѣ трехъ братьевъ изъ Азова—,верхушки деревьевъ и травы стимляй“: Ант(оновичъ) и Др(агомановъ)“. Вѣроятно, отъ сл. тати=рубить. А. М.

⁴⁾ „Играть“ въ смыслѣ скакать (о коняхъ) обычно употребляется у сербовъ. Въ „Девгеніевомъ дѣяніи“: „а драгантъ (ковъ) подъ нимъ играетъ“ (Пыпинъ, Отч. лат. ист. стар. пов. и сказокъ русс., стр. 326). А. М.

Взговорить, что въ трубу трубить:

„Свѣтъ мой, князья и бояря, и люди почетныя“...

Насколько я знаю, этотъ отрывокъ духовнаго стиха о Федорѣ Тиронѣ, носящій значительные слѣды былинной обработки, еще не былъ привлекаемъ къ объясненію былины о Саулѣ Леванидовичѣ и сынѣ его Константинѣ.

Сообщилъ А. Марковъ.

Обычаи, обряды и повѣрья въ Череповецкомъ уѣздѣ ¹⁾.

1) *Егорьевъ день*. Св. Георгій Побѣдоносецъ, какъ извѣстно, изстари считается покровителемъ домашняго скота у народа. Особенной обрядностью отличается этотъ день въ здѣшнемъ приходѣ. Утромъ загоняются коровы и мелкій скоть въ ближнее къ селу поле. Изъ церкви во главѣ со священникомъ въ облаченіи приносятся хоругви и икона св. Георгія; близъ зазора, у приготовленнаго столика, служится водосвятный молебенъ; послѣ молебна пастухъ беретъ въ руки икону св. Георгія и обходитъ съ нею кругомъ стада три раза и ставитъ икону на столикъ. Затѣмъ пастухъ втыкаетъ въ землю у зазора топоръ и черезъ него перегоняется скотина, а стоящій у зазора священникъ окропляетъ ее св. водой. Стадо идетъ пригономъ на пастбище; пастухъ опять забѣгаетъ впередъ стада и въ первый попавшійся столбъ всаживаетъ топоръ. По словамъ пастуха, этими своими дѣйствіями онъ устраняетъ отъ ввѣреннаго ему стада всякія напасти: нападенія звѣря, продѣлки лихого человѣка, наприм., сосѣдняго пастуха-недоброжелателя.

(Село Курилово, Дмитріевской волости).

Въ этотъ же день въ д. Грязливецъ, Горской вол., послѣ обхода пастуха вокругъ стада, собирается нѣсколько человѣкъ и стрѣляютъ изъ ружей по три раза.

2) *Завиваніе пожинальной бородки*. По окончаніи жнивья каждый крестьянинъ считаетъ долгомъ „завить бородку“. Бородкой называютъ оставленный нескатымъ клочекъ овса; клочекъ этотъ сжимаютъ рукой въ одно мѣсто, скручиваютъ и перегибаютъ посрединѣ такъ, чтобы колосья свѣшивались на землю. Кругомъ этого оставленнаго для бородки клочка овесъ обжинается и кладется въ послѣдній снопокъ, который и называется „пожинальникомъ“. Когда кончится завивка бородки, старшая изъ семьи должна проговорить три раза слова: „Николѣ борода, коню голова, пахарю коврижка, жнеюшкѣ палышка, а хозяевамъ на доброе здоровье“; въ то же время она кувиркается на землѣ около „бо-

¹⁾ См. „Этнографическое Обзоріе“ 1894 г. № 1, 1895 г. № 4, 1898 г. № 4.

родки" трижды. Весь этотъ обрядъ совершается серьезно и торжественно; совершающая обрядъ становится на это время какъ-бы жрицею, а остальные жнецы и жницы въ молчаніи окружаютъ ее. Снопъ „пожинальникъ“ несутъ домой; по дорогѣ сламываютъ три прута березы и втыкаютъ въ снопикъ; „пожинальникъ“ хозяйка несетъ подѣ лѣвой рукой и корешками впередъ; входя въ домъ, не открываетъ сама дверь; пройдя съ „пожинальникомъ“ въ передній уголъ, крестится трижды, вынимаетъ пруты, а „пожинальникъ“ ставитъ въ передній уголъ подѣ иконы; прутикомъ хвощетъ всѣхъ семейныхъ и различные предметы въ избѣ съ приговоромъ: „мухи, клопы, блохи и тараканы, убирайтесь вонъ, а намъ хозяевамъ дайте покой“; пруты затѣмъ сжигаетъ въ печкѣ, которую затопятъ въ это время, и готовится ячница для угощенія жнецовъ, называемая „пожинальницей“. Тѣмъ и заканчивается обрядъ окончанія жатвы. (С. Морозкое, Морозкой волости).

3) *Ворожба по крестамъ.* Въ д. Чаевѣ у одного крестьянина пропали деньги въ домѣ; у него въ семьѣ было три снохи, онъ ихъ и заподозрилъ и сталъ допрашивать; тѣ не признались. Онъ зналъ что въ д. Мартыновѣ живетъ одна ворожея, которая узнаетъ воровъ по крестамъ. Онъ потребовалъ у снохъ шейные кресты, тѣ ему ихъ отдали. Приходить онъ къ ворожеѣ съ поклономъ, рассказалъ про свое дѣло; ворожея спросила кресты, внимательно разсмотрѣла ихъ, что-то пошептала, а на гайтанѣ одного креста завязала узелокъ и возвратила ихъ ему, сказавъ: „кража найдется, признается та сноха, которая возьметъ крестъ съ узелкомъ“. Онъ пошелъ домой, позвалъ снохъ и велѣлъ имъ взять свои кресты; одна изъ снохъ, какъ только взяла свой крестъ съ узелкомъ, сейчасъ же упала свекру въ ноги и повинилась въ кражѣ денегъ, вымаливая слезно себѣ прощеніе.

(Отъ кр-ки Аксиньи Юдиной, д. Бузаково, Дмитріевской волости).

4) *Представленія о загробной жизни.*—Со времени смерти моей дочки Елены—разсказываетъ крестьянка,—прошло девять недѣль. Я неутѣшно плакала по ней и не могла забыть своего горя. Посоветовалась со старушкой Авдотьею Аксеновой, что мнѣ дѣлать, чтобы моя дочка приснилась мнѣ во снѣ. Она меня и научила: вотъ что, Аксиньюшка, проговѣй-ко ты 12-ть пятницъ, можетъ быть, и приснится. Я и проговѣла всѣ 12 пятницъ подѣ-рядъ. Вотъ на 9-ю пятницу мнѣ и снится: приходитъ ко мнѣ дочка, вся въ бѣломъ зашнурована, а на лѣвомъ боку цвѣтъ. „Пойдемъ, говорить, мама, со мной“. Подвела къ высокой церкви, взшли туда по высокой лѣстницѣ, а тамъ все стоятъ дѣвицы въ бѣлыхъ платьяхъ, и у каждой по цвѣтку на правой сторонѣ груди, а позади ихъ стоятъ женщины въ сѣрыхъ платьяхъ. Я у нея и спрашиваю: почему онѣ въ сѣрыхъ платьяхъ, а ова и отвѣчаетъ: „это вдовицы, которыя 40 лѣтъ вдовѣли“.—А у тѣхъ цвѣты на

груди?—А эти въ самомъ цвѣту окончили жизнь“. Потомъ какъ будто она меня пошла провожать изъ церкви. Только-что вышли изъ церкви, вдругъ она словно птицей поднялась кверху, а я и кричу: „Ой, утащили, ой утащили!“ Меня и разбудили—ничего больше не помню. Проговѣла еще 3 пятницы, а она мнѣ опять приснилась да и говоритъ: „хорошо ты, мама, меня здобила, когда я умерла,—только зачѣмъ ленточку въ косу не вплела? хорошо что Оля, дочь сосѣда, оторвала кусочекъ ленточки изъ своей косы и дала мнѣ. Вотъ что еще, мама: говѣй ты одну пятницу въ году, а именно на святой недѣлѣ—и хорошо тебѣ будетъ“, и скрылась. И вотъ уже прошло 15 лѣтъ, а я говѣю эту пятницу и ничего тогда не вкушаю. А дочь больше воснѣ не видала. (Отъ к-ки Акуиньи Юдяной д. Бузаково, Дмитриевской волости).

— Въ приходѣ Таницахъ жилъ одинъ мужичекъ Степанъ, лѣтъ 30. Однажды онъ захворалъ какой-то горловой болѣзнію; позвали священника напутствовать его. Вскорѣ этотъ мужичекъ померъ. Приходятъ къ священнику узнать, гдѣ рыть могилу и когда привозить хоронить. Ушли. Деревня, гдѣ жилъ покойный, находилась въ 5 вер. отъ церкви. Въ этотъ вечеръ священникъ читалъ молитвы, приготовляясь къ завтрашнему богослуженію; вдругъ онъ услышалъ сильный стукъ въ двери; къ нему торопливо входитъ жена и говоритъ, что его на кухнѣ ждетъ какая-то женщина. Онъ вышелъ и видитъ, что это жена покойнаго мужичка; она падаетъ ему въ ноги и говоритъ: „батюшка, меня послалъ къ тебѣ мой мужъ, который былъ умерши, а теперь ожилъ, повѣдать одинъ грѣхъ; дѣло невиданное случилось такъ: мужъ лежалъ ужъ на столѣ собранный; всѣ родные сидѣли около него, вдругъ онъ всталъ и говоритъ: „какъ я долго спалъ!“ Сначала всѣ мы испугались; онъ и говоритъ: что вы боитесь меня? Я еще только уснулъ, и мнѣ приснился вотъ какой сонъ: я стою на большой дорогѣ, которая куда ведетъ—не знаю. Является ко мнѣ какой-то старичекъ, повелъ меня къ пропасти и говоритъ: „по твоимъ дѣламъ тебя слѣдовало бы сунуть въ эту пропасть, которая показалась мнѣ ужасной; бросайся, говоритъ, въ эту пропасть; мнѣ стало страшно, и я едва могъ выговорить слова: „прости меня, старче, и помилуй; я не раскаялся въ одномъ грѣхѣ и утаилъ его на душѣ—позволь раскаяться духовному отцу“. Потомъ я видѣлъ, говоритъ, необыкновенный садъ, въ которомъ такія растенія и цвѣты и отъ нихъ такія благоуханія, что не вышелъ бы изъ этого рая; тутъ увидалъ я двухъ маленькихъ дѣточекъ—мальчика и дѣвочку, которыя уцѣпились за меня. Старецъ и говоритъ: „вотъ благодаря этимъ малюткамъ я возвращаю тебя къ жизни на нѣсколько часовъ, пока ты не раскаешься, и грѣхъ твой не будетъ разрѣшенъ священникомъ“. Поди, жена, къ батюшку, я скажу тебѣ мой грѣхъ, покайся за меня: я чувствую, что не дожить мнѣ до батюшки, и я больше не увижу тебя, а онъ пусть разрѣшитъ мнѣ

грѣхъ заочно“. Священникъ былъ въ большомъ затрудненіи, какъ ему поступить въ такомъ случаѣ, и рѣшилъ допустить на исповѣдь ея замѣсто мужа и разрѣшилъ грѣхъ. Женщина побѣжала въ слезахъ домой. Священникъ всё-таки не утерпѣлъ и поѣхалъ туда. Пріѣзжаетъ, а Степанъ уже померъ—даже жена не застала его живого. И по расчету священника онъ умеръ въ ту минуту, когда онъ разрѣшилъ ему грѣхъ. На другой день повезли его хоронить, только по дорогѣ къ церкви на перекресткѣ съ одной правой стороны везутъ гробикъ мальчика, лѣтъ шести, а съ другой стороны по дорогѣ везутъ гробикъ дѣвочки такихъ же лѣтъ. Родители ихъ услышали, что въ такой-то деревнѣ умеръ Степанъ, и пожелали положить своихъ дѣтей въ одну могилу съ нимъ.
(Отъ кр-ки Алексіи Юдиной, д. Бузакова, Дмитріевской волости).

б) *Примѣты свадебныя, похоронныя и др.* Когда новобрачныхъ ведутъ изъ церкви, то кладутъ подъ порогъ замки. Когда новобрачные перешагнутъ черезъ незапертый замокъ, то сейчасъ его поднимаютъ и запираютъ, а ключъ бросаютъ въ рѣку или колодець, для того, чтобы молодые жили хорошо. Когда вводятъ новобрачныхъ въ домъ, то ихъ обсыпаютъ житомъ для того, чтобы жили богато. Когда женихъ придетъ дѣлать предложеніе въ домъ невесты, то въ это время сплести положить подъ порогъ косарь, чтобы дѣло не разошлось.

Обознаться въ человѣкѣ—къ свадьбѣ или къ покойнику.

Встрѣтить похороны на улицѣ—къ счастью.

Гдѣ лежитъ покойникъ, въ той избѣ не метутъ до выноса тѣла оттого, что если вымести соръ, то можетъ быть въ скоромъ времени покойникъ.

Бровь правая чешется—къ свиданію съ другомъ; бровь лѣвая чешется—кланяться съ женщиной, или ктонибудь тебя хулить. Зачесался лѣвый глазъ—плакать, зачесался правый глазъ—радоваться, почесалась бровь—значитъ кланяться. Чешется голова—побранить тебя; зачесались губы—значитъ съ другомъ цѣловаться тебѣ. Правая ладонь зачесается—получать деньги, лѣвая—отдавать. Обѣ подошвы зачесутся—къ дорогѣ.

Головня выпадеть изъ печки—къ гостю.

Голуби гдѣ водятся—та хата не горить.

Шапку не клади на столъ—можетъ произойти ссора.

Вторникъ считаютъ днемъ легкимъ, понедѣльникъ и пятницу—тяжелыми.

Встрѣча первая утромъ съ попомъ—не къ добру.

Подъ масленицу въ Воскресеніе ненастье—къ урожаю грибовъ.

Ноги и руки домятъ—къ ненастной погодѣ.

Нога правая увязнетъ въ дорогѣ ранѣе лѣвой—къ добру.

Если кто, выходя изъ чужого дома, прищемить дверьми подолъ или полу платья, или же позабудетъ чтонибудь—значитъ опять скоро придется возвратиться въ этотъ домъ.

Найти подкову—жъ благополучію; ее приносятъ домой и вкочачиваютъ въ полъ подъ порогомъ двери для того, чтобъ въ этомъ домѣ не было никакихъ заразныхъ болѣзней, и отъ хитраго челоуѣка.

Курица поетъ пѣтухомъ—быть бѣдѣ. (С. Морозкое, Морозкой вол.).

М. К. Герасимовъ.

С. Курялово, Череповецк. у.,
Новгородск. г.

Пѣсня про кончину императора Александра II.

Въ июньской книжкѣ „Русской Старины“ за 1900-й годъ (стр. 651—654) г. В. Кульманомъ напечатана сообщенная ему гр. М. А. Голенищевой-Кутузовой пѣсня на кончину императора Александра II, которая была записана ею въ области Войска Донского со словъ пѣвца, пѣвшаго ее подъ звуки лѣры (лиры). Въ прилѣчаніи къ своей статьѣ (стр. 654) г. Кульманъ говоритъ: „Когда я дѣлалъ сообщеніе объ этой пѣснѣ въ Нео-филологическомъ обществѣ, одинъ изъ присутствовавшихъ, г. Кунцевичъ, заявилъ, что онъ слышалъ эту же пѣсню въ Курской губерніи, на ярмаркѣ“. Я съ своей стороны могу добавить, что слышалъ ее въ Харьковѣ въ апрѣлѣ 1899 г. отъ слѣпца Ивана Михайловича Петрика, родомъ изъ Валокъ Харьковской губ. Пѣлъ онъ ее также подъ аккомпаниментъ лиры. Вотъ слышанный мною варіантъ пѣсни:

Исторія-провиденція.

Послушайте, друзья, Про бѣлаго царя! Александра, бѣлый царь, Милостивый государь, 5. Вонъ зъ любовію радѣлъ, Усѣмъ свободу дать хотѣлъ, Вонъ злодѣевъ укрощалъ И отъ казни всѣхъ сбавлялъ. А злодѣи стали думать и судить, 10. Какъ бы царя истребить. Много казни потребили, Отчаянныхъ подкупили, Мыны подводили, Государя не стрѣбили. 15. Балабуры становили, Государя сохранили. Перваго марта числа.	Жизнь царю сканченія была. Первый ударъ миновалъ, 20. Въ государя не попалъ. Злой духъ въ нухъ уселился, Скоро вздрѣющій явился. Царь пораженный упалъ, Жалебненько слово сказалъ: 25. „Подымите меня, дѣти, Теперь я напився на свѣтъъ. Слуги къ нему подбѣгали За бѣлыя руки поддержали. Какіе-жъ то злодѣи бывали, 30. Что на царя руки подымали! Государь, ты нашъ земѣнный Богъ, Ты лишився своихъ ногъ. И внесли его въ дворець.

Ты, нашъ батюшка-отецъ!	Черны травуси надѣвали,
35. По сему Петеру тревога.	Ушакой душу сказали.
Нарубили царской стражи много.	По соборамъ зазвонили,
Тако велика страсть была,	Погребенія служили.
Гдѣ зъ государя кровь лилась.	50. Послужили шесть недѣль
Ударили телеграмъ,	И зделоса одинъ день.
40. Затмѣное солнце къ намъ.	Стали Бога молить,
Дали звѣстіе на Кавказъ,	Какъ бы сына на царя умун-
Поллися слезы зъ глазъ.	рить.
Черный хлакъ (одегъ) подымали,	И мы же поемъ Богу славу,
Усѣ плакали и рыдали;	Царску державу
45. Черный хлакъ опускали,	56. И во вѣки вѣковъ. Аминь.

Записанный мною вариантъ пѣсни, сравнительно съ напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ“, представляетъ, по моему мнѣнію, испорченный текстъ: въ немъ много стиховъ пропущено, нѣкоторые слова искажены, нѣсколько стиховъ переставлено.

Вариантъ Р. С. заключаетъ въ себѣ 74 стиха, мой—56. Но нужно замѣтить, что иногда одинъ стихъ перваго варианта распространяется въ моемъ въ нѣсколько стиховъ. Такъ, напр., вмѣсто моихъ 3—5 стиховъ тамъ читается одинъ.

«Александръ II царь, онъ съ любовію горѣлъ».

Вмѣсто моихъ стиховъ 39—40—тоже одинъ:

«Дали телеграмму: затменія солнца намъ».

Наконецъ, послѣдніе три стиха сведены въ одинъ:

„Богу-слава, царямъ-честь, держава во вѣкъ вѣка. Аминь“.

Что касается искаженій въ отдѣльныхъ словахъ (калавуры, травуси, земенный, Петерь и др.), то на нихъ не стоитъ останавливаться. Отмѣчу болѣе искаженные стихи. Такъ въ стиховъ 17—18 въ Р. Ст. читаемъ.

Марта перваго числа.

Государю смерть пришла.

Стихъ 36 моего варианта, черезъ замѣну слова „стражды“ созвучнымъ „стражи“, получилъ совершенно иной смыслъ. Вмѣсто стиховъ:

Во всемъ Питерѣ тревога,

У государя стражды было много—

въ моемъ вариантѣ стоитъ:

По сему Петеру тревога,

Нарубили царской стражи много.

Не говорю о перестановкахъ стиховъ: ихъ много въ моемъ вариантѣ. Зато въ текстѣ, напечатанномъ въ Р. Ст. нѣкоторые стихи моей записи совершенно отсутствуютъ; это именно стихи: 21—22 и 52—53.

Интересно въ моей записи заглавіе: „Исторія-провиденція“, указывающее, какъ мнѣ думается, на книжное происхожденіе данной пѣсни. Я не имѣю основательныхъ данныхъ, чтобы подкрѣпить это мнѣніе, и высказываю его не болѣе, какъ догадку, хотя считаю должнымъ замѣтить, что самъ Петрикъ, отъ котораго я записалъ вариантъ пѣсни, пояснялъ мнѣ, что есть книжки, въ которыхъ все это подробно и хорошо рассказывается. Мнѣ думается, что именно книжнымъ вліяніемъ объясняются и эти стихи по тексту Р. С.:

Дали телеграмму: затменія солнца намъ,
Солнечные лучи скрылись. ¹⁾

Г. Кульманъ въ своей статьѣ говоритъ: „Печатаемая здѣсь пѣсня не имѣетъ никакой связи съ обычными народно-эпическими приемами, кромѣ, развѣ, заключенія и сравненія смерти царя съ исчезновеніемъ солнечныхъ лучей“ (стр. 654). Предполагая въ этихъ стихахъ книжное вліяніе, я не вижу здѣсь связи съ „обычными народно-эпическими приемами“. Я скорѣе согласенъ видѣть эту связь, напримѣръ, въ придавіи слову царь эпитета „бѣлый“.

Мнѣ остается высказать пожеланіе и надежду, что появятся въ печати новые варианты, которые, быть можетъ, разъяснятъ намъ эту во всякомъ случаѣ интересную пѣсню. Если же кому-нибудь извѣстенъ книжный оригиналъ ея, то желательно, чтобы объ этомъ было сообщено въ печати.

Н. Кашинъ.

Тула. 1900 г. Ноября 16-го.

---

¹⁾ Вѣроятно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такимъ же случаемъ, какой представляетъ собою, напр., и извѣстная теперь въ народѣ пѣсня про Ивана Сусанина, начинающаяся словами: „Сусанинъ, Сусанинъ, куда насъ ведешь?“ А это не что иное, какъ одна изъ думъ К. Ѳ. Рылѣва, начинающаяся такъ: „Куда ты ведешь насъ? Не видно ни зги“.

Критика и библиографія.

Keleti Szemle. Revue orientale pour les études ouralo-altaïques. Budapest. 1900.

Въ Будапештѣ, подъ редакціей д-ра Мункачи, началъ издаваться журналъ, посвященный изученію урало-алтайскихъ языковъ и народовъ. Журналъ этотъ является органомъ восточной секціи Венгерскаго этнографическаго Общества и Восточной Коммерческой академіи въ Будапештѣ. Въ немъ участвуютъ ученые разныхъ странъ, и печатаются статьи на венгерскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Въ вышедшей первой книжкѣ имѣется статья, представляющая интересъ для кавказовѣдъ. Она принадлежитъ самому редактору и озаглавлена: «*Kaukasischer Einfluss in den finnisch magyarischen Sprachen*». Авторъ въ началѣ статьи заявляетъ, что изслѣдованія графа Зитчи, на Кавказѣ, обратили его вниманіе на тотъ весьма интересный вопросъ финно-мадьярскаго сравнительнаго языковѣдѣнія и праисторіи (*Urgeschichte*), который уже Жюль Блапротъ затронулъ въ своемъ путешествіи на Кавказъ. («*Reise in den Kaukasus*» 1814), утверждая и отчасти мотивируя, что въ словарѣ кавказскихъ языковъ можно указать ясную идентичность съ финно-мадьярскими языками. Это положеніе было поддержано нѣкоторыми изслѣдователями и отмѣчено въ языкѣ аваровъ и другихъ кавказскихъ народовъ мадьярскіе элементы. Въ 1838 г. Pargot указалъ въ словарѣ востокъ сходство съ кавказскими языками. Впослѣдствіи, говоритъ авторъ, работы Чубинова, бар. Услара, Шюнера, Эркерта дали не мало данныхъ для сужденія о кавказскихъ языкахъ. Авторъ, въ другой статьѣ, появившейся въ «*Ethnographia*» (лн. VIII, 459—467) подробно разбираетъ вопросъ объ остаткахъ мадьярскихъ на Кавказѣ (*Zur Geschichte der Forschung nach magyarischen Resten im Gebiete des Kaukasus*). По древнимъ историческимъ свѣдѣніямъ, мадьяры (*Hun-ugaren*) жили между Чернымъ и Каспійскими морями, по сѣверной линіи Кавказа. Эта первоначальная ихъ родина (*Urheimat*)—внутренне, по языку, связываетъ народы—вогуловъ, вотяковъ и пермяковъ, и стоянку ихъ нужно искать не на сѣверѣ, а на югѣ, ближе къ Кавказу, въ сопрیکосновеніи съ арійскими и другими народностями. Возможность связи мадьяровъ съ кавказскими языками ему кажется правдоподобной, въ виду того, что въ мадьярскомъ и въ родственныхъ ему волжско-уральскихъ языкахъ открыты несомнѣн-

ные слѣды вліянія осетинскаго языка. Авторъ готовитъ обширный трудъ объ арійскихъ и кавказскихъ элементахъ въ финно-мадьярскихъ сказкахъ, а въ настоящей статьѣ онъ останавливается на нѣкоторыхъ явныхъ фактахъ касательно этого вопроса. Онъ приводитъ названія металловъ, вскрывающія любопытныя параллели въ мадьярскихъ и кавказскихъ языкахъ. Такъ, венгерское слово, неясное по своему происхожденію, *gez* (мѣдь), неправильно сопоставляемое съ турецкимъ словомъ *jez*, находитъ свое объясненіе въ аварскомъ словѣ *gez* (желтая мѣдь, латунь); *ist* или *ezüst* (серебро) идентично осетинскому *izdi*; абхазское слово *eĵa* (желѣзо, топоръ) въ табасаранскомъ языкѣ имѣетъ соотвѣтствіе въ *jejkho* и въ мадьярскомъ *ek*, для названія «камень»; въ видѣ варианта въ мадьярскомъ встрѣчается *kovo*, которое можно сравнить съ груз. *khua*, *khva*. Не останавливаясь на другихъ примѣрахъ, отмѣчаемъ эту любопытную статью и желаемъ скорого окончанія задуманнаго авторомъ труда. Приводимъ только названія другихъ статей первой книжки венгерскаго журнала: *Vambery: „Der Wortschatz des alt-osmanischen“*; *Wilhelm Bacher: „Osttürkisches aus einem Hebraisch-Persischen Wörterbuche“*; *Clement Huart: „Notes d'épigraphie turque“*. Любопытна статья *Pole Horn'a*, посвященная „*Zu Hodsa Nasreddin's Schwänken*“. Авторъ, пользуясь работой проф. *Kinos'a*, останавливается на вопросѣ объ анекдотахъ Насръ-Эдина, его родниѣ и т. п. На родниѣ ходжи (между Айданъ и Иконіей въ М. Азіи) до сихъ поръ передаются его анекдоты устно, но существуютъ и иллюстрированныя ихъ редакціи.

А. Хахановъ.

Д-ръ М. Габерландтъ. Народовѣдѣніе. Переводъ съ нѣмецкаго М. Э. Гюнсбурга. Изд. В. И. Губинскаго. СПб. 1900 г.

Небольшая книжка Габерландта написана очень толково и систематично. Она состоитъ изъ краткаго введенія, посвященнаго преимущественно выясненію главныхъ факторовъ народной жизни, изъ «общаго народовѣдѣнія», дающаго сжатый очеркъ главныхъ проявленій матерьяльной, общественной и духовной жизни, и «описательнаго народовѣдѣнія», посвященнаго обзору отдѣльныхъ расъ. Несмотря на нѣкоторую сухость, а иногда даже и отрывочность и неточность изложенія, книжка могла бы служить удовлетворительнымъ пособіемъ для начинающихъ, если бы этому не мѣшала безобразный переводъ. Постоянно приходится наталкиваться на фразы въ родѣ напр. такой: такимъ образомъ, но болѣе основательнымъ научнымъ даннымъ, брачныя соединенія въ ордѣ, правда, безъ всякаго ручательства за постоянство, вѣроятно и послужили зачатками семьи. (стр. 40) Конструкція фразъ сплошь да рядомъ остается совершенно нѣмецкой, а кромѣ того, къ недостаткамъ перевода принадлежатъ и нѣкоторыя отдѣльныя выраженія, какъ напр. «умственное утонченіе», (стр. 10), «высокотропическій поясъ» (стр. 7) и т. д. Не довольствуясь тѣми рисунками, которые приложены къ книгѣ въ подлинникѣ, переводчикъ или издатель дополнилъ ихъ цѣлой коллекціей типовъ разныхъ народностей (136 рисунковъ), очевидно, воспользовавшись жившими подъ ру-

кой старыми клише, и тѣмъ еще больше испортилъ книгу. Громадное большинство этихъ добавочныхъ рисунковъ прямо-таки нигуда не годится, и только данъ лишний предлогъ повысить цѣну на книгу, которая назначена очень не маленькая—90 коп. за 128 стр.

А. Максимовъ.

Д-ръ Леманнъ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней. *Переводъ съ нѣмецкаго изданія д-ра Петерсена, просмотрѣннаго авторомъ книги, подъ редакціей В. Н. Диндъ. Изд. магазина „Книжное Дѣло“. Москва, 1899—1900 года. 613 + VII стр.*

Книга Леманна носитъ не совсѣмъ точное заглавіе, такъ какъ содержитъ въ себѣ не только исторію суевѣрій и волшебства, а также и попытку ихъ рациональнаго объясненія. Четвертый отдѣлъ книги, составляющій около $\frac{2}{5}$ всего сочиненія (стр. 374—613) и озаглавленный «Магическое состояніе духа», сводитъ происхожденіе суевѣрій отчасти къ ошибкамъ въ наблюденіи, а главнымъ образомъ къ особымъ психическимъ и психо-патологическимъ состояніямъ человѣка, каковы: сонъ, гипнозъ, истерія и т. п. Этотъ отдѣлъ разработанъ очень подробно и прочтется съ большимъ интересомъ всякимъ читателемъ; спеціально для этнографа онъ тоже имѣетъ немаловажное значеніе, такъ какъ несомнѣнно, что многія суевѣрія можно свести къ психо-патологическимъ источникамъ. Нервныя и душевныя заболѣванія среди некультурныхъ народовъ въ общемъ, вѣроятно, распространены не меньше, чѣмъ среди цивилизованнаго человечества, и въ связи съ внушеніемъ и самовнушеніемъ представляютъ самую благодарную почву для всякаго рода суевѣрій. Тѣмъ не менѣе было бы ошибочно смотрѣть на послѣднія исключительно съ точки зрѣнія психо-патологій. Многія суевѣрія коренятся въ недостаточномъ знакомствѣ съ природой, въ невыработанности приемовъ умозаключенія и представляютъ простыя логическія ошибки, совершенно не предполагающія никакой психо-патологической подкладки. Это, конечно, хорошо извѣстно и Леманну, но онъ сравнительно очень мало обращаетъ вниманія на эту сторону вопроса. Помимо спеціальности автора (онъ директоръ психо-физической лабораторіи въ Копенгагенѣ), тутъ несомнѣнно сыграло роль и то обстоятельство, что Леманнъ мало интересовался чисто народными суевѣріями и посвятилъ имъ очень немногія страницы своей книги. Первобытнымъ народамъ удѣлена лишь часть введенія (стр. 18—30), затѣмъ первый отдѣлъ (стр. 31—128) говоритъ о «Мудрости халдеевъ и развитіи ея въ Европѣ». Второй отдѣлъ трактуетъ о «Тайныхъ наукахъ» (стр. 129—248), а 3-ій о «Современномъ спиритизмѣ и оккультизмѣ» (стр. 249—373). Отсюда мы видимъ, что различныя части разработаны авторомъ далеко не съ одинаковою подробностью. Онъ, конечно, имѣлъ право руководиться личными симпатіями въ предпочтеніи тѣхъ или другихъ эпохъ, или тѣхъ или другихъ сторонъ явленія, но можно съ увѣренностью сказать, что вся его работа значительно бы выиграла, если бы онъ болѣе внимательно отнесся къ народнымъ вѣрованіямъ. Тогда общій характеръ явле-

ня получилъ бы болѣе точное освѣщеніе, а кромѣ того, были бы избѣгнуты нѣкоторыя частныя ошибки. Напримѣръ, Леманнъ думаетъ, что сохранившіяся еще и теперь вѣрованія о вліяніи луны и другихъ планетъ на различныя дѣйствія, болѣзни и т. п. представляютъ наслѣдство ученыхъ мажиковъ, но на самомъ дѣлѣ для подобнаго предположенія нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ аналогичныя вѣрованія широко распространены и у такихъ народовъ, относительно которыхъ не можетъ быть и рѣчи о вліяніи на нихъ ученой магіи.

Но какъ бы то ни было, приходится довольствоваться тѣмъ, что есть, а въ указанныхъ выше предѣлахъ Леманнъ вполне удачно справился со своей задачей. Книга его богата фактами и массой интереснѣйшихъ подробностей, почерпнутыхъ изъ трудно-доступныхъ источниковъ, и можно только пожелать ей болѣе широкаго распространенія среди читающей публики.

А. Максимовъ.

Hermann L. Strack. Das Blut im Glauben und Aberglauben der Menschheit. Mit besonderer Berücksichtigung der «Volksmedizin» und des «jüdischen Blutritus». Fünfte bis Siebente Auflage 12—17 Tausend (Neubearbeitung der Schrift «Der Blutaberglaube»). München 1900. XII+208.

Авторъ настоящей книги состоитъ профессоромъ теологіи въ Берлинскомъ университетѣ, и взялся за обсужденіе вопроса о роли права въ народныхъ суевѣріяхъ, побуждаемый желаніемъ пролить свѣтъ на повторяющіяся постоянно обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови ради ритуальныхъ цѣлей. Недовольствуясь категорическимъ отрицаніемъ этого обвиненія и опроверженіемъ всѣхъ приводимыхъ въ подтвержденіе его фактическихъ данныхъ, Штракъ перенесъ споръ на болѣе широкую, этнографическую почву. Сомнительно, чтобы ближайшая задача Штрака отъ этого выиграла, такъ какъ, взявшись не за свое дѣло, онъ надѣлалъ рядъ ошибокъ, которыя могутъ служить лишнимъ аргументомъ въ рукахъ его противниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не только приписываетъ крови очень широкую роль въ народныхъ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ, но даже допускаетъ и среди христіанскихъ народовъ ритуальныя убійства и употребленіе крови вмѣсто причастія съ религіозными цѣлями. Если подобный фактъ и можетъ имѣть какое-либо значеніе для вопроса объ употребленіи евреями христіанской крови, такъ—вовсе нежелательное для автора. Иной читатель можетъ сдѣлать и такой выводъ, что если христіане вопреки всему, что говорится въ ихъ священныя книги, совершаютъ ритуальныя убійства, такъ отчего же не допустить подобную возможность и относительно евреевъ.

Вторая половина книги Штрака, гдѣ онъ разбираетъ обвиненія противъ евреевъ, написана очень обстоятельно и убѣдительно доказываетъ (если только подобныя доказательства нужны) всю неосновательность этихъ обвиненій, ихъ полное несоотвѣтствіе ученію Библии и Талмуда и ихъ

полную голословность или завѣдомую ложность. Чтеніе этой части очень поучительно и для специалиста-этнографа, какъ прекрасная иллюстрація того, насколько упорно держатся ни на чемъ неоснованныя утвержденія относительно цѣлага народа. И если бы самъ Штракъ хорошенъко помнилъ это обстоятельство въ то время, когда писалъ первыя главы своей книги, то и онъ значительно бы выигралъ. Тогда онъ отнесся бы менѣе доверчиво къ нѣкоторымъ фактамъ и прежде, чѣмъ заносить ихъ на страницы своей работы, провѣрилъ бы ихъ, а пожалуй и совсѣмъ бы отказался отъ нихъ. Такъ, руководствуясь неточными свѣдѣніями, онъ не знаетъ, что Муланское дѣло кончилось оправданіемъ злощастныхъ вотяковъ; при этомъ онъ нѣкоторыя подробности самого дѣла передаетъ не совсѣмъ правильно и говоритъ, что вотяки «были настолько убѣждены въ законности своего дѣйствія, что нисколько не пытались скрыть убійства». Въ результатѣ получается, что человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ для него вполнѣ установленный фактъ. Точно также онъ вѣритъ, что русскіе хлысты и сюпцы причащаются человѣческимъ мясомъ и кровью. Насколько нетребователенъ въ данномъ случаѣ Штракъ въ доказательствахъ, можно судить по тому, что одно изъ своихъ сообщеній онъ основываетъ лишь на словахъ Гакстгаузена, говорящаго въ свою очередь со словъ своего писаря, нѣмца, разорившагося аптекаря, бывшаго потомъ винокуромъ. Самъ Гакстгаузенъ говоритъ, что «разказы его почти невѣроятны, но тѣмъ не менѣе въ три мѣсяца, которые онъ у меня пробылъ, я никогда не замѣчалъ, что онъ лжетъ»¹⁾. Штракъ умолчалъ о томъ, что источникомъ Гакстгаузена былъ всего одинъ единственный свидѣтель и то такой, гарантіей добросовѣстности котораго было лишь то, что онъ за три мѣсяца не былъ ни разу уличенъ во лжи, умолчалъ о томъ, что самому Гакстгаузену эти разказы кажутся «почти невѣроятными», и этимъ умолчаніемъ доказалъ отсутствіе у себя критическаго чутья. Далѣе Штракъ считаетъ возможнымъ признать справедливыми, хотя бы отчасти, обвиненія гностиковъ въ причащеніи мужскимъ сѣменемъ и менструаціонною кровью. Мало того, у него мы даже находимъ и такого рода фразу: «Чтобы Карпократіане употребляли въ своихъ обрядахъ кровь, это правда не говорится прямо, но становится очень вѣроятнымъ при сравненіи съ родственными гностиками» (стр. 14). Такимъ образомъ, онъ идетъ даже далѣе показанія своихъ источниковъ, не смотря на то что главнаго изъ нихъ, Епифанія, онъ самъ признаетъ ненадежнымъ и легковѣрнымъ (стр. 15). Онъ забываетъ, что аналогичныя обвиненія высказывались первое время и вообще противъ всѣхъ христіанъ, и что они принадлежать къ числу тѣхъ средствъ, на которыя неразборчивы въ пылу горячей полемики.

Итакъ, къ сообщаемымъ авторомъ фактамъ надо относиться съ нѣкоторой осторожностью; все же его книга прочтется не безъ интереса и

¹⁾ Гакстгаузенъ. Исслѣдованіе внутреннихъ отношеній etc. (русскій пер.), стр. 227.

кое-какія указанія изъ нея можно почерпнуть. Въ числу достоинствъ ея принадлежитъ то, что въ ней по большей части указаны источники каждаго сообщенія, такъ что въ случаѣ надобности его можно провѣрить.

А. Максимовъ.

Е. И. Якушкинъ. Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для библиографіи обычнаго права. (*Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.*, кн. 190-я). М. 1899 г., стр. 1-366.

Настоящая работа служить непосредственнымъ продолженіемъ двухъ первыхъ томовъ по библиографіи обычнаго права, уже изданныхъ авторомъ раньше, и въ нее вошелъ перечень книгъ и статей, посвященныхъ исключительно инородческому праву и вышедшихъ въ свѣтъ съ 1875 по 1890 г.; впрочемъ указаны также нѣкоторыя сочиненія, изданныя раньше, но пропущенныя въ I-мъ томѣ. Нечего и говорить, что перечень вышелъ не вполне полный и что, не говоря уже о провинціальныхъ газетахъ, использованныхъ авторомъ далеко не систематически, можно указать, напримѣръ, на такіе пропуски въ литературѣ о черемисахъ, какъ статьи С. Кузнецова въ „Др. и Нов. Россіи,“ книга свящ. Яковлева (Религіозные обряды черемисъ, 1887 г.), известная работа проф. Смирнова (1889 г.) и т. д. Но, не смотря на эти недочеты, книга г. Якушкина несомнѣнно представляетъ выдающееся явленіе въ нашей литературѣ. Богатое и многочисленное ученое общество могло бы, конечно, выполнить поставленную себѣ авторомъ задачу лучше, но для отдѣльнаго человѣка это невозможно. Въ настоящемъ указателѣ названо 1197 книгъ и статей, сама по себѣ эта цифра уже почтенная, но главное достоинство разбираемой нами книги состоитъ не въ количествѣ названій, а въ томъ, что авторъ почти всегда указываетъ содержаніе отдѣльныхъ работъ, иногда онъ даетъ очень подробные конспекты отдѣльныхъ книгъ и статей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прѣдбгааетъ даже къ дословнымъ перепечаткамъ особенно интересныхъ сообщеній. Книга отъ этого выигрываетъ въ двухъ отношеніяхъ: специалисту она прямо говоритъ, гдѣ онъ можетъ и гдѣ не можетъ найти свѣдѣнія по интересующему его частному вопросу, а обыкновенному читателю она даетъ довольно подробное и точное понятіе о самомъ содержаніи инородческаго права и знакомство съ важнѣйшими его нормами. Иными словами, это обзоръ не одной литературы по инородческому праву, а и обзоръ самого этого права. Если прибавить сюда, что авторъ очень широко понимаетъ, какъ самый терминъ «обычное право», такъ и источники, необходимые для его изученія, включая сюда, напр., свадебные обряды, пѣсни, сказки и т. п., то отсюда ясно видно, какой цѣнный вкладъ въ этнографическую литературу представляетъ разбираемое нами сочиненіе. Къ достоинствамъ его необходимо отнести также очень подробные указатели, которые значительно облегчаютъ пользованіе книгой.

А. Максимовъ.

П. Лупповъ. Народное образованіе среди вотяковъ со времени первыхъ извѣстій о нихъ до 1840-хъ годовъ. *Вятка 1898 г.*

Небольшая брошюрка г. Луппова содержитъ немало интересныхъ указаній на условія, въ которыя было поставлено распространеніе грамотности среди вотяковъ въ прежнее время. Собственно говоря, сколько-нибудь правильное обученіе вотяковъ начинается лишь со второй половины 18-го вѣка, отдѣльные грамотѣ встрѣчались, конечно, и раньше; грамотность они приобретали помимо школъ, въ то время еще не существовавшихъ. Только въ срединѣ 18 вѣка были открыты 4 школы для новокрещенныхъ инородцевъ, гдѣ вотяки обучались наряду съ черемисами, мордвою, татарами и т. д. Число учащихся вотяковъ въ этихъ школахъ было незначительно, съ 1750 г. по 1771 г. поступило всего 29 человекъ, а кончили обученіе съ какими-нибудь результатами прямо ничтожное количество. Объясняется это неудачной постановкой самого дѣла; школы, повидимому, были обставлены очень плохо въ матеріальномъ и санитарномъ отношеніяхъ, какъ объ этомъ можно судить по громадной смертности учениковъ: изъ 19 вотяковъ—9 умерли во время пребыванія въ школахъ. Не лучше было поставлено и самое обученіе, велось оно на русскомъ или славянскомъ языкѣ и преслѣдовало узко спеціальныя цѣли—подготовленіе церковниковъ. Но и эта цѣль почти не достигалась,—послѣ 10—11 лѣтняго обученія только 5 вотскихъ мальчиковъ оказались достойными занять церковно-служительскія мѣста, хотя требованія для этого предъявлялись самыя умѣренныя. Постепенно и эти школы заглохли и закрылись, и обученіе вотяковъ было по прежнему предоставлено частной инициативѣ. Образованіе министерства народнаго просвѣщенія не только не подвинуло впередъ дѣла обученія вотяковъ, но наоборотъ скорѣе затормозило его, поставивъ извѣстныя преграды частной преподавательской дѣятельности, такъ что въ канцелярію Вятскаго директора народныхъ училищъ стали поступать такіа донесенія: «частныхъ училищъ нѣтъ, такъ какъ стараніемъ г. городничаго они всѣ закрыты» (стр. 46). Вообще пониманіе администраціей какъ мѣстной, такъ и центральной своихъ задачъ въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія оставляло желать очень многого. Духовному вѣдомству, однако, удалось отстоять свою самостоятельность въ начальномъ обученіи, и оно осталось единственнымъ проводникомъ грамотности среди вотяковъ. Большое вниманіе, удѣляемое съ 20 гг. обращенію вотяковъ въ христіанство, заставило относиться болѣе серьезно и къ обученію ихъ. Миссіонерскія школы, хотя медленно, но все же увеличивались числомъ, и въ 1838 г. въ 19 школахъ обучалось уже 193 вотяка. Къ этому же времени относится и переходъ къ преподаванію на вотяцкомъ языкѣ, представлявшій несомнѣнно громадный шагъ впередъ.

А. Максимовъ.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. Изданіе Сыръ-Дарьинскаго областного статистическаго комитета. Подъ ред. и д. секретаря комитета И. И. Гейера. Т. VII. Ташкентъ 1899.

Изъ помѣщенныхъ въ этомъ томѣ статей этнографическій интересъ представляетъ только небольшая статья г. Н. Лыкошина «Роль дервишей въ мусульманской общинѣ ташкентскихъ туземцевъ». Приложеніемъ къ ней служитъ списокъ шіановъ, живущихъ въ настоящее время въ Ташкентѣ, и переводъ «Рисалии-и-тарикаты», т. е. наставленія какъ нужно готовить себя для вступленія въ орденъ дервишей «накибандіа-ахмадіа». Этотъ документъ особенно интересенъ, и содержащаяся въ немъ наставленія о произнесеніи имени Вошьяго различными частями тѣла могутъ служить иллюстраціей общаго духа, которымъ онъ проникнутъ.

Бое какія мелочи можно найти еще въ статьѣ Н. Габбина: «Бустарные промыслы». I. Производство сѣделъ».

А. М.

А. А. Диваевъ. О свадебномъ ритуалѣ киргизовъ Сыръ-Дарьинской области. Казань 1900 г. (Изъ „Учен. Зап. Каз. Ун.“).

Хотя о свадебныхъ обрядахъ у киргизъ, и въ томъ числѣ киргизъ именно Сыръ-Дарьинской области, писано немало и нѣкоторые описанія отличаются очень большою детальностью, тѣмъ не менѣе брошюрка г. Диваева оказывается не лишней. Дѣло въ томъ, что содержащееся въ ней описаніе свадебнаго ритуала дословно записано со словъ одного киргиза Чимкентскаго у., и, благодаря этому, мы можемъ судить о томъ, какіе именно моменты свадебнаго церемоніала кажутся наиболее существенными и важными въ глазахъ самихъ киргизовъ. Описаніе дано довольно краткое, но нѣкоторыя части его разработаны сравнительно очень подробно, особенно предварительныя посѣщенія женихомъ невѣсты, предшествующія окончательному заключенію брака. Въ описанію приложено нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ. Какъ само описаніе, такъ и эти пѣсни приведены и въ киргизскомъ подлинникѣ, и въ русскомъ переводѣ.

А. Максимовъ.

Сборникъ киргизскихъ пословицъ. Матеріалъ по этнографіи киргизъ. Изданіе Тургайскаго областного статистическаго комитета. Оренбургъ 1899 г.

Въ сборникъ вошло болѣе 1700 пословицъ, но значительная часть ихъ могла бы быть опущена безъ всякаго ущерба для дѣла. Киргизы далеко не такая мало изслѣдованная народность, чтобы нужно было сохранять и записывать каждую мелочь, имѣющую къ нимъ отношеніе. Большинство изъ вошедшихъ въ сборникъ пословицъ могутъ имѣть какое нибудь значеніе лишь въ качествѣ образчиковъ киргизскаго языка; для сужденія же о бытѣ и складѣ мысли киргизъ онѣ не дадутъ почти никакихъ данныхъ, которыя не были бы получены болѣе прямымъ пу-

темъ. Конечно, общія черты быта отражаются и на пословицахъ, и напр. киргизы, какъ пастушескій народъ, очень часто пользуются аналогіями изъ жизни домашнихъ животныхъ, но что киргизы—скотоводы, это мы знаемъ и безъ пословицъ. Только меньшинство пословицъ, преимущественно тѣ, въ которыхъ киргизы выражаютъ свое отношеніе къ разнаго рода социальнымъ установленіямъ, представляютъ нѣкоторый интересъ, и составитель сборника гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы ограничился только ими. Въ пословицахъ, напр., проглядываетъ довольно рѣзко выраженное отрицательное отношеніе киргизъ къ полигаміи, черта во всякомъ случаѣ любопытная.

Изданіе сборникъ не вполне удовлетворительно. Каждая пословица приведена въ киргизскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ. Не беремся судить о точности киргизскихъ записей, но русскіе переводы оставляютъ желать многого въ смыслѣ ясности. Такъ, на стр. 5-й мы находимъ такую непонятную пословицу: «Народъ святъ, озеро—рѣка». Другія пословицы, смыслъ которыхъ грамматически вполне ясенъ, тѣмъ не менѣе остаются иногда совершенно непонятными безъ объясненій, напр. «Пьетъ, кто родился, а не пустая вещь» (стр. 34) и т. д. Распределеніе пословицъ по отдѣламъ тоже оставляетъ желать лучшаго, что впрочемъ признаетъ въ предисловіи и самъ составитель.

А. Максимовъ.

Симони, Павелъ. Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій. *Выпускъ первый, съ приложеніемъ XIII-ти таблицъ снимковъ съ рукописей. I—II. Изданіе Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ. СПб. 1899.*

Пословицамъ особенно посчастливилось въ старинной русской литературѣ. Съ самаго начала нашей письменности онѣ заносятся въ цѣлый рядъ памятниковъ характера лѣтописнаго, поэтическаго, поучительнаго; значительное количество «мірскихъ притчъ» вошло въ Моленіе Данила Заточника и въ апокрифическія сказанія о Соломонѣ. Наконецъ, въ концѣ XVII вѣка мы видимъ замѣчательную попытку «малая собрати отъ многихъ воедино, яже обрѣтохъ: ова писана издревле, мною, яко лѣтъ за сто или больше, иная же на словахъ обносящаяся», какъ говоритъ самъ составитель перваго изъ двухъ сборниковъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Симони (стр. 69). Здѣсь особенно интересно заявленіе собирателя 80—90-ыхъ годовъ XVII столѣтія, что онъ пользовался старымъ сборникомъ пословицъ, писаннымъ, быть можетъ, еще въ XVI вѣкѣ. Это свидѣтельство подтверждается самымъ сборникомъ, въ которомъ встрѣчаются такія древнія формы, какъ ся гнѣваетъ, ся озираетъ, твор. над. глаза, багоги, ослопы, лучки, или такія старинныя слова, какъ цѣльба, тять, лѣторосль, хижя. Но составитель не ограничился перепиской стараго сборника; онъ многое почерпнулъ изъ употребительныхъ въ устной рѣчи пословицъ. Замѣчательно, что, составляя свой сборникъ, онъ приуздень оговаривается передъ «читателемъ или послушателемъ», чтобы

тотъ не «зазрѣлъ» его работы, не вмѣнилъ бы ея въ «презорство», «не въ ново бо сія, ни нами начало пріять, но стародавняя нѣкая, тоцію нынѣ во едино собра(хъ), яже отъ многихъ уже лѣтъ въ мірѣ утвердѣшася» (69). И далѣе онъ ссылается на авторитетъ «древнихъ мужей», которые установили пословицы; если, говоритъ онъ, онѣ и не взяты изъ Священнаго писанія, то все-таки многое въ нихъ согласно ему, только что безъ прикрасъ, «какъ мірстѣмъ жителямъ простою рѣчію говорить». Далѣе опять ссылка на древнихъ, которые брали отъ святыхъ книгъ приточныя строки или пословицы, уснащали реченіями изъ Писанія. Все это указываетъ противъ тѣхъ, которые «съ ругательнымъ намѣреніемъ здѣ писаннымъ поносятъ и широкій(?) составляютъ». Особенно интересно указаніе собирателя на сборники пословицъ, которыя печатаются въ типографіяхъ «западныхъ странъ, якоже изъ нихъ нѣкія можна видѣхъ очима» (71). Вѣроятно, это были польскія пословицы, которыя дѣйствительно собирались въ старину, или книги въ родѣ «Politika Dworskіe» Яна Забчица (1630 г.), состоящая изъ нравоучительныхъ изреченій и въ русскомъ переводѣ помѣщенная въ томъ же сборникѣ, откуда г. Симоинъ почерпнулъ и собраніе пословицъ. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что собирателемъ былъ человѣкъ новаго направленія, хотя не Петровскаго, но во всякомъ случаѣ либераль XVII вѣка, проникнутый свѣтскими польскими идеями (это видно между прочимъ изъ его любви къ философствованію относительно фортуны и колеса времени, стр. 70). Въ виду этого приписываніе авторомъ сборника пословицъ «извѣстному представителю строго-православной части на Москвѣ», чудовскому монаху Евсеію (стр. 68) намъ кажется не только мало обоснованнымъ, но даже невѣроятнымъ. Вспомнимъ, что симпатіи составителя всего сборника лежатъ на сторонѣ лицъ противоположнаго, «латинскаго», или вообще либеральнаго направленія: іеродіакона Теофана (Прокоповича, стр. 11) Симеона Полоцкаго (12), «господина честнѣйшаго инока Арсеіа» (Грека, 15), «старца Максима Грена» (16); вспомнимъ его пристрастіе къ виршамъ, баснямъ Эзопа, къ польскимъ и даже іезуитскимъ (11) книгамъ; ¹⁾ наконецъ, приведемъ заключительныя слова всего сборника: «Поведоша Господа на распятіе. Мужей пѣшихъ было легеонъ, 690 человекъ, стрѣльцовъ 600, кустодѣвъ 60 мужей, турчанъ 300. Распяша Господа на востокъ лицомъ. Ударилъ Господа въ ланиту именемъ Фалсать, рабъ Каіафинъ, родомъ латынянинъ; проболъ Господа въ ребра лавась-воинъ». (стр. 64). «Строго-православное» направленіе оказывается совершенно неподходящимъ къ составителю сборника. Такъ какъ большая часть бумаги, на которой написанъ сборникъ, относится къ 1681—6 гг., (стр. 16) то имъ не могъ быть Симеонъ Полоцкій († 1680), но могъ быть Сильвестръ Медвѣдевъ († 1691), бывший подьячій, который «языкъ свой изощряше яко зміинъ», родомъ изъ Курска (ср. замѣчанія акад. Корна относительно акаанья не помосковски себирателя пословицъ, стр. 3—5, и П. А. Ро-

1) Ср. пословицу № 17: „Острономія умѣтъ—любовь къ Богу имѣтъ“ съ осужденіями Астрономіи и Зодіа ревнителями православной старины.

винскаго въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. V, кн. I, 293—5), прекрасно зналъ латинскій и польскій языки, почему и «уловился въ слухъ погубельный панежскаго злочестія» (*Пыльмижъ*, Исторія русской лит. II, 372—382.)

Второй сборникъ пословицъ, меньшій по объему, нежели первый (въ немъ 1213 №№, тогда какъ въ первомъ—2876), былъ составленъ между 1700 и 1730 гг., по вѣроятному предположенію автора, въ Вологодскомъ, во всякомъ случаѣ сѣверномъ краѣ (стр. 171)¹⁾ и, повидимому, человѣкомъ уже Петровскаго направленія, такъ какъ собиратель не считалъ нужнымъ оправдываться въ составленіи сборника (рукопись начинается безъ всякаго заглавія пословицами на букву А); единственная надпись на ней — «здѣ полагаются отъ сего же алфавита мірскія пословицы и разговоры; понеже тамо не вписаны за умаленіемъ (недостаткомъ) мѣста» (с. 170, 214)—останавливается на себѣ вниманіе терминами: «мірскія пословицы и разговоры», напоминающими постоянно встрѣчающіяся въ языкѣ Петровскаго времени «разговоры и комплименты»; мы видѣли, что составитель перваго сборника не знаетъ термина «разговоры»; онъ знаетъ только «мірскія притчи, мірскія вещи, или пословицы». Откуда второй собиратель досталъ свои матеріалы, сказать трудно; вѣроятно, большую часть онъ записалъ изъ устъ, но, можетъ быть, кое-что попало въ его сборникъ литературнымъ путемъ; такъ искаженіе «лѣтитъ» въ «лѣтъ» въ пословицѣ: «Сорока лѣтитъ а сорома вѣтъ» (№ 632), можно объяснить лишь неправильной перепиской пословицы, которая въ первомъ сборникѣ читается такъ: «Сорока лѣтъ сорома вѣтъ» (№ 2116).

Вышедшій въ настоящее время I выпускъ труда г. Симони представляетъ только начало обширнаго собранія пословицъ, куда авторъ предполагаетъ помѣстить всѣ сборники, рукописные и печатные, появившіеся до перваго изданія пословицъ Даля (1852). Авторъ приводитъ перечень такихъ сборниковъ, а также извѣстныхъ ему лишь по заглавію, неизвѣстно гдѣ находящихся (стр. XI—XIII); между прочимъ, онъ не могъ найти собраніе пословицъ, сдѣланное повтомъ Кольцовымъ; можемъ сообщить, что оно напечатано уже въ изданіи: „Воронежская Бесѣда“ на 1861 г. Изд. М. Де-Пуле и Н. Глотова С.-П.-Б. 1861. Одновременно съ печатаніемъ текстовъ авторъ обѣщаетъ вести параллельное изслѣдованіе исторіи русской пословицы; въ концѣ изданія будетъ подробный библиографическій указатель. Было бы желательнѣе имѣть также указатель именъ и предметовъ, хотя бы общій для всего изданія; всякій изслѣдователь русской народной поэзіи сказалъ бы за это автору искреннее спасибо.

Что касается точности изданія текстовъ и тщательности описанія рукописей, то онѣ не оставляютъ желать ничего лучшаго: каждый, хотя бы незначительный, знакъ рукописи, каждая отиѣтка передаются авто-

¹⁾ Между прочимъ, въ одной пословицѣ, № 1209, упоминается г. Великія Луки.

ромъ, котораго можно, пожалуй, иногда упрекнуть за излишнюю подробность описанія, заставляющую опасаться, что она затянется дѣло, не принесши большой пользы; по крайней мѣрѣ, оглавленіе басенъ Эзопа, занимающее въ книгѣ 11 страницъ (53—63) и не имѣющее прямого отношенія къ сборнику пословицъ, съ успѣхомъ могло бы быть выпущено.

Матеріалъ настоящаго выпуска не представляетъ абсолютной новизны: второй сборникъ былъ уже напечатанъ дѣлкомъ (въ 1880 г.), изъ перваго кое-что было взято Буслаевымъ и Сибиревымъ. Несмотря на это, систематичность и точность изданія дѣлаютъ книгу г. Симоны необходимымъ пособіемъ при всякомъ изученіи русской повѣи и отчасти исторіи. Историкъ старой русской литературы найдетъ въ ней любопытные слѣды старой письменности. Такъ, пословица: «Единъ гонить сто, а два тму» (сборн. I, № 814), повторяетъ выраженіе въ Повѣсти о пришествіи Батыя на Рязанскую землю: «бьяшася (воины Коловрата) единъ съ тысящею, а два съ тмою»; II, № 320 = 359: «Ласковое (мягкое) слово кость (ности) ломить, а жестокое гвѣвъ воздвизаетъ» — не что иное, какъ пословица Китовраса: «Мягко слово кость ломить, а жестокое слово гвѣвъ воздвизаетъ»; I, № 2205: «Скрипнѣть, что русская телѣга» напоминаетъ известное выраженіе въ Словѣ о полку Игоревѣ: «скрывать телѣги полунощи, рѣчи лебеди роспужени»; № 666: «Дураковъ ни сбить, ни жнуть, — сами родятся» встрѣчается у Данила Заточника въ видѣ: «Безумныхъ ни орютъ, ни сбитъ, ни тнутъ, ни прядутъ, но сами ся рожаютъ». Историкъ найдетъ въ пословицахъ воспоминанія о татарахъ (I, №№ 2026, 2248, 2257, 2569, 2745), объ Ермакѣ (1992), о сторожевой службѣ на Овѣ (1438), объ уходѣ въ казачество на Донъ (II, 226), о битвѣ казаковъ съ ляхами (571), о разбояхъ на Волгѣ (I, 31, 626), о грозѣ Запорожскихъ казаковъ (614, 1323) и крымцевъ (30, 33, 297, 627, 898, 1498), о славѣ Вильны какъ «дивнаго» города (106, 1590, II, 780), о сношеніяхъ съ Персеіей (82, 895, Абаса = Аббасъ-Абадь или Аббасъ-Туманъ), о князѣ Пожарскомъ (1970), о Маринѣ Мнишекъ (II, 535: Паръ въ банѣ — не одной Маринѣ; известная пѣсня обвиняетъ самозванца съ женою въ томъ, что они во время обѣдни парились въ банѣ). Исследователь фольклора обратитъ вниманіе на пословицы, повторяющія или былинныя выраженія (534, 1719, 667; II, 48, 1117, 1135), или пѣсенныя (746, 758, 1544; II, 161), или сказочныя (738, 293), или напоминающія Соломонову казнь въ повѣсти о похищеніи его жены (614, 752). Въ нѣкоторыхъ пословицахъ выражаются взгляды на богатство (II, 553, 875—6), упоминается былинное названіе Кряковецъ (II, 224) и былинный взглядъ на Ростовъ, какъ на благочестивый городъ (I, 2734); въ другихъ выражается мнѣніе о пѣсенной традиціи (1209), указываются праздники Масляницы и Радунницы (524; II, 1104), встрѣчаются любопытные намеки на легенду о цвѣтѣ «Иванъ да Марья» (1181), на грозный взглядъ Касьяна-Вія: «Зивуль Касьянъ на крестьянъ» (1108), примѣта о дождѣ (2067); интересенъ также взглядъ людей XVII в. на старинныя русскія имена: «Жденъ

Богданъ—коровье имя. (942; известно, что коровъ до сихъ поръ называютъ Богоданками).

Уже изъ этого случайнаго перечня замѣчательныхъ чертъ въ старыхъ записяхъ пословицъ видна важность ихъ изданія. Привѣтствуя появленіе перваго выпуска тщательно исполненной работы г. Симони, съ нетерпѣніемъ ждемъ ея продолженія и думаемъ, что дѣло пойдетъ скорѣе, если авторъ приметъ во вниманіе высказанныя здѣсь замѣчанія.

А. Марковъ.

Религіозныя вѣрованья съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Сборникъ лекцій и статей иностранныхъ ученыхъ и публицистовъ. *Перев. съ англійскаго В. А. Тимирязева. Дохристіанскія и нехристіанскія вѣрованья. СПб. Изд. Суворина. 1900 г.*

Въ концѣ 80-хъ годовъ въ Лондонѣ образовался кружокъ лицъ, которыя, имѣя въ виду распространеніе въ широкихъ кругахъ вѣротерпимости, рѣшили въ дѣломъ рядъ публичныхъ лекцій популярно изложить различныя религіозныя, философскія и социальныя системы. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ отъ 1888 до 1891 г. были устроены многочисленныя публичныя чтенія, въ которыхъ выступали лекторы специалисты; среди нихъ встрѣчались и видныя въ наукѣ имена. Въ настоящей книгѣ собраны 50 изъ этихъ лекцій и къ нимъ прибавлено 8 статей, которыя не были прочитаны публично. Въ публичныхъ лекціяхъ, предназначенныхъ для широкаго круга слушателей, рассчитанныхъ на определенное и краткое время, едва ли является возможнымъ представить определенный и достаточно пространный очеркъ такихъ глубокихъ религіозныхъ системъ, каковы, напримѣръ, конфуціанство, буддизмъ и др. Авторамъ публичныхъ чтеній, собранныхъ въ настоящей книгѣ, приходилось быть краткими, останавливаясь на такъ называемыхъ казовыхъ подробностяхъ, слишкомъ поверхностно касаться нѣкоторыхъ интересныхъ сторонъ той или другой религіозной системы. Не всѣ статьи въ книгѣ обладаютъ къ тому же одинаковыми серьезными достоинствами; нѣкоторыя, изъ нихъ даже черезчуръ кратко и поверхностно составлены. Все это надо отнести къ недостаткамъ книги. Но наша литература, касающаяся вѣрованій различныхъ народовъ, такъ скудна, что появленіе ея можно только привѣтствовать. Рассчитанная на широкую публику, она, быть можетъ, повлечетъ за собой пробужденіе извѣстнаго интереса къ этой важной области проявленія человѣческаго ума и натолкнетъ быть можетъ не одного читателя на болѣе подробное изученіе отдѣльныхъ религіозныхъ системъ или религіозныхъ воззрѣній отдѣльныхъ народностей.

В. Х.

Описаніе Минусинскаго Музея. Вып. IV. Е. К. Яковлевъ: Этнографическій обзоръ инородческаго населенія долины Южнаго Енисея и объяснительный каталогъ этнографическаго отдѣла музея. *Издано на средства В. А. Данилова. Минусинскъ, 1900.*

Мы имѣемъ передъ собой новое весьма интересное изданіе Минусинскаго Музея. Дѣятельность этого учрежденія пользуется почетной извѣст-

костью и служить однимъ изъ отрядныхъ факторовъ общественной жизни далеко лежащей области. Она доказываетъ лишний разъ, какъ много можетъ сдѣлать кучка людей, энергичныхъ работниковъ, безкорыстно преданныхъ дѣлу. Посвящая свои силы всестороннему изученію области, музей все болѣе и болѣе обогащаетъ всѣ свои отдѣлы. Изъ отчета его за 1899 г. видно, что естественнo-историч. отдѣлъ его обладалъ 148 предм., антропологическій—569, археологическій—12907, горнопромышленный—1092, промышленный—2048, сельско-хозяйственный—2864, нумизматическій—2432, образовательный—8445, педагогическій—1632 предм. Кроме того при музее существуетъ метеорологическая станція, на которой производятся наблюденія метеорологическія и сейсмокопическія, и библиотека въ 15071 названій. Музей участвовалъ во всемирной Парижской выставкѣ отпавкой коллекцій по флорѣ, географіи, этнографіи и археологич Южно-Енисейскаго края. Этнографическія коллекціи Минусинскаго музея состоятъ въ настоящее время изъ 2440 предметовъ, собранныхъ среди населенія Минусинскаго округа. Кроме того 560 предметовъ относятся къ этнографіи китайцевъ и японцевъ, тунгусовъ, остяковъ, и др. Они выдѣлены въ отдѣлъ общеобразовательный, такъ какъ дирекція имѣла въ виду въ этнографическомъ отдѣлѣ своего музея обособить Минусинскій округъ, представить полно всѣ стороны жизни разнороднаго и интереснаго населенія округа, коренного и пришлаго. Она сама сознаетъ, что этому положено только начало, но и начало это уже представляетъ значительный интересъ. Но нельзя не согласиться съ авторомъ настоящаго описанія, что съ изученіемъ народной жизни въ Минусинскомъ округѣ надо снѣзшить и какъ можно скорѣе. Новыя формы жизни вторгаются съ необыкновенной быстротой, внесенныя пришлыми элементами: русскими, мордвой, эстами, латышами; на религіозныя представленія инородцевъ все болѣе навлаживаютъ печать съ одной стороны христіанство, съ другой—буддизмъ; вымираютъ сказочники—и съ ними хранящіяся только въ изустной передачѣ богатырскія былины и сказки.

Описаніе коллекцій предпринято по интересному плану. Авторъ послалъ ему общій этнографическій очеркъ инородческаго населенія долины Южнаго Енисея, составленный имъ на основаніи матеріаловъ печатныхъ и лично собранныхъ. Авторъ скромно отмѣчаетъ краткость очерка, отсутствіе нѣкоторыхъ отдѣловъ (онъ не касается между прочимъ повѣрій, народнаго творчества, обычно-правовыхъ возрѣній и др.); тѣмъ не менѣе его статья, занимающая 122 стр., прочтется съ большимъ интересомъ. Въ небольшой сравнительно литературѣ объ инородцахъ даннаго края, она будетъ не малозначащимъ вкладомъ. Слѣдуетъ затѣмъ систематическое описаніе коллекцій, снабженное нѣсколькими цинкографіями. Здѣсь надо отмѣтить ту тщательность, съ которой описанъ подробно почти каждый предметъ, благодаря чему возможно получить о немъ представленіе, не имѣя его передъ глазами. Этимъ описаніе г. Яковлева выгодно отличается отъ другихъ подобныхъ описаній. Въ концѣ приложена библиографія объ инородцахъ Минусинскаго и Засаянскаго края, что бесспорно возвышаетъ цѣнность настоящаго изданія.—Отдѣльно и кратко

г. Яковлевъ касается русскаго населенія области, состоящаго изъ переселенцевъ, сосланныхъ и такъ наз. крестьянъ изъ казаковъ. Въ описаніи небольшой коллекціи предметовъ, относящихся къ быту русскихъ, находимъ интересное описаніе костюма прошлаго столѣтія. Одежда всюду быстро подвергается измѣненіямъ, требуемымъ модой, и поэтому интересно и особенно трудно возстановить болѣе старинные костюмы. Далѣе слѣдуетъ описаніе этнографическихъ предметовъ, принадлежащихъ латышамъ, остякамъ, тунгусамъ, мордвѣ, и описаніе коллекцій по быту китайцевъ, составленное Н. М. Мартяновымъ.—Глядя на упорную и добросовѣстную работу Е. Е. Яковлева въ предпринятомъ имъ описаніи, нельзя не сказать спасибо ему за его безкорыстный трудъ.

В. X.

Проф. Т. Флоринскій. Малорусскій языкъ и „украинско-русскій“ литературный сепаратизмъ. С.-Петербургъ. 1900.

Авторъ на стр. 56—57 своей брошюры говоритъ слѣдующее:

«Поборники малорусской литературы за послѣднія двадцать пять лѣтъ стремятся вывести ее изъ (тѣсныхъ)... этнографическихъ рамокъ... Они пытаются поставить малорусскій языкъ на одну ступень съ языкомъ обще-русскимъ, т. е. стараются присвоить ему роль органа науки и высшей образованности для... южно-русскаго народа... Простонародный малорусскій языкъ... дѣлаютъ языкомъ преподавательскимъ не только въ низшихъ и среднихъ, но и въ высшихъ школахъ. Собираются деньги, и предпринимаются другіе хлопоты для основанія малорусскаго, или «украинско-русскаго» университета... Еще энергичнѣе ведется приготовленія по открытію «украинско-русской» академіи наукъ. На малорусскомъ языкѣ пишутся и издаются сочиненія по исторіи и этнографіи, медицинѣ, математикѣ, естествознанію и другимъ наукамъ. Развивается и малорусская публицистика».

Ратованію противъ этого національнаго движенія и посвящена брошюра проф. Флоринскаго, свидѣтельствующая только о томъ, что люди науки иногда бываютъ очень дурными и вредными для народнаго дѣла и для самой науки публицистами.

А. М.

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Архангельскій Епарх. Вѣд. 1900. 2—4. *Н. Обтеперанскій*. Слѣды язычества и апокрифической литературы въ религіозномъ мировоззрѣніи древнерусскаго народа. (Популярный очеркъ).—2 (и далѣе). Распространеніе христіанства среди русскихъ лопарей (историческій очеркъ)—3. Матеріалы для исторіи раскола въ Архангельской епархіи. „Посланіе ко утверженію вѣры изъ Топь-озера въ Петербургъ“ (1796 г.)—5. Мнѣніе жителей Кородскаго скита о титлѣ, брачащихся и поминовеніи умершихъ (1803 г.)—Посланіе жителей Черноверскаго скита къ дух. о. Тарасію, укорительное по поводу нѣкоторыхъ его поступковъ, изобличающихъ его въ „глупой слабости“. Сообщ. *А. Молчановъ*.—6, 7. Сумскій приходъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, II (черты быта).—8. То же прод. (морскіе промыслы и нравы).—Изъ Мезенскаго уѣз. (свадьбы уходомъ).—7. Изъ путевыхъ замѣтокъ благочиннаго въ Печорскомъ уѣз. (природа и бытъ).—

1900. 9. Расколъ въ Печорскомъ краѣ и борьба съ нимъ. 10, 12, 13. Распространеніе христіанства среди русскихъ лопарей (ихъ бытъ, обычаи, вѣрованія).

Витебскія Губ. Вѣд. 1900. 72. *Н. Я. Н.* Чествованіе Д. Н. Алучина.—74. *Н. Тихомировъ*. Современные кумиры. III. Мода. (Продолженіе. Съ культурно-исторической точки зрѣнія).—Памятникъ на могилѣ Н. М. Ядринцева (изъ „Восточнаго Обзорія“).—Смѣсь. Китайское сказаніе о св. Николаѣ.

Военный Сборникъ. 1900 г. I, II. *В. М. Марковъ*. Очерки Мурманя.

Вологодскія Губ. Вѣдомости. 1900.—17. Молочное хозяйство въ Вологодской губерніи.—18, 114. Корресп. изъ Кадникова (конное хозяйство).—32. Шапша, Кадниковскаго уѣзда. (нравы населенія, экономич. бытъ).—36. Корресп. Красноробскъ (черты быта).—41. Корресп. Устьсысольскъ. (черты быта).—44. Корресп. Важболъ Тотемскаго уѣзда. (черты быта).—53. Николаевскій Усть-рѣцкій погостъ, Кадниковскаго у. (экономич. бытъ).—81. Корресп. Устьсысольскъ. (вѣра въ чародѣйство).—179, 181, 182. Огонь и вода въ сказаніяхъ русскаго народа.—191, 193. Письма изъ Портъ-Артура. (религія и бытъ китайцевъ).—202. Разныя разности. Самоубійство изъ мести въ Китаѣ.—199, 204, 205, 206. Русская простонародная астрономія (изъ Правит. Вѣстн.).—221. Манчжурія (природа и бытъ).—222. С. Щугоръ, Устьсысольскаго уѣзда (пути сообщенія и экономическій бытъ).—223. Разныя разности (вѣрованія вотяковъ).—261. Разныя извѣстія. Людоѣдство (изъ Правительств. Вѣстн.).—286. Разныя извѣстія. Мореходство у китайцевъ въ древности (къ исторіи сношеній, изъ Правительств. Вѣстн.).

Волынскія Епарх. Вѣд. 1900. 1—2. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. (Кое-что изъ свадебныхъ обычаевъ).—6. То же. (Праздники, свадьбы, похороны; приводятся двѣ веснянки).—10. То же. (Громада, т. е. сходы крестьянъ; болѣвни).—11—12. То же. (Преданіе о болотѣ).

Вопросы философіи и психологіи. Изданіе Моск. Психолог. Общества. 1900. Книга 51 (I). Вслѣдъ за статьями, посвященными памяти П. Я. Грота, интересна статья П. И. Житецкаго, В. Гумбольдтъ въ исторіи философскаго языкознанія.—Далѣе—*Втра Дасонтоз*, Новый переводъ Уданишадъ (D-r Paul Deussen, Sechzig Upanishad's des Ved. Aus dem Sanskrit übersetzt und mit Einleitungen und Anmerkungen versehen. Leipzig. 1897).—Ии. 52. (II). Помѣщены статьи, посвященныя памяти В. П. Преображенскаго и М. М. Троицкаго.—Г. И. Челпановъ, Очеркъ современныхъ воззрѣній о душѣ,—Ии. 53. (III). Гр Л. Комаровскій, Къ вопросу о философіи войны.—Ии. 54. (IV). П. И. Новгородцевъ, Объ историческомъ и философскомъ наученіи идей. (Авторъ приходитъ къ заключенію, что „результаты философскаго анализа могутъ быть пригодны для историкъ лишь тогда, когда они повѣряются при помощи другихъ свидѣтельствъ, почерпнутыхъ изъ ознакомленія съ реальной жизнью“).

Вѣстникъ Воспитанія. 1900 7.—А. Е. Алекторовъ, Очеркъ народнаго образованія въ Тургайской области.—Лѣтопись 1744—1898 г. Вып. I—III Оренбургъ. 1900 г. (Рец.).

Енисей 1900 г. 13. Д. Мурзавъ. „Объ истребленіи мараловъ на югѣ Енисейской губ.“—способы охоты.—20. Членъ Вост. Сиб. Отдѣла „Голосъ Члена Восточно-Сибирскаго отдѣла Н. Р. Г. О.“—нелады въ Отдѣлѣ.—39. Въ отдѣлѣ „По Россіи“ сообщается про ясновидящую, живущую въ Рогачевскомъ у. и сама редакція вѣрить въ способность ясновидящей предсказывать будущее.—54. „Индусская легенда о сотвореніи женщины“ (изъ *Journal des Debats*).—55. Передовая статья „Значеніе музеевъ въ Сибири“.—62. Г. М-въ „Земельный вопросъ въ Олекминскомъ округѣ“.—66. Передовая „Памяти Н. М. Ядринцева“.—80. „Религиозныя вѣрованія китайцевъ“.—92. „Заграничная хроника“—о боксерахъ.—95. „Съ Авгары“—авѣроловство у крестьянъ и тунгусовъ въ Кежемской вол. (изъ „Сиб. Жизни“).—96. „По Россіи“ С. Верхняя Чернавка. Вольскаго у. Пастухъ, укушенный бѣшеной собакой, чтобы предупредить зараженіе, отрубилъ у этой собаки голову и кровью ея смазалъ укушенное мѣсто. Старо брядецъ, у котораго вѣбсілась корова, ни за что не соглашался убить ее, считая это грѣхомъ, отказался отъ вознагражденія и выждалъ, пока корова сама издохла. (Изъ „Саратовск. Дн.“).—100. „Японскій ученый о боксерахъ“.—101. „Сцѣническое искусство въ Китаѣ“.—103. „Разныя разности“—судопроизводство, тюрьмы, пытки и казни въ Китаѣ.—82. Гвидомъ, „Свѣтъ и тѣнь“ безцеремонное и жестокое обращеніе европейцевъ съ китайцами, какъ причина послѣднихъ безпорядковъ.—По Россіи. С. Голодаевка“, лѣкарка, лѣтающая всѣ болѣзни чтеніемъ молитвъ и заклинаніями: на пациентовъ она производитъ очень сильное впечатлѣніе и вызываетъ среди нихъ массовыя истерическія припадки (изъ „Приазов. Кр.“)—84. „По Россіи. Харьковъ“, словарь особаго языка, употребляемаго харьковскими ворами (изъ Харьк. Губ. Вѣд.).—19. Передовая статья посвящена вопросу о возможности заселенія сѣвера Сибири по морамъ. Планъ этотъ редакція считаетъ неудобноисполнимымъ и предлагаетъ для оживленія сѣвера принять мѣры къ повышенію инородческой культуры.

Естественнонаучная и Географія. (Научно-педагогическій журналъ подъ ред. М. П. Варавы. Москва) 1) 1900. 3. Д-ръ І. М. Ютимеръ, Успѣхи географическихъ изслѣдованій и путешествій въ 1898 году: 1. Азія. (перев.).—*Карль Небегай* (Nebehay), Въ странѣ Басковъ (перев.).—Замѣтки на „Юбилейный сборникъ въ честь Вс. О. Миллера“, изд. подъ ред. Н. А. Янчука.—4. Д-ръ Ф. Науличке, Успѣхи географическихъ изслѣдованій и путешествій въ 1898 г.: 2. Африка. (перев.).—В. Г., на Байкалѣ.—А., отзывъ на книгу: Человѣкъ на альпійскихъ высотахъ, *Анджело Моссо*, профессора туринскаго университета.—Хроника. Д. Н. Аучинъ (по поводу юбилея).—5.

1) См. „Этп. Обзор.“ кн. ХLI.

Успѣхи географ. изслѣд. и путеш. въ 1898 году: 3. *Эмилій Юнгъ*, Австралія и Тихій океанъ. 4. *Д-ръ І. Ю. Ютмера*, Америка (перев.).—Хроника: Чествованіе Д. Н. Анучина.—6. *Кожетниковъ, Грм.* „Уравія“ въ Берлинѣ и Вѣнѣ и „Общество для распространенія естественно-историческихъ знаній въ народѣ“ въ Берлинѣ (описаніе научнаго театра, въ которомъ передъ зрителями, какъ бы во время путешествія, проходятъ тѣ или другія страны, народы, явленія природы и т. д. Напр.: „Въ норвежской хижинѣ. Манекены изображаютъ мѣстныхъ крестьянъ, и д-ръ Шванъ дѣлаетъ небольшую экскурсію въ область этнографіи“) —7. *А. Л. Камчатка* и ея обитатели (по поводу книги В. Маргаритова подъ тѣмъ же заглавіемъ).—8. *М. М. На Новой Землѣ* (съ рисунками).—Хроника: сорокалѣтній юбилей академика А. С. Фаминцына.

Журналъ Минист. Юстиціи 1900 г. 1. *Кроль, М. А.* Брачное право у монголо-бурятъ. 6. *Леонтовичъ, Ф. И.* Къ вопросу о происхожденіи семьи вообще и о ея организаціи по древнему русскому праву.—5; 6. *Лыкоминъ, А. И.* О семейной собственности у крестьянъ.

Забайкальскія Областныя Вѣдомости 1900 г. 1—109. 16. Въ мѣстной хроникѣ сообщается про пользующуюся большимъ успѣхомъ въ Читѣ гадальку. „Ее посѣщаютъ многія дамы, даже изъ образованнаго общества“. —9. (Письмо въ редакцію г. Пирожкова).—17, 20, 23. Письмо въ редакцію губерн. Забайкл. обл. *Е. Маціевскаго*.—51. О голодовкѣ среди ороченъ и мѣрахъ, принятыхъ администраціей и обществомъ по этому случаю.—25. Въ некрологѣ Мелетія епископа Рязанскаго, бывшаго раньше епископомъ Селенгинскимъ, приводится перечень его трудовъ, въ числѣ которыхъ нѣкоторые этнографическаго содержанія.—37. *Алексѣй Филипповъ* „По поводу голода среди ороченъ“.—69. „Къ вопросу о церковно-школьномъ образованіи въ Забайкальѣ“.—104. *В. В.* „Общество кулаковъ, или боксеры“.

Землѣдѣтніе. Периодич. изданіе Географическаго отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э. 1900. кн. I. *В. В. Богдамовъ*, Мурманъ и портъ Александровскъ (съ 11 таблиц. и рисунками). Статья касается экономическаго положенія края, занятія жителей, ихъ образа жизни, колонизаціи.—*В. Г. Боморатъ*, Ламуты (Изъ наблюденій въ Колымскомъ край).—*Д. А.*, Южная Африка (общая характеристика страны).—*Д. Н. Амучинъ*, Картографическая выставка при XI археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, въ августѣ 1899 года. („Задачей этой выставки было собрать, по возможности, всѣ имѣющіеся матеріалы по исторіи русской картографіи, чтобы представить наглядно развитіе картографическихъ представленій о русской землѣ, начиная съ конца XV вѣка и до первой половины XVIII вѣка“).—*Л. Н. Майковъ* (некрологъ).—*Н. Н. Харузинъ* (некрологъ).—*Д-ръ Филиппъ Пауличке* (некрологъ).—Извѣстный изслѣдователь сѣв.-вос. Африки.—Двадцатипятилѣтній юбилей въ обществѣ любителей Естествознанія. *Д. Н. Анучинъ*.—Квантунская область (краткое описаніе).

Иверія. 1900. 61. „Ученіе Хикара“, груз. версія. *А. Хаканашвили*.—77. Воскресеніе Христова въ 1083 г. (по лѣтописи Грузин, стр. 239, 415), *М. Джанашвили*.—86. Сіонскій храмъ и Гиви Амилахвари. *П. Цхеламосли*.—79, 80. „Къ любителямъ груз. словесности“ (О пополненіи груз. словаря провинціалами). *П. Миріанашвили*.—97. Мѣсяцъ Махаррамъ у мусульманъ-шиитовъ, *М. Ил. Дж.*—95. О незаконномъ сожителствѣ въ Сванетіи. Святи. *И. Маршани*.—103. Образцы груз. поэзіи на малорусскомъ яз. *А. Хаканашвили*.

Историческій Вѣстникъ. 1900. III. Изъ обычаевъ и вѣрованій американскихъ племенъ (изъ америк. журн. „The Journal of American Folk-lore“).—*Е. А. Лячкій*. Народные типы. Въ вагонѣ. Изъ записокъ этнографа.—VII. *А. К. Божодинъ*. Великорусская народная пѣсня и ея изученіе.—VIII. *А. П. Андреевъ*. Туркменскій судъ. III гл. Жѣнщина у туркменъ. IV гл. Дѣло о калымѣ.—IX. *М. Грулевъ*. Изъ поѣдки въ Манчжурію.—*Бакуминъ*,

М. М. При дворѣ императора въ Суракартѣ. Центральная Ява (языкъ, нравы, обычай, суевѣрія, гороскопы, примѣты, бракъ и расторженіе его, нѣсколько легендъ, впервые появившихся въ русскомъ переложеніи).

Кавказскій Вѣстникъ. 1900. 1, 2. *Катановъ, Н.* Правила мусульманскаго хорошаго тона.—3. *Басикити, П.* Русскія поселенія на Кавказѣ. Урочище Гомборы. Этнографическій очеркъ.

Кавказъ 1900. 33. Св. Георгій и три брата (осет. легенда), *Е. З. Баранова.*—40, 49. На рубежѣ исторія и мѣта. *М. Тебекина.*—50. Народно-юридич. обычай у армянъ Закавказья. (изъ III в. Изв. К. О. И. Р. Г. О.).—65. Англичане на Каспійскомъ морѣ.—70. Къ вопросу о преподаваніи татарскаго языка. *Капитана Меркулова.*—71. Кавказ. путешественники прошлыхъ столѣтій. I. Юганъ Янсонъ Стрѣйсъ (1670 г.). *К. Б.*—95. Вибл. Remarques sur la parenté de la langue étrusque. Par W. Thomesen. *А. Хакобъ.*—119. Суворовъ на Кавказѣ. *Н. Баранова.*—Вибл. „Рус. антропол. журналъ“. *А. Хакоба.*

Кавказъ. 1900. 704, 706. III-бъ. По поводу адатовъ въ Дагестанѣ.—739. *Е. В-овъ.* Ишагъ и левъ (чеченская сказка).—745. *Гачдусъ Мзуронъ.* Лисица и перепелка (осет. сказка).

Киргизская Степная Газета. 1900. 1—2. *Р. Марсековъ.* Киргизскій народный судъ. О недостаткахъ этого суда.—2. *А. Нурджановъ:* о разорительномъ обычаѣ у киргизовъ устраивать поминки по усопшемъ. Приводятъ приблизительный расчетъ поминковъ.—3. Уничтоженіе рабства въ киргизской степи, по докладу, читан. въ С.-П. Археолог. Инст. Приведены между прочимъ киргизскія пословицы, въ которыхъ встрѣчаются указанія на существованіе рабства у киргизовъ. Киргизскія басни и мелкія сказки. I. Мальчикъ и старикъ. 2. Почему первый годъ изъ 12-лѣтнаго цикла у киргизовъ называется по имени мыши (маленькая мышь обманула большого верблюда). 3. Хорошіе сны. Мотивъ: охотники убили одну пнячку—съѣсть ее долженъ тотъ, кто увидитъ лучшей соевъ. 4, 5, 6 *И. Крафтъ:* Уничтоженіе рабства въ киргизской степи.—5, 6. Такъ Сулейменъ. Легенда.—7, 8. *Алиханъ Букейжановъ:* О киргизскихъ поминкахъ.—*Найманецъ:* Киргизскія дѣвушки.—11, 12. Гостепримство киргизъ. О гостепримномъ итеримѣ у киргизовъ. Между прочимъ пѣсня о Хидгерѣ и Ильясѣ, двухъ приближенныхъ Александра Македонскаго, напившихся воды бессмертія и до сихъ поръ странствующихъ въ образѣ путниковъ.—12, 13. *И.* Роль татаръ въ жизни киргизскихъ степей. О кулачествѣ татаръ.—13. *Найманецъ:* Орошеніе луговъ у бурятъ (трет. изд. С.-П.В. Вѣд.).—14, 15. Воловья шкура. Киргизская легенда. Мотивъ: захватъ земли (русскими) при помощи взрѣзанной воловьей шкуры. 15, 16. Степная киргизская медицина (заимств. изъ № 41 „Степного Края“).—16, 17. *Орта-Жузь:* Первый любимецъ Бога. Легенда. Мотивъ: дерево, облагодѣтельствовавшее мужа и жену, постоянно увеличивая свои дары, за неблагодарность ихъ и жадность превращаетъ ихъ наконецъ въ кабановъ.—20, 21. *А. В.* Киргизскія загадки въ видѣ состязанія джигита съ дѣвушкой.—22, 23. *А. В.* Загадки, предложенныя Абубакиру муллою Хаджи-Ахмедомъ. (Изъ Тур. Об. Вѣд.)—23. „Сабанъ Той“ или праздникъ земледѣл. Описанія праздника нѣтъ.—24, 26. Караванъ призракъ. Легенда.—24. Ураза—мусульм. постъ и праздникъ рамазанъ.—25. *Дукей Байжумуровъ:* Кызыль-Кенчскій дворецъ. О развалинахъ въ Кенчской волости, Каракалывскаго у. и преданія, связанномъ съ ними.—*Улу-Джузъ:* Свадебные обычай у татаръ.—26—30, 37 Бозжигитъ. Кирг. повѣсть.—33. Кое-что о китайцахъ. (Изъ С.-П.В. Л.).—34. Суевѣріе китайцевъ (изъ „Каспія“).—35. *А С—новъ:* Изъ жизни инородцевъ. Описана помолвка маленькой дочери киргиза съ сыномъ богатаго зайсана.

Медицинская Бестда. 1900 г. 18. *А. Баловъ.* Рожа и ея лѣченіе въ русской народной медицинѣ.

Московскія Вѣдомости. 1900. 230. Смѣсь. Путешествіе въ Юнь-Нань Фр. Корей („G og r phical Journal“).—294. Русскіе могилки въ Румыніи (румынизованные малороссы въ Вотошанскомъ и Дорогойскомъ уѣздахъ). 302. Смѣсь. Открытіе Америки китайцами (ок. 499 г.).—307. Смѣсь. Религиозныя церемоніи на Гаити (Globus).—321. Смѣсь. Оплакиваніе мертвыхъ у различныхъ народовъ (по статьѣ Ф. Кунце).—Библиографія. Русскія миссіи на окраинахъ, историко-этнографической очеркъ прот. Г. Вѣляева. С.-П.-В. 1900. Ц. 50 к. Стр. 1—308. А. N.

Наблюдатель. 1900. 10. П. Л. Гусевъ. Новгородъ XVI вѣка по изображенію на хутынской иконѣ: „Видѣніе пономаря Тарасія“. Съ 24 рис. Спб. 1900. Рецензія.

Научное Обозрѣніе. 1900. 10. —В-ръ, В. Бачебазство въ Средней Азии.

Образованіе. 1900. VII—VIII. Раздольскій А. Новыя пѣсни. О переворотѣ въ народной поэзіи.

Полтавскія Епарх. Вѣд. 1900. 10. Св. Андрей Критскій по церковному преданію и народному легендарному сказанію. („Руков. для сельскихъ пастырей“).—Б. Лѣтописи села Разбишевки Гадячскаго уѣзда (вышній бытъ прихожанъ, экономической бытъ).

Правительственный Вѣстникъ 1900.—4. Крещенскія сказанія и повѣрья русскаго народа.—9, 10. Январь мѣсяць въ народной Руси.—13, 20. Хлѣбъ насущный въ сказаніяхъ русскаго народа.—26, 30, 33. Февраль мѣсяць въ народной Руси.—33, 38, 39. Турецкій театр въ прошломъ и настоящемъ.—60, 63. Алексѣй—человѣкъ Божій въ сказаніяхъ русскаго народа.—72. Значеніе глиняныхъ площадокъ въ доисторической культурѣ.—74, 76, 77. Апрель—мѣсяць въ народной Руси.—92. „Драма Страстей Господнихъ“ въ Обераммергау.—94, 95. Египетскія вешніи.—99. Иконы древняго письма у крестьянъ.—136, 137. Огонь и вода въ сказаніяхъ русскаго народа.—141. Народная религія въ Китаѣ.—142, 143. Русская простонародная астрономія.—149, 150. Мать-Сыра-Земля въ сказаніяхъ русскаго народа.—159, 160, 161. Море въ русскихъ простонародныхъ сказаніяхъ.—163. Суевѣрія китайцевъ.—176. Китайскій драконъ.—180. Типъ современнаго китайца.—183, 134. Лѣсъ и степь въ простонародныхъ сказаніяхъ.—190, 191. Русскій драконъ Змѣй Горынычъ.—190. Дѣтскія обручальныя кольца, мелочи.—196, 198, 199. Зѣвря и птицы въ сказаніяхъ русскаго народа.—207, 208. Конь-пахарь въ сказаніяхъ русскаго народа. 211. Культъ предковъ въ Китаѣ.—213, 214. Злыя и добрыя травы. Къ исторіи народной медицины.—218, 219, 220. Богатство и бѣдность въ сказаніяхъ русскаго народа.—223, 224. Порокъ и добродѣтель въ сказаніяхъ русскаго народа.—226. Повѣрья, преданія и легенды въ Муромской области.—230, 231. Мать-пустыня.—235, 237, 240.—Загробная жизнь въ сказаніяхъ русскаго народа.—250. Научныя экспедиціи Финско-угорскаго Общества.—252. Любимыя числа у различныхъ народовъ.—253, 255. Царство рыбъ въ сказаніяхъ русскаго народа.—259. Китайскіе уголовные законы.

Русское Богатство. 1899. 7. (10). Новыя книги: „Великоруссь въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.“, П. В. Шейна. Т. I, вып. I. Спб. 1898.—И. И. Гейеръ, Туркестанскія скитанія. Съ 7 рис. Ташкентъ. 1899.—8 (11). Новыя книги: Эрнстъ Гроссе, Происхожденіе искусства, пер. съ нѣм. А. Е. Грушинскій. М. 1899.—А. Шерстобитовъ, Старообрядческая энциклопедія. (Письмо изъ Варнаул. округа). Выдержки изъ апокрифической книги: „Влагочестивая бесѣда философовъ къ всякаго чина людямъ. Вопросы и отвѣты. „Вкратцѣ рещи—слово о созданіи твари“.

Семипалатинскія Обл. В. 1900. 5, 9, 10, 11, 13, 17, 27, 28, 29—32. Н. Комшигъ. Очер. экономич. быта киргизъ Семипалатинской области. (Прод.).

Семирѣченскія Обл. В. 1900.—36, 37. Служебная повѣдка Пр. Аркадія, еп. Туркестанскаго, въ станицы и селенія Вѣрненскаго у., расположен-

ныя по проселочной дорогѣ въ Кульджу. (Общія замѣчанія о численности и условіяхъ жизни населенія).

Сибирскій Вѣстникъ. 1900. № 20. *Е. Веракотъ*. Деревня Вѣлоусова (этнограф. оч. изъ записокъ прѣжаго. Между прочими отрывочными свѣдѣніями приведены варианты Сна Богородицы, молитва ангелу-хранителю, двѣ пѣсни, нѣсколько словъ изъ мѣстнаго словаря.—23. *Н. Г.* Двадцатилѣтіе Бійскаго викаріата. Краткія свѣдѣнія о дѣятеляхъ Алтайской миссіи и ея успѣхахъ среди инородческаго населенія Алтая.—32, 33. *В. Песчанецъ*. Вѣглыи очеркъ жизни присковыхъ рабочихъ въ Сибири, какъ отразилась она въ изыщной литературѣ. 33. Текущ. замѣтки о дѣятельности И. Р. Г. Общ. за 1899 г.—34. Памятка нѣсколько словъ о Д. И. Вантышъ-Каменскомъ и его дѣятельности въ кач. Тобольскаго губернатора.—38. *В. Ивановъ*. Торскіе урманы и ихъ колонизація.—49. *А. П.* Кое-что о сектанствѣ. О двухъ сектахъ; одна основана крест. Якутск. Обл. Филиппомъ Лихачевымъ въ 1847, издавшимъ рукописную книгу: „Мое исповѣданіе“; другая основана Саратовск. крест. Саввою.—55, *В. Гутцѣйтъ*. По Иртышу отъ Тобольска до Торь.—60. Продолж. подъ заглав. *Урманы*. 65, 68, 70, 72, 77, 95, 104, 106. *Н. Гурьевъ*: Сибирскіе скопцы, ихъ экономическое и правовое положеніе.—76. *А. П.* Библиогр. замѣтка: Сибирское переселеніе. СПб, изданіе Комитета Сибирск. ж. дор. Дѣльная книжка.—77—82. Объ киргизскомъ народномъ судѣ. Объ обычаяхъ привоситъ такъ наз. „очиствительную присягу“; за обвиняемаго присягу принимаетъ почетный старикъ, не состоящій со сторонами ни въ какихъ отношеніяхъ; если старикъ согласится принять присягу, бій признаетъ обвиняемаго правымъ.—82. Объ экспедиціи барона Толя.—91, 99, 103, 113, 117. *Валентинъ Нилчинокъ*: Забытое племя. Этнограф. замѣтки объ инородцахъ Минусинскаго округа.—100. *А. П.* Кто нашъ ближній. О дѣятельности американскихъ миссіонеровъ среди чукчей Анадырскаго округа.—106. *В. П. Васильевъ*. Некрологъ. 107, 108, 109, 110, 111. *Пр. Дм. Биликовъ*: Старинный Свято-Троицкій соборъ въ г. Томскѣ.—108. О докладѣ И. А. Молодыхъ въ Им. Р. Г. Общ.: Хозяйство бурятъ кайсальскаго вѣдомства Иркутскаго уѣзда.—121. Памяти Н. М. Ядринцева.—Минусинскій музей въ 1899 году.—123. *А. С. Шерстобитовъ*. Некрологъ.—*Н. Г.* Наши азіатскія окраины на Парижской всемірной выставкѣ.—126, 129. *А. С.—новъ*: Новокрещены. Беллетр. разсказъ изъ жизни алтайскихъ инородцевъ.—130.—*Т.* Древности Никольской (Христорожественской) церкви. Описаніе древнихъ иконъ, хранящихся въ храмѣ.—140. О сообщеніяхъ Н. И. Кроткого („О поѣздкѣ въ буддійскій монастырь собианцевъ Илійскаго края“) и С. П. Швецова („О положеніи калмыцкаго населенія въ Сибири“), читан. въ И. Р. Г. Общ.—154. *Г.* Библиогр. замѣтки о кн.: „Туземцы Закаспійской Области“, этногр. оч., составленный капит. *Ө. А. Михайловымъ* подъ ред. нач. Закаспійск. Обл. *А. Л. Боголюбова*. Асхабадъ, 1900.—174—176. *А. И.* Переселенческій поселокъ „Карловка“ (Енисейск. г. Ачинск. у.). Условія экономич. жизни переселенцевъ.—182.—*Н. Г.—евъ*: Библиограф. зам. о кн.: Матеріалы къ выясненію вопроса объ обезпеченіи чернорабочаго населенія Пермск. г. въ продовольственномъ отношеніи. Изд. стат. отд. Пермск. Г. С. У. Пермь, 1900.—194. *А. Д. Старцевъ* (Некрологъ).—201. Перепечатана изъ гав. „Волны“ народн. пѣснь про Китай“. Интересный обращеніи того, какъ создаются подъ вліяніемъ новыхъ событій новыя пронаведенія народнаго творчества.—210.—Перепеч. изъ „Сѣверо-Зап. Слова“ объ обычаяхъ крестьянъ Ковенск. губ. при жизни покупать себѣ гроба, которые и продаютъ на ярмаркахъ въ большомъ количествѣ: нѣкоторые сами раскрашиваютъ себѣ гроба по вкусу.—213. *Н. Г.—евъ*. Памяти творца Сибирской исторіи (къ 150-лѣтію смерти Г. Фр. Миллера).—215. *М. Бог—новъ*: Страна восходящаго солнца. По поводу кн. *A de-Sieboldi: Der Eintritt Japans in das europaische Volkergrecht.*—216. Расколъ въ Томской губ. Распределеніе различныхъ толковъ по уѣздамъ губерніи.—220. *Рос-*

соез: Какъ быть? Къ вопросу о землеустройствѣ крестьянъ Алтайскаго округа.

Тифлиссій Лютонъ. 1900 г. Иллюстриров. Прибавл. 17. Ген.-адъютантъ кн. Гр. Лев. Дадбани, В. Потто.—Кавкаскіе плѣнники. Е. В.—20. Тифлисская старина, *Старожилка*.

Тобольскія Еп. В. 1900 г. А. Ю-скій: Николай Алексѣевичъ Абрамовъ и его труды по исторіи Зап. Сибири. (Списокъ его литературныхъ трудовъ).

Тульская Губ. Вѣд. 1900. 72. Смѣсь. Продажа дѣвочекъ у глиняковъ (замужь).—Празднества (Вайрамъ) и кровопролитіе въ Константинополѣ.—73. Библиографія. Д-ръ Г. Плоссъ, Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Антропологич. изслѣдованіе. Пер. подъ ред. д-ра Фейнберга, II полутомъ Спб. 1900.—13. Смѣсь. Новый годъ у китайцевъ—10. Тоже, въ Японіи. 26. П. Б-въ. Обычай деревенскихъ посидѣлокъ подъ Тулой.

Новости иностранной этнографической литературы.

- J. K. Ingram. Outlines of history of religion. London 1900. 8°. 162 pp.
 J. Chaliley-Bert Java et ses habitants. Paris 1900. 18°.
 P. La Méançère. Costumes des femmes françaises. Paris 1900. 4°.
 Payer-Didelet. Trente mois au continent mystérieux. Gabon-Congo et côte occidentale de l'Afrique, Paris 1900. 8°. 415 pp.
 M-me J. Pommerol. Une femme chez les Sahariennes. Entrée Laghouat et In-Salah. Paris 1900. 8°.
 A. A. Macdonell. History of Sanscrit Literature. London 1900. 8°. 482 pp.
 W. H. Bentley. Pioneering on the Congo. London 1900. 8°. 926 pp.
 Jos. Knanfshu. About Persia and its people. A description of their manners, customs and home life. Rock Island 1899. 12°. 300 pp.
 Ludwig Salvator. Bongie, die Perle Nord-Afrikas. Leipzig 1900 Fol. VIII, 122 pp. Abbildgn 32 Taf. u. 1 farb. Karte. 30 M.
 Ludwig Salvator. Ramleh als Winteraufenthalt. Leipzig 1900. 4°. XVII, 151 pp. Mit 77 Taf. 20 M.
 Hs. Meyer. Der Kilimandjaro. Reisen und Studien. Berlin 1900. 8°. XVI, 436 pp. Mit 4 Taf. in Farbendr., 16 Taf. in Lichtdr., 20 Taf. in Bouchdr., 2 farb. Orig.-Karten u. 103 Textbildern. 25 M.
 G. Paris. Poèmes est lé endes du moyen âge. Paris 1900. 8°.
 W. Wundt. Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. I Bd. Die Sprache. 1 Thl. Leipzig 1900. 8°. XV. 627 pp. 14 M.
 F. Chapiseau. Au pays de l'esclavage. Moeurs, coutumes de l'Afrique centrale. Paris 1900. 8°. 283 pp.
 M. and B. Ferrars. Burma. London. 1900. 8°. 250 pp.
 Hs. Stumme. Märchen der Perbern von Tamazrt in Südtunisie. Leipzig 1900. 4°. IV, 72 pp. 6 M.
 Matteuzzi. Les facteurs de l'évolution des peuples. Paris 1900. 12°.
 G. B. Grinnell. North American Indians of to-day. London 1900 Fol.
 Alb-Gründvedel. Mythologie du buddhisme au Tibet et en Mongolie. Basée sur la collection lamaïque du prince Ouchtomsky. Avec une préface du prince Ouchtomsky. Traduit de l'allemand par Ivan Goldschmidt. Leipzig 1900. 8°. XXXVII, 247 pp. Mit 188 Abbildg. u. 1 Bildniss. 8 M.

O. Frankfurter. Elements of Siamese grammar with appendices Bangkok & Leipzig 1900. 8°. X, 141 II pp. 16 M.

Osc. Montellus. Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien (Aus „Archiv für Anthropologie“). Braunschweig 1900. 4°. V, 239 pp. Mit 541 Abbildgn.—20 M.

H. Schurtz. Das afrikanische Gewerbe. Leipzig 1900. II, 146 pp. Mit 1 Taf. 7 M. (Preisschriften, gekrönt und herausgegeben von der fürstlich Jablonowski'schen Gesellschaft zu Leipzig XXXV).

P. Carus The history of the Devil and the idea of evil from the earliest time to the present day. Chicago 1900. 8°. 500 pp. With Illustr.

Gh. Förster. Das mosaische Strafrecht in seiner geschichtlichen Entwicklung. Leipzig 1900 8°. 91 pp. 2 M. 80.

Срк. Baumann. Afrikanische Skizzen. Berlin. 1900. 8° III. 119 pp. Mit 7 Abbildgn. u. 13 Lichtdr.—Taf. 8 M.

F. Donaldson. Lepcha land, ar six weeks in Sikhim Himalayas. London 1900. 8°. 226 pp.

E. S. Grogan and A. H. Sharp. From the Cape to Cairo. First traverse of Africa from south to north. London 1900. 8° 394 pp. Illust.

J. Hitomi. Le Japon. Essai sur les moeurs et les institutions. Paris 1900. 8°. Avec 74 photographures.

V. Jaekel. Studien zur vergleichenden Völkerkunde. Mit Berücksichtigung des Frauenlebens. Berlin 1900. 8° XI, 144 pp. 2 M.

A. Bastian. Culturhistorische Studien unter Rückbeziehung auf den Buddhismus. I. Berlin 1900. 8°. IV, 197 pp. 4 M.

Alb. Zweck. Messuren. Eine Landes- und Volkskunde. Stuttgart 1900. 8°. VI, 357 pp. Mit 59 Abbildgn. u. 3 statist. Karten 7 M.

V. Jagić. Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. 2 Hälfte (Aus „Denkschrift d. königl. Akad. d. Wissensch.“). Wien 1900. 4°. 96 pp. 5 M. 60.

J. Marłowicz. Słownik gwar polskich. I T. A do E. Krakau 1900 8°. 454 pp.

E. Stengel. Das altfranzösische Rolandslied. Kritische Ausgabe, besorgt von E. Stengel. I Bd. Text, Variantenapparat und vollständiges Namenverzeichnis. Leipzig 1900. 8°. IX, 404 pp. 12 M.

Bérenger-Feraud. Les Provençaux à travers les âges. Paris 1900. 8° 527 pp.

Castellani. Les femmes au Congo. Paris s. d. 12°. 307 pp. et fig.

Aug. Moulléras. Le Maroc inconnu. 2 v. Paris 1895—1899. 8°. 200, 813 pp. et cartes.

Nieboer. Slavery, as an industrial system. Ethn. researches. 1900. 474 pp.

B. Spencer and Gillen. The native tribes of central Australia. London 1899. 8°. 671 pp. & fig.

A. M.

Дополненіе къ бібліографіи о башкирахъ.

(См. „Этногр. Обзор.“, кн. XLIII).

C. E. de Ujfalvy de Mezö Kövesd. Expédition scientifique française en Sibérie, en Russie et dans le Turkestan. Paris (Leroux), 1878—1880, 3 vol. 8-о; прилож. 2 альбома картъ и таблицъ. III томъ содержитъ: Les Bachkirs, les Vêpses et les antiquités finno-ougriennes et altaïques.

Wl. de Youferow. Etudes ethnographiques sur les Bachkirs. Paris. 1881. 4-о, съ картами.

Stephen Sommier. Un'estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sieni, Tartari, Kirghisi e Baskiri. Firenze, 1885, 8-о. (Отчетъ о книгѣ см. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, ноябрь, стр. 79—86).

Н. В. Ремезовъ. Очерки изъ жизни дикой Башкиріи. Москва, 1889 и 1890.

Упомянутыя и краткія свѣдѣнія о башкирахъ находятся и еще во многихъ иностранныхъ изданіяхъ. Упомяну, напр., слѣдующія, на которыя могу сдѣлать болѣе точныя указанія:

Fr. Heinr. Müller. Der Ugrische Volksstamm. Berlin, 1837 8-о, (томъ I, стр. 141 сл.).

Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837. 8° (стр. 748 сл.).

H. Müller. Allgemeine Ethnographie. Wien, 1878, 8-о.

Ченстоховъ.
30 іюля, 1900 г.

A. de Gennepe.

Вопросы и отвѣты.

Суевѣрія относительно животныхъ.

Нѣмецкій ученый Томасъ (N. W. Thomas) обращается къ русскимъ этнографамъ и ко всѣмъ читателямъ „Этнографическаго Обозрѣнія“, съ просьбой сообщить ему для научныхъ цѣлей свѣдѣнія по слѣдующей программѣ:

1. Какія животныя (птицы, рыбы, насѣкомыя и т. д.) служатъ признакомъ счастья (или несчастья) для того, кто ихъ видитъ?

2. Какія животныя приносятъ счастье (несчастье) дому, въ которомъ они живутъ?

3. Какія животныя предвѣщаютъ смерть?

4. Какія животныя предсказываютъ цѣну на хлѣбъ, обильный урожай?

5. Даютъ ли послѣднимъ колосьямъ названіе какого-нибудь животнаго? Говорятъ ли, что звѣрь бѣжитъ по полю, если рожь при наступленіи вѣтра колыхнется?

6. Не держатъ ли животныхъ (птицъ и т. д.) въ домахъ, чтобы удержать счастье, чтобы предохранить отъ болѣзней и т. д.? Ловятъ ли, привѣтствуютъ ли животное, которое въ первый разъ видятъ весной и т. д.? Существуютъ ли животныя (птицы, ихъ яйца и т. д.), которыхъ не должно брать домой?

7. Какую роль играетъ цвѣтъ животнаго въ суевѣріяхъ? Предпочитаютъ ли бѣлыхъ животныхъ?

8. Существуютъ ли животныя, которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считаютъ священными, т. е. которыхъ нельзя убивать и ѣсть, которыхъ не любятъ, до которыхъ (или до ихъ гнѣздъ) неохотно дотрагиваются, и обыкновенныхъ названій которыхъ не произносятъ?

9. Не ѣдятъ ли нѣкоторыхъ животныхъ только одинъ разъ въ году, и притомъ съ особенной торжественностью?

10. Существуютъ ли животныя, на которыхъ охотятся одинъ разъ въ годъ, или которыхъ убиваютъ во время народныхъ увеселеній? Или такія, которыхъ преслѣдуютъ или бьютъ кнутомъ (бичуютъ)? Или птицы, яйца которыхъ вынимаютъ и уничтожаютъ?

11. Воняютъ ли на показъ животныхъ и ихъ чучела, бросаютъ ли ихъ въ пасхальный огонь и т. д.? Продаютъ ли птицъ и насѣкомыхъ разъ въ годъ? Покупаютъ ли ихъ, чтобы дать имъ свободу?

12. Думаютъ ли, что можно приобрести особую цѣлебную и волшебную силу, если ѣсть мясо извѣстныхъ животныхъ, или до нихъ дотронуться

или заставить их умереть въ рукѣ? Въ какомъ возрастѣ должно это дѣлать?

13. Какія животныя употребляются при заклинаніи (волшебствѣ), въ народной медицинѣ, и для какихъ цѣлей? Когда должно убивать животныхъ, для этого назначенныхъ?

14. Дѣлають ли пироги или какія нибудь другія фигуры въ видѣ животныхъ?

15. Думаютъ ли, что умершіе принимаютъ образъ животныхъ?

16. Думаютъ ли, что вѣдьмы принимаютъ образъ животныхъ?

17. Какія животныя понимаютъ людской языкъ?

18. Какія животныя принимаютъ въ другихъ странахъ человѣческой образъ или по желанію кажутся такими? Какія животныя суть заколдованные люди?

19. Какія животныя приносятъ маленькихъ дѣтей и откуда?

20. Рассказываютъ ли сказки о дѣвушкахъ и юношахъ въ образѣ лебедя, и сказки о предкахъ въ образѣ животныхъ или со звѣринными частями тѣла, или о родившихся животными и т. д.?

21. Играють ли животныя роль при рожденіи, при свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ?

22. Прикрѣпляютъ ли головы животныхъ и черепа къ вышкѣ дома, или ставятъ ли ихъ на границахъ полей?

23. Какихъ животныхъ изображенія встрѣчаются какъ вывѣски на трактирахъ и какъ флюгера?

24. Существуютъ ли игры дѣтей, которыя носятъ названіе животныхъ? Устраняются ли на паскѣ игры съ яйцами, катаніе яицъ и т. д.?

25. Погребають ли нѣкоторыхъ животныхъ, найденныхъ мертвыми, изъ-за суевѣрія; хоронять ли животныхъ на масляницѣ, и т. д.?

При отвѣтахъ просить:

1. Всякій разъ указывать мѣстность, гдѣ наблюдается то или другое суевѣріе.

2. Сообщать народныя названія животныхъ рядомъ съ общеупотребительными.

3. При отвѣтѣ на 14 вопросъ желательно получить и образцы печеній. По вопросу 22 требуются также самыя изображенія.

Всѣ отвѣты на предложенные вопросы, или хотя бы на нѣкоторые изъ нихъ, просимъ направлять въ редакцію „Этнографическаго Обзорія“; они будутъ напечатаны въ нашемъ журналѣ, а въ нѣмецкомъ переводѣ будутъ доставлены г. Томасу. Кромѣ непосредственныхъ наблюденій, желательны также указанія на книги и сочиненія, въ которыхъ можно найти свѣдѣнія по указаннымъ вопросамъ.

Корреспонденціи.

I.

Изъ Тверской губерніи, Новоторжскаго у., Прамухинской вол.

(Средства предохраненія противъ болѣзней).

Въ дер. Мытицахъ мнѣ пришлось видѣть такой своеобразный способъ лѣченія или предупрежденія болѣзней. Во многихъ дворахъ на воротахъ сдѣлана надпись дегтемъ: „Дома нѣту никого“. Сдѣланы эти надписи во время холерной эпидеміи съ тою цѣлью, чтобы холера, обманутая ими, не зашла на данные дворы. Иногда впрочемъ встрѣчаются надписи и именныя, такъ напр: „Нѣтъ дома рабы Божьей Натальи“, и такія надписи пишутся не во время эпидеміи, а въ случаѣ болѣзни какого нибудь лица, объ отсутствіи котораго потому и заявляется на воротахъ.

Изъ другихъ медицинскихъ средствъ весьма широкимъ распространеніемъ пользуются разные заговоры, которые пишутся на бумагѣ и носятся на тѣлѣ вмѣстѣ съ крестомъ, амулеты изъ костей шуки, имѣющихъ видъ креста и которые тоже носятъ на тѣлѣ, но безъ всякихъ заговоровъ, обливанье водой подъ куриной насѣстью и особенно (въ случаѣ лихорадки) прижиганія восковой свѣчей. Иногда на тѣлѣ больного можно увидѣть до 20 маленькихъ ожоговъ, сдѣланныхъ въ цѣляхъ борьбы съ „огневицей“. Этотъ способъ лѣченія особенно интересенъ, т. е. встрѣчается и въ такихъ мѣстностяхъ, которыя никогда не находились въ соприкосновеніи съ русскими. Такъ, напр. Пауличке констатируетъ его существованіе у туземцевъ сѣверо-восточной Африки, т. е. у Галли, Данапили и Сомали (Paulitschke, Ethnographie Nord-ost-Afrikas. I, p. 184).

А. Максимовъ.

II.

Изъ Вологодской губ., Кадниковскаго уѣзда, Васьяновской вол.

(О чтеніи и книгахъ среди крестьянъ).

Въ свободное отъ работъ время, напримѣръ: въ праздничные дни, зимніе вечера и проч., здѣшніе крестьяне занимаются чтеніемъ книгъ. Этимъ интересуются и неграмотные и охотно слушаютъ чтеніе. Читаютъ крестьяне въ одиночку или собираются нѣсколько

человѣкъ вмѣстѣ, при этомъ одинъ читаетъ, остальные слушаютъ. Чтеніе книгъ крестьяне считаютъ такимъ дѣломъ, изъ котораго можно узнать что-либо полезное и вмѣстѣ съ тѣмъ провести время. Къ газетамъ крестьяне относятся недовѣрчиво: по ихъ мнѣнію, въ газетахъ помѣщаютъ иногда и небылицы.

При чтеніи книгъ въ собраніи нѣсколькихъ лицъ предпочитаютъ такія книги, въ которыхъ описываются или смѣшныя происшествія или битвы. Крестьяне, читающіе книги по одиночкѣ, предпочитаютъ чтеніе духовное. Изъ духовныхъ книгъ читаются: Евангеліе, псалтырь, часословъ, святцы и житія святыхъ; въ числѣ послѣднихъ болѣе всего интересуютъ житія святыхъ муч. Кирика и Улиты, св. Георгія Побѣдоносца и др.

Дѣти и нѣкоторые изъ стариковъ предпочитаютъ чтеніе сказокъ. Въ сказкахъ они любятъ видѣть описаніе волшебныхъ дѣйствій. Изъ сказокъ Пушкина извѣстны народу: сказка о рыбацкѣ и рыбацѣ, сказка о пѣтушкѣ, сказка о погѣ и его работницѣ и сказка о царѣ Салтанѣ. При всякомъ чтеніи крестьяне одинаково любятъ и стихи и прозу. Произведеній драматическихъ, а также описывающихъ народную жизнь, читать крестьяне не любятъ. При чтеніи книгъ по исторіи, интересуются крестьяне болѣе всего дѣйствіями царей и полководцевъ и описаніемъ войнъ; при этомъ въ частности можно замѣтить, что особенно интересуется народъ жизнь такихъ историческихъ лицъ, какъ Импер. Екатерина II., Суворовъ и Скобелевъ. При покупкѣ календарей, крестьяне отдаютъ предпочтеніе тѣмъ, въ которыхъ болѣе картинъ исторической жизни и изображеніе государей, полководцевъ и народныхъ героев. Приобрѣтая такія книги, какъ „Сонникъ“, „Оракулъ“ и „Соломонъ“, и читая ихъ, крестьяне довѣрчиво относятся къ подобнымъ изданіямъ и большей части написаннаго безусловно вѣрятъ.

Книги крестьянами приобрѣтаются по деревнямъ у разносчиковъ, а на базарахъ у офеней, при этомъ покупка „листовки“ обходится въ 3 коп. а „двухъ-листовки“ въ 5—6 копеекъ. Извѣстныя крестьянскія семьи затрачиваютъ на покупку книгъ отъ 15 до 50 коп. въ годъ.

Въ заключеніе выписываю названія книгъ имѣющихся въ извѣстной крестьянской семьѣ: 1) Паденіе Плевны и взятіе Плевны и Османа-Паши, 28 ноября, 1879 г. 2) Исторія о томъ, какъ львица воспитала царскаго сына, 1871 г.— 3) Мужичекъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, соч. В. О. Потаповой, 1878 г.—4) Скатерть-хлѣбосолка или волшебная сумка—сказка М. Евстигнѣва, 1879 г.—5) Попутчикъ, рассказъ П. Пейверинта, 1887 г.—6) Не жениться горе, а жениться вдвое—шутка, соч. М. Евстигнѣва, 1884 г.—7) Марко безчастный и Василій богатый, 1888 г.

А. Д. Неуступовъ.

III.

Оттуда же.

(Народные толки о Китайской войнѣ).

Впервые крестьяне узнали здѣсь о китайскихъ безпорядкахъ въ концѣ іюня; тогда они знали, что воюетъ Китай, но съ вѣмъ и причину войны объяснить не могли. Послѣ этого многіе изъ крестьянъ стали обращаться къ священнику, учителю, волостному писарю и другимъ лицамъ, читающимъ газеты, съ разспросами о подробностяхъ войны и часто задавали вопросы: „Что нашъ-то Царь воюетъ?“ „кто кого разить?“ и прибавляли: „пусть-бы война кончилась,—вѣдь это разореніе!“

Въ началѣ іюля крестьяне говорили о побѣдѣ русскихъ надъ китайцами, которыхъ по ихъ словамъ, было убито до 100,000 человекъ; они хвалили нашихъ русскихъ солдатъ и иногда добавляли увѣренія: „бойко сраженіе идетъ, дымъ-то чуть сюда не долетаетъ!“

Въ половинѣ іюля крестьяне говорили о смерти китайскаго императора (имя ему „Китай“!), — „ну, значить и война прекратится, да и зачѣмъ воевать, нашъ-то Государь никого не обидитъ!“

Въ серединѣ августа крестьяне уже знали о взятіи соединенными отрядами Пекина, и можно было отъ нихъ слышать, что война, пожалуй, и кончилась; теперь Китай обяжутъ подпиской, чтобы онъ болѣе не воювалъ, а не то и судомъ къ тому присудятъ.

Въ концѣ августа крестьяне уже разсуждали: „Видишь, Китаю убрала подальше всѣхъ посланцевъ, а американца убила; теперь она отдаетъ посланцевъ-то назадъ и проситъ у государей „замиренья“ и даетъ 40,000,000 рублей, а американецъ не мирится: минь, говорить, денегъ не надо, а подай посланца!“

Затѣмъ крестьяне говорили: „Слава Богу, Китай-то забираютъ, до конца догонять, такъ узнаютъ, какво воевать съ русскими“. О дѣлахъ русскихъ въ Маньчжуріи крестьяне не знали.

Въ сентябрѣ были слѣдующіе толки отдѣльныхъ крестьянскихъ лицъ:

— „Пекинъ наши взяли! Эхъ, вотъ-бы нашимъ тамъ чайку побольше позаворонцовать!“

— „Русскіе взяли китайскій городъ Пекинъ; около этого города протекаетъ рѣка; въ этой рѣкѣ русскіе столько потопили китайцевъ, что рѣка стала, и по трупамъ китайцевъ русскіе переходили эту рѣку, какъ по мосту“.

— „Китаецъ этотъ самый хитеръ; пустилъ въ свой китайскій городъ нашихъ русскихъ солдатъ, самъ же изъ города вышелъ, но оставилъ въ городѣ много минъ, думаетъ, какъ русскіе войдутъ въ городъ, мины-то и взорву. Да не удалось, наши вошли въ городъ и мины убрали“.

А. Д. Неуступовъ.

7 октября 1900 года.

ХРОНИКА.

Увѣковѣченіе памяти П. В. Шейна.

Въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. 3-го октября, посвященномъ памяти недавно скончавшагося непр. чл. Общества Павла Васильевича Шейна, постановлено было открыть добровольную подписку между членами Общества и его отдѣловъ на постановку памятника на могилѣ покойнаго, погребеннаго на нѣмецкомъ кладбищѣ въ г. Ригѣ, гдѣ онъ умеръ совершенно одинокимъ. Въ настоящее время Этногр. Отдѣломъ собрано болѣе 200 рублей; приѣмъ пожертвованій продолжается. На тотъ же предметъ собираетъ подписку между своими членами и Общество любителей россійской словесности, поминавшее П. В. Шейна, какъ своего члена, въ публичномъ засѣданіи 1-го октября. Если въ распоряженіи двухъ названныхъ Обществъ окажется сумма больше той, какая нужна будетъ на сооруженіе скромнаго памятника весною, то рѣшено излишекъ обратить въ фондъ на учрежденіе при Этнографическомъ Отдѣлѣ медали имени покойнаго П. В., выдаваемой за собранія произведеній народной словесности и за научныя изслѣдованія въ этой области.

Взносы слѣдуетъ направлять на имя Секретаря Этнографическаго Отдѣла (Москва, Политехнической Музей). Списокъ участниковъ въ подпискѣ будетъ напечатанъ въ «Этнографическомъ Обзорѣніи».

Правила о преміи имени А. М. Сибирякова.

1. При Императорскомъ Томскомъ Университетѣ учреждена премія изъ % денегъ съ капитала въ 16500 руб., пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ А. М. Сибиряковымъ и хранящагося въ числѣ специальныхъ средствъ Императорскаго Томскаго Университета.

2. Въ соисканіи преміи могутъ участвовать оригинальныя на русскомъ языкѣ историческія сочиненія о Сибири, а именно такія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ или общую исторію всего края или отдѣльныхъ его частей, а также исторію сибирскихъ племенъ, гражданского быта, древностей, промысловъ, просвѣщенія и т. д. Къ соисканію преміи допускаются также и научныя изданія сборниковъ историческихъ документовъ, впервые извлеченныхъ изъ архивовъ.

3. Первое присужденіе преміи Томскимъ Университетомъ будетъ происходить въ 1901 г. Авторы, желающіе участвовать въ ея соисканіи, должны доставлять свои сочиненія не позже 1-го января того же гола въ Юридическій Факультетъ Императорскаго Томскаго Университета.

4. Изъ печатныхъ сочиненій къ соисканію преміи принимаются лишь такія, которыя вышли въ свѣтъ въ теченіи пяти лѣтъ, предшествовавшихъ конкурсному.

5. Рукописныя сочиненія, представляемыя къ соисканію преміи, должны быть написаны четко и чисто. Авторамъ ихъ предоставляется или выставить свое имя на самой рукописи, или скрыть его въ приложенномъ къ ней особомъ пакетѣ, подъ девизомъ.

6. Премія за рукописное сочиненіе выдается автору лишь по представленіи имъ въ Юридическій Факультетъ экземпляра отпечатаннаго сочиненія.

7. Юридическому факультету Императорскаго Томскаго Университета предоставляется право увѣнчивать преміей въ нижеуказанные сроки также сочиненія и не представленныя на конкурсъ. Сочиненія, представляемыя на соисканіе преміи, могутъ быть передаваемы Факультетомъ на разсмотрѣніе специалистовъ по разнымъ историческимъ

вопросамъ, не состоящихъ профессорами Томскаго Университета.

8. Члены Юридическаго Факультета, представившіе сочиненіе на конкурсъ, не участвуютъ въ присужденіи преміи.

9. Право на полученіе преміи имѣеть лишь авторъ или его наслѣдники, но отнюдь не издатель увѣнчаннаго сочиненія.

10. Размѣръ преміи опредѣляется въ 1000 руб., половинный размѣръ въ 500 рублей.

11. Если въ назначенный срокъ премія не будетъ присуждена, то накопившіеся проценты присоединяются къ капиталу.

12. Присужденіе преміи производится чрезъ каждые три года Юридическимъ Факультетомъ Императорскаго Томскаго Университета въ теченіе сентября мѣсяца соотвѣтствующаго года; постановленіе Факультета объявляется на торжественномъ актѣ Томскаго Университета 22-го октября того же года.

13. Печатаніе рецензій о сочиненіи, которому присуждается премія, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ, а также объявленія о конкурсѣ на премію имени Сибирякова, производятся за счетъ остатковъ отъ процентовъ послѣ присужденія преміи.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Московскомъ университетѣ.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ XIV ТОМЪ

„Трудовъ Этнографическаго Отдѣла“,

СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ЧЕСТЬ В. О. Миллера,

изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ,

подъ ред. *Н. А. Янчука.*

(Москва, 1900 г., стр. XXII—368. 4° Цѣна 3 руб.).

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ редакціи.—В. М. Михайловскій. Браткіи очеркъ научной дѣятельности В. О. Миллера. (Съ портретомъ). Библиографическій перечень печатныхъ трудовъ В. О. Миллера.—Т. И. Ланге и Ф. Л. Триллинъ. Богатырь перегоняетъ солнце. Болгарская колядская пѣсня въ датскомъ и нѣмецкомъ переводѣ.—А. Е. Грузинскій. Приходъ кобзаря въ село. Изъ поэмы Шевченка: „Черныца Марьяна“.—А. А. Шахматовъ. Начальный Кіевскій лѣтописный сводъ и его источники.—О. Г. Мищенко. Въ вопросу о бытѣ Геродотовскихъ будиновъ.—А. С. Хахановъ. Нѣкоторыя черты строя и культуры древней Грузіи, по даннымъ археологіи и этнографіи.—Бар. Р. Р. Штамельбергъ. Главныя черты въ народной религіи осетинъ.—Л. З. Мсеріанцъ. Въ Боспорской ономастикѣ. (Собственное имя *Σωραχος*).—В. К. Поржезинскій. Нѣсколько страницъ изъ исторіи сравнительнаго языковѣдѣнія.—М. Н. Сперанскій. Одно изъ примѣненій закона переживания старинны въ исторіи русской литературы.—Е. О. Будде. Нѣкоторые выводы изъ позднѣйшихъ трудовъ по великорусской діалектологіи.—Б. М. Халатянцъ. Общій очеркъ армянскаго богатырскаго эпоса.—Н. Н. Харузинъ. „Знамена“ у мордвы въ XVI и XVII вв. (Съ 168 снимками).—М. А. Динаревъ. Апокрифы, собранные въ Кубанской области.—А. Н. Малинка. Апокрифы, записанные въ Волынской губерніи.—А. И. Кирпичниковъ. Богородица въ народной поэзіи. (Отрывки и замѣтки).—Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ. Армянскій апокрифъ: Посланіе судьи Пилата къ Тиверію Кесарю. (По рукописи

XVII вѣка).—Г. А. Халатяницъ. Объ Авгарѣ, царѣ Эдесскомъ, по Моисею Хоренскому.—А. Д. Григорьевъ. Къ вопросу о происхожденіи и редакціяхъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ.—М. О. Аттая. Повѣсть о мудромъ Хикарѣ и племянникѣ его Наданѣ. (Переводъ съ арабскаго).—С. О. Долговъ. Стихъ о Чудной Царицѣ.—С. К. Шамбинаго. Древнерусское жилище по былинамъ.—А. В. Марновъ. Бѣломорская былина о походѣ новгородцевъ въ Югру въ XIV вѣкѣ.—Ю. И. Поливна. Одинъ русский анекдотъ и его западный источникъ.—Н. Ф. Сумцовъ. Повѣсть о томъ, какъ чортъ разсорилъ супруговъ. (Литературная родня разсказа А. П. Стороженка: „Се тава баба, що чортъ їй чоботы на маховыхъ вылахъ отдававъ“).—А. И. Маркевичъ. Очеркъ сказокъ, обращающихся среди одесскаго простонародія.—В. А. Гордлевскій. Обзоръ турецкихъ сказокъ по сборнику Буноша.—А. Е. Крымскій. По поводу сюжета сказки Буноша № 94, послужившаго темою перваго ученаго труда В. Ф. Миллера.—А. К. Горстеръ. Къ литературной исторіи „Тысячи и одной ночи“. Съ дополненіями и приложеніемъ указателя литературы, А. Е. Крымскаго.—Г. А. Муринъ. О рѣчахъ, приписываемыхъ халифу Али.—Г. В. Чирновъ. Два любопытныхъ арабскихъ документа. (Къ исторіи внутренняго быта восточныхъ христіанъ).—С. П. Олферьевъ. Изъ области древнеарабской лирической поэзіи.—С. Н. Тэръ-Саргсянцъ. Хачатуръ Абовяцъ, какъ этнографъ. (Къ исторіи армянской этнографіи).—В. Н. Добровольскій. О нѣкоторыхъ архаическихъ обычаяхъ, переживаемыхъ народомъ въ Смоленской губерніи.—М. В. Довнаръ-Запольскій. Ритуальное значеніе коровинаго обряда у бѣлоруссовъ.—П. В. Ивановъ. Вовкулаки. (Матеріалы для характеристики мировоззрѣнія крестьянъ-малоруссовъ).—А. Е. Крымскій. О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на Ене и Іине.—Р. Ф. Брандтъ. Нѣсколько мелочей. (1. Перецъ.—2. Вьсь, вьсе, вьса.—3. Человѣкъ.—4. Акцентныя крохи).—Мирза-Джафаръ. Объ искусственномъ образованіи парныхъ словъ (Reinwörter).—П. Н. Милуновъ. Что такое „море Вирянское“ и „городъ Леденецъ“? (Справка къ вопросу о времени и мѣстѣ происхожденія былинны о Соловьѣ Будимировичѣ).—В. В. Каллашъ. Нѣсколько догадокъ и соображеній по поводу „Слова о Полку Игоревѣ“.—Н. А. Янчукъ. Къ исторіи и характеристикѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ.

 Выручка отъ продажи предназначена на учрежденіе премій по этнографіи.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ сборникъ:

БѢЛОМОРСКІЯ БЫЛИНЫ,

собранныя лѣтомъ 1899 года г. А. В. Марковымъ. Сборникъ будетъ объемомъ около 35 печатн. листовъ. 8°

Обращаться въ Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Москва, Политехнической музей.